

ПРОЕКТ БЕСТСЕЛЛЕР

МАЙКЛ КРАЙТОН

ПИРАТСКИЕ ШИРОТЫ

МИЛЛИОННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР УЖЕ ПРОДАН, И СТИВЕН СПИЛБЕРГ
ЗАКЛЮЧИЛ КОНТРАКТ НА СОЗДАНИЕ КИНОВЕРСИИ,
ТАК ЧТО УБИРАЙТЕ ПАРУСА И ГОТОВЬТЕСЬ К АБОРДАЖУ!

Washington Post

МАЙКЛ КРАЙТОН

МАЙКЛ КРАЙТОН

ПИРАТСКИЕ ШИРОТЫ

ЭКСМО
Москва
ИД Домино
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 77

Michael Crichton
PIRATE LATITUDES

Copyright © 2009 by The John Michael Crichton Trust

Перевод с английского *О. Степашиной*

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *В. Еклериса*

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

Крайтон М.

К 77 Пиратские широты : роман / Майкл Крайтон ; [пер. с англ. О. Степашиной]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 352 с.

ISBN 978-5-699-45379-5

Карибское море, 1665 г. Ямайка, далекая британская колония, а по сути вольное пиратское государство, противостоит могуществу испанской империи.

Жизнь морского разбойника полна свирепой романтики, но чересчур коротка. Если ее не оборвет тропическая болезнь, это сделает пушечное ядро, или абордажная сабля, или веревка палача. Поэтому не будет недостатка в отчаянных помощниках у того капитана, который задумает штурмовать неприступную крепость и отбить полный золота галеон.

«Парк юрского периода», «Сфера», «Конго» и другие бестселлеры Майкла Крайтона изданы во множестве стран, общее число экземпляров превысило сто пятьдесят миллионов. Роман «Пиратские широты» был обнаружен в архиве прославленного писателя уже после его смерти.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Степашина О., перевод на русский язык, 2010
© Оформление. ООО «ИД «Домино», 2010
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-45379-5

В том, что касается пиратских авантур в Вест-Индии... я обязан сообщить, что в здешних краях уделяют мало внимания прекращению и подавлению пиратства. Напротив, я вынужден честно, хоть и с печалью заявить, что сэр Джеймс Элмонт, губернатор колонии Ямайка, сам перенял обычаи преступников и негодяев, что он поддерживает словом, делом и деньгами продолжение трусливых и кровопролитных налетов на испанские земли, что он позволяет использовать Порт-Ройял в качестве места сбора всех этих головорезов и подлецов...

Из петиции Роберта Хэкетта, помощника губернатора на Ямайке, что в Вест-Индии, его священнойшему величеству Карлу милостью божьей королю Великобритании и Ирландии

Атлантический
океан

Тропик Рака

острова Кайкос

ИНАГУА

острова Теркс

Наветренный пролив
ТОРТУГА

Ле Моле

Монте-Кристо

Виргинские острова

ИСПАНЬОЛА

Сан-Хуан

МАТАНСЕРОС

Санто-Доминго

Рамонас

ПУЭРТО-РИКО

Сент-Киттс

Большие Антильские острова

Карибское море

ГВАДЕЛУПА

ДОМИНИКА

остров Кота
Обезьянья бухта

БАРБАДОС

ГРЕПАДА

ТОБАГО

ТРИНИДАД

Малые Антильские острова
Бока-дель-Драгон
Безымянный

Маракайбо

ВЕНЕСУЭЛА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОРТ-РОЙЯЛ

Глава 1

Сэр Джеймс Элмонт, волею его величества Карла Второго губернатор Ямайки, привык вставать рано. Отчасти это было склонностью стареющего вдовца, кроме того — следствием подагры, не дающей спать спокойно, и требованием климата Ямайки, где уже вскоре после рассвета становилось жарко и влажно.

Утром седьмого сентября тысяча шестьсот шестьдесят пятого года он, следуя обычному распорядку, проснулся в своих покоях, устроенных на третьем этаже губернаторского особняка, встал и сразу же направился к окну, желая посмотреть, что там с погодой и каким обещает быть наступающий день. Губернаторский особняк был внушительным кирпичным строением с красной черепичной крышей. Из окон этого единственного трехэтажного здания во всем Порт-Ройале открывался великолепный вид. Сэру Джеймсу видно было, как фонарщики обходят город и гасят уличные огни. На Ридж-стрит утренний патруль, состоящий из солдат гарнизона, собирал тела мертвых и упившихся, валяющиеся в грязи. Прямо под окнами громыхали повозки, запряженные лошадьми. Они везли бочки со свежей водой из Рио-Кобра, протекавшей в нескольких милях от города. Но за исключением этого, в Порт-Ройале было тихо. Город наслаждался кратким мгно-

вением между тем, как последние кутилы, загулявшие вечером, напьются до помрачения сознания, и началом утренней торговой суматохи вокруг пристаней.

Переведя взгляд с тесных, узких улиц города на порт, сэр Джеймс увидел лес покачивающихся мачт, сотни кораблей всех размеров, пришвартованных в гавани или стоящих в доках. В море, за пределами порта, виден был английский торговый бриг, бросивший якорь за отмелью, неподалеку от рифа Рэкхема. Несомненно, судно прибыло ночью, и капитан благоразумно решил прежде дожидаться дневного света, а потом уже входить в порт. Пока губернатор наблюдал за кораблем в свете разгорающейся зари, на нем подняли марселя. От берега, неподалеку от форта Чарльз, отвалили два баркаса и пошли к бригу, помочь отбуксировать его в гавань.

Губернатор Элмонт, известный в здешних краях под именем Джеймса Десятины из-за настойчивых требований отдавать десятую часть прибыли каперских экспедиций в его личную казну, отвернулся от окна и, хромя на больную ногу, двинулся через комнату, чтоб заняться утренним туалетом. Торговое судно тут же было позабыто, поскольку нынешним утром сэру Джеймсу предстояло исполнить неприятную обязанность — присутствовать при повешении.

На прошлой неделе солдаты схватили одного мерзавца француза, некоего Леклерка, изобличенного в пиратском налете на поселение Очо Риос, расположенное на северном берегу острова.

В результате показаний тех немногих местных жителей, что пережили нападение, Леклерка приговорили к публичному повешению на Хай-стрит. Губернатора особо не интересовал ни этот француз, ни его казнь, но должность требовала от него присутствовать при этом. Следовательно, утро намечалось утомительное и неприятное.

В комнату вошел Ричардс, слуга губернатора.

— Доброе утро, ваше превосходительство. Ваш кларет.

Он подал губернатору бокал, и Элмонт тут же осушил его одним глотком. Ричардс расставил туалетные принадлежности — таз со свежей розовой водой, еще один с давлеными ягодами мирта, небольшую чашу с зубным порошком, а рядом с ней положил платок для зубов. Губернатор Элмонт принялся ухаживать за собой под шипение надушенных мехов. Так Ричардс каждое утро проветривал комнату.

— Теплый выдался денек для повешения, — заметил Ричардс.

Сэр Джеймс пробурчал что-то в знак согласия и намазал редеющие волосы пастой из миртовых ягод. Губернатору Элмонту исполнился пятьдесят один год, и он уже лет десять как начал лысеть. Этот человек не был особо тщеславен и почти всегда носил шляпу, так что облысение оказалось для него не столь ужасным, как могло бы. Тем не менее сэр Джеймс применял различные средства от выпадения волос. Последние несколько лет он пристрастился к пасте из миртовых ягод, традиционному лекарству, рекомендованному еще Плинием. Кроме него сэр Джеймс пользовался пастой из оливкового масла, пепла и земляных червей для предотвращения седины. Но эта смесь так воняла, что губернатор втирал ее в волосы реже, чем следовало бы.

Губернатор Элмонт промыл волосы розовой водой, вытер полотенцем и взглянул на свое отражение.

Одной из привилегий положения высшего должностного лица колонии Ямайка было обладание лучшим на острове зеркалом. Оно было квадратным, со сторонами почти в фут, и превосходного качества, без ряби и малейших изъянов. Его привезли из Лондона год назад для

одного здешнего торговца, но Элмонт конфисковал эту вещицу под каким-то предлогом. Он был не чужд подобных деяний, искренне считал, что такое вот властное поведение лишь добавляет ему уважения в местном обществе. Как предупреждал его еще в Лондоне предыдущий губернатор, сэр Уильям Литтон, Ямайка не была обременена излишеством морали. В последующие годы сэр Джеймс часто вспоминал эти слова, оказавшиеся чрезвычайно успешно сформулированным преуменьшением. Самому сэру Джеймсу не доставало умения изящно выражаться. Он был прямолинеен до неприличия, отличался вспыльчивостью и относил сей факт на счет своей подагры.

Теперь же, глядя в зеркало, сэр Джеймс понял, что ему нужно повидаться с Эндерсом, цирюльником, ухаживающим за ним. Элмонт не отличался красотой и носил пышную бороду, чтобы как-то возместить недостатки острого, как у хорька, лица.

Губернатор буркнул что-то своему отражению, после чего окунул мокрый палец в порошок из истолченной головы кролика, кожуры граната и цветов персика и проворно протер зубы, ухитряясь негромко напевать что-то себе под нос.

Ричардс стоял у окна и смотрел на подходящее судно.

— Говорят, что это «Годспид», сэр.

— В самом деле?

Сэр Джеймс прополоскал рот розовой водой, сплюнул и протер зубы изящным платком голландской работы, из красного шелка, отделанного кружевом. У губернатора было четыре такие вещицы — еще одна изящная мелочь, сопутствующая его положению в колонии. Но один из них уже загубила безмозглая служанка, постиравшая его на местный манер. Она отбила тонкую ткань камнем и напрочь испортила ее. Со слугами тут вообще неважно. Об этом сэр Уильям тоже упоминал.

Ричардс был исключением. Настоящее сокровище, а не слуга — шотландец, но при этом опрятный, верный и более-менее заслуживающий доверия. В придачу он оказался надежным источником сведений обо всех городских сплетнях и событиях, каковые иначе никогда не достигли бы слуха губернатора.

— Говоришь, «Годспид»?

— Да, сэр,— отозвался Ричардс, раскладывая на кровати предметы сегодняшнего гардероба сэра Джеймса.

— Мой новый секретарь там?

Согласно поступившим месяц назад депешам, на «Годспиде» должен был плыть его новый секретарь, некий Роберт Хэклетт. Сэр Джеймс никогда прежде не слышал об этом человеке и с нетерпением ждал встречи. Он обходился без секретаря уже восемь месяцев, с тех самых пор, как Льюис умер от дизентерии.

Сэр Джеймс намазал лицо и шею смесью свинцовых белил с уксусом для придания модной бледности, а потом нанес на щеки и губы фукус, красную краску из морских водорослей и охры.

— Не желаете ли отложить повешение? — поинтересовался Ричардс, поднося губернатору лечебное масло.

— Пожалуй, нет,— отозвался Элмонт, проглотил ложку лекарства и скривился.

Это было так называемое масло рыжей собаки, составленное лондонским врачом Миланером, известное средство от подагры. Сэр Джеймс честно пил его каждое утро.

Затем он оделся на выход. Ричард угадал и достал лучший парадный наряд губернатора. Сперва сэр Джеймс надел белую рубашку из тонкого шелка и светло-голубые рейтузы. За ними последовал зеленый бархатный дублет, жесткий, простеганный и до невозможности жаркий, но совершенно необходимый при исполнении служебных обязанностей. Завершила наряд лучшая шляпа с плюмажем.

Все это вкупе заняло чуть ли не целый час. Сквозь открытые окна до сэра Джеймса доносились шум и крики пробуждающегося города.

Он отступил на шаг, давая Ричардсу осмотреть себя.

Лакей поправил губернатору кружевной воротник, удовлетворенно кивнул и сообщил:

— Коммандер Скотт ждет вас в экипаже, ваше превосходительство.

— Прекрасно, — отозвался сэр Джеймс.

Затем, медленно двигаясь, ощущая при каждом шаге резкую боль в большом пальце левой ноги, уже начиная потеть в своем тяжелом, изысканно украшенном дублете, чувствуя, как косметика течет по скулам и ушам, губернатор Ямайки спустился по лестнице особняка к своему экипажу.

Глава 2

Для человека с такой подагрой, как у сэра Джеймса, даже короткая поездка в карете по булыжным мостовым оказывалась сущим мучением. Уже одного этого было достаточно, чтобы Элмонт терпеть не мог традицию, требовавшую от него всегда присутствовать при повешении. Вторая причина нелюбви губернатора к этим вылазкам заключалась в том, что они требовали выбираться в самое сердце его владений, а он предпочитал возвышенный вид из своего окна.

В тысяча шестьсот шестьдесят пятом году Порт-Ройял переживал экономический подъем. За десять лет, прошедшие после того, как экспедиция Кромвеля отбила Ямайку у Испании, из жалкой, безлюдной, кишашей болезнями песочной косы он превратился по-прежнему в жалкий, тесный, кишаший головорезами город с населением в восемь тысяч человек.

Несомненно, Порт-Ройял стал богатым, некоторые утверждали даже, что самым зажиточным в мире, но это не делало его более приятным. Всего несколько улиц были вымощены булыжником, привезенным из Англии в качестве корабельного балласта. Большинство же из них представляло собою грязные узкие колеи, воняющие отбросами и лошадиным навозом, с тучами мух и москитов. Тесно стоящие дома были деревянными или кирпичными

ми, равно грубыми по конструкции и по назначению — бесконечный ряд таверн, винных лавок, игорных домов и борделей. Эти заведения обслуживали тысячу моряков и прочих посетителей, которые в любой момент могли сойти на берег. Кроме этого, в городе имелось несколько лавок законопослушных торговцев и на северном конце — церковь, которая, по меткому выражению сэра Уильяма Литтона, нечасто бывала востребована.

Конечно же, сэр Джеймс и его домашние присутствовали на каждой воскресной службе, наряду с немногими благочестивыми местными жителями. Но проповедь нередко прерывало появление пьяного матроса, ход службы нарушали ругательства и богохульства, однажды — даже выстрелы. После этого случая сэр Джеймс приказал посадить виновника в тюрьму на две недели, но в целом он осмотрительно относился к назначению наказаний. Власть губернатора Ямайки была, опять же по выражению сэра Уильяма, тонкой, как клочок пергамента, и такой же непрочной.

После того как король даровал ему это назначение, сэр Джеймс целый вечер просидел с Литтоном, который объяснял новому губернатору принципы ведения дел в колонии. Элмонт слушал и думал, что все понимает. На самом же деле он уяснил жизнь Нового Света лишь после того, как столкнулся с нею на личном опыте.

Теперь же, проезжая в своем экипаже по зловонным улицам Порт-Ройяла и кивая из окна кланяющимся простолудинам, сэр Джеймс поражался тому, сколь многое стал воспринимать как нечто естественное и заурядное. Он смирился с жарой, мухами, противными запахами, с воровством и с коммерцией, нарушающей законы, с вульгарными манерами пьяных каперов. Губернатор приспособился к тысяче мелочей и научился спать под пронзительные вопли и выстрелы, каждую ночь раздающиеся в порту.

Но все-таки некоторые вещи до сих пор его раздражали, и самая неприятная сейчас сидела в карете напротив него.

Коммандер Скотт, глава гарнизона форта Чарльз и самозванный блюститель изысканных манер, смахнул с мундира невидимую пылинку и сказал:

— Надеюсь, ваше превосходительство прекрасно провели вечер и теперь пребываете в хорошем настроении, подходящем для утренней церемонии.

— Я спал неплохо,— пробурчал сэр Джеймс и в сотый раз подумал, насколько же рискованнее становится жизнь на Ямайке, когда в комендантах у тебя вместо серьезного военного щеголь и глупец.

— Мне сообщили, что этот арестант, Леклерк, и все прочее к казни подготовлено,— произнес коммандер Скотт, поднеся к носу надушенный кружевной платочек и слегка вздохнув.

— Прекрасно,— отозвался сэр Джеймс, хмуро глядя на своего спутника.

— Хотелось бы заметить также, что ровно в этот самый момент в порт входит торговое судно «Годспид». Среди его пассажиров — мистер Хэклетт, прибывший, дабы служить вам на должности секретаря.

— Помолимся же, чтобы он не оказался таким же дурнем, как предыдущий,— сказал сэр Джеймс.

— Воистину,— согласился коммандер Скотт, а затем, к счастью, погрузился в молчание.

Карета въехала на Хай-стрит-сквер, где уже собралась толпа зевак, желающих поглазеть на казнь. Когда сэр Джеймс и коммандер Скотт вышли на улицу, из толпы раздались приветственные возгласы.

Сэр Джеймс коротко кивнул. Коммандер отвесил глубокий поклон.

— Я вижу превосходное собрание,— заметил коммандер.— Меня всегда воодушевляет присутствие стольких

детей и юношей. Это станет для них должным уроком. Как вы полагаете?

Сэр Джеймс буркнул в ответ нечто неразборчивое. Он прошел вперед и остановился рядом с тенью, отбрасываемой стационарной виселицей, установленной на Хай-стрит и постоянно использующейся. Небольшая балка с крепкой веревочной петлей, висящей футах в семи над землей, была перекинута между двумя опорами.

— Где осужденный? — раздраженно спросил сэр Джеймс.

Преступника не было видно. Губернатор стал ждать с явным нетерпением, то сцепляя, то расцепляя руки, заложенные за спину. Наконец послышался барабанный бой, предвещающий появление повозки. Через несколько мгновений раздались крики, хохот зевак. Толпа завидела повозку и расступилась.

Осужденный Леклерк держался прямо, хотя руки ему связали за спиной. На нем была серая полотняная рубаша, забрызганная всякой дрянью, что летела из толпы, потешающейся над ним. Но все же он стоял, высоко подняв голову.

Коммандер Скотт наклонился к уху губернатора.

— Этот тип недурно держится, ваше превосходительство.

Сэр Джеймс снова что-то невнятно буркнул.

— Невольно начинаешь думать лучше о человеке, умирающем с изяществом.

Элмонт промолчал. Повозка подъехала к виселице и развернулась так, чтобы осужденный оказался лицом к толпе.

Палач, Генри Эдмондс, подошел к губернатору и низко поклонился.

— Доброе вам утро, ваше превосходительство, и вам, коммандер Скотт. Имею честь представить вам осужденного, француза Леклерка, недавно приговоренного королевским судом...

— Заканчивай с этим побыстрее, Генри,— прервал его сэр Джеймс.

— Всенепременно, ваше превосходительство.

Уязвленный палач поклонился еще раз и вернулся к повозке. Он поднялся на нее и накинул петлю на шею Леклерку, потом обошел телегу и встал рядом с мулом. В толпе вмиг воцарилась тишина, затянувшаяся, пожалуй, слишком надолго.

В конце концов палач резко развернулся и рывкнул:

— Тэди, паршивец, а ну пошевеливайся!

Молодой парнишка, сын палача, тотчас выбил барабанную дробь. Генри снова повернулся лицом к толпе. Он высоко поднял хлыст и стегнул мула. Повозка с грохотом покатила прочь, а приговоренный остался висеть, брыкаясь и раскачиваясь.

Сэр Джеймс наблюдал за агонией. Он слышал хрипы Леклерка и видел, как побагровело его лицо. Француз принялся судорожно дергаться, раскачиваясь в паре футов над размокшей землей. Глаза его словно готовы были вылезти из глазниц, а язык вывалился изо рта. Тело начало извиваться в конвульсиях.

— Ну что ж,— произнес в конце концов сэр Джеймс и кивнул толпе.

Двое крепких парней, друзей приговоренного, тут же кинулись к нему. Они ухватили француза за извивающиеся ноги и повисли на нем, в надежде сломать ему шею и дать милосердный быстрый конец. Но эти люди оказались непривычны к такой работе, а пират был крепок. Он так сильно бился в конвульсиях, что даже проволока их по грязи. Предсмертные судороги продолжались еще несколько секунд, потом тело наконец-то обмякло.

Доброжелатели отступили. По ногам Леклерка в грязь стекла струйка мочи. Тело повешенного раскачивалось на веревке, постепенно замирая.

— Воистину хорошая казнь,— с широкой улыбкой произнес командер Скотт и сунул палачу золотую монету.

Сэр Джеймс развернулся, забрался обратно в карету и подумал, что он крайне голоден. Чтобы еще подстегнуть аппетит, а заодно отбить городское зловоние, он позволил себе нюхнуть щепотку табаку.

Идея остановиться в порту и взглянуть, сошел ли уже на берег новый секретарь, принадлежала командеру Скотту. Карета подъехала к пристани, насколько было возможно. Кучер знал, что губернатор предпочитает не ходить сверх совершенно необходимого. Он открыл дверцу, сэр Джеймс скривился и вышел на зловонный утренний воздух.

Навстречу ему попался мужчина лет тридцати с небольшим, который, как и сам губернатор, потел в плотном дублете. Он поклонился и поприветствовал сэра Джеймса.

— С кем имею честь разговаривать? — поинтересовался Элмонт, слегка поклонившись.

Он давно уже не сгибался низко из-за боли в ноге, да и в любом случае не любил напыщенность и всяческие церемонии.

— Чарльз Мортон, сэр, капитан торгового судна «Годспид», из Бристоля.

Капитан предъявил свои бумаги.

Элмонт даже не глянул в них.

— Какой у вас груз?

— Тонкое сукно из Вест-Кантри, ваше превосходительство, стекло из Стоурбриджа и изделия из железа. Грузовой манифест в руках у вашего превосходительства.

— Пассажиры есть?

Губернатор развернул манифест и понял, что забыл дома очки. Список превратился в размытое черное пятно. Сэр Джеймс раздраженно взглянул на документ и сложил его обратно.

— Со мной прибыл мистер Роберт Хэккетт, новый секретарь вашего превосходительства, и его супруга,—

ответил Мортон.— Также я привез восемь свободнорожденных простолюдинов, желающих вести торговлю в вашей колонии, а еще — тридцать семь преступниц, которых лорд Эмбриттон из Лондона прислал колонистам в жены.

— Он очень любезен,— сухо произнес Элмонт.

Время от времени какой-нибудь чиновник из какого-нибудь крупного города Англии устраивал пересылку женщин-преступниц в колонии. Это была обычная уловка, нацеленная на то, чтобы не тратиться на их содержание в тюрьме, у себя дома. Сэр Джеймс не питал ни малейших иллюзий насчет того, что будет из себя представлять эта группа женщин.

— И где же мистер Хэклетт?

— На борту, собирает вещи вместе с миссис Хэклетт, ваше превосходительство.— Капитан Мортон переступил с ноги на ногу.— Миссис Хэклетт тяжело перенесла плавание, ваше превосходительство.

— Не сомневаюсь,— отозвался Элмонт, разозленный тем, что новый секретарь не поспешил на пристань, дабы встретиться с ним.— Везет ли мистер Хэклетт какие-нибудь послания для меня?

— Полагаю, это вполне вероятно, сэр,— ответил Мортон.

— Тогда будьте так любезны, попросите его явиться ко мне в губернаторский особняк, как только ему будет удобно.

— Непременно, ваше превосходительство.

— Вы можете подождать прибытия казначея и мистера Гувера, таможенного инспектора. Они проверят ваш манифест и проследят за выгрузкой вашего товара. Много ли было смертей во время рейса?

— Всего две, ваше превосходительство. Оба — рядовые матросы. Один упал за борт, а второй умер от водянки. Иначе я не вошел бы в порт.

Элмонт заколебался.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я имел в виду — если бы кто-то умер от чумы, ваше превосходительство.

Элмонт нахмурился.

— Вот как?

— Вашему превосходительству известно об эпидемии, охватившей в последнее время Лондон и некоторые отдаленные города?

— Мне ничего об этом не сообщали, — сказал Элмонт. — Так в Лондоне чума?

— Совершенно верно, сэр. Она распространилась несколько месяцев назад, произведя большое смятение и значительные потери. Говорят, ее занесли из Амстердама.

Элмонт вздохнул. Теперь ясно, почему за последние недели не было ни одного корабля из Англии и никаких посланий от двора. Сэр Джеймс вспомнил лондонскую чуму десятилетней давности и понадеялся, что сестре с племянницей хватило ума уехать в загородный дом. Но чрезмерного беспокойства это известие у него не вызвало. Губернатор Элмонт относился к бедствиям спокойно. Он сам жил под постоянной угрозой дизентерии и малярии, уносившей каждую неделю по несколько жителей Порт-Ройяла.

— Я хочу услышать об этом побольше, — сказал сэр Джеймс. — Приглашаю вас сегодня вечером на ужин.

— Непременно буду, — отозвался Мортон и снова поклонился. — Вы оказываете мне честь, ваше превосходительство.

— Попридержите ваше мнение до того, как познакомитесь с той пищей, которую предоставляет эта бедная колония, — сказал Элмонт. — И последнее, капитан. Мне нужны служанки для работы в особняке. Последняя группа чернокожих оказалась хилой и вся перемерла. Я был бы весьма признателен, если бы вы смогли как можно быст-

рее прислать этих преступниц ко мне в особняк. Я позабочусь об их распределении.

— Ваше превосходительство...

Элмонт коротко поклонился на прощание и, страдая от боли, забрался обратно в карету. Он со вздохом облегчения опустился на сиденье, экипаж покати к особняку.

— Тяжелый нынче запах,— заметил командер Скотт.

Отвратительная вонь города и в самом деле долго преследовала губернатора и отвязалась лишь после еще одной понюшки табаку.

Глава 3

Элмонт оделся полегче и в одиночестве перекусил в обеденном зале особняка. В соответствии с привычками губернатора легкий завтрак состоял из вареной рыбы и вина. За ними последовало еще одно небольшое удовольствие, прилагающееся к высокой должности, — чашка крепкого черного кофе. За время пребывания на важном посту сэр Джеймс сделался страстным любителем этого напитка и был в восторге оттого, что располагал фактически неограниченными количествами такого деликатеса, столь редко встречающегося в родных краях.

Когда губернатор допивал кофе, в столовую вошел его помощник, Джон Крюйкшенк. Он был пуританином, и ему пришлось довольно спешно покинуть Кэмбридж, когда Карл Второй вернулся на трон. Этот бледный, серьезный, нудный тип оказался весьма исполнительным человеком.

— Осужденные женщины прибыли, ваше превосходительство.

Элмонт скривился и вытер губы.

— Пришли их сюда, Джон. Они чистые?

— Более-менее, сэр.

— Тогда пусть приведут их сюда.

С появлением женщин в зале сделалось шумно. Эти почти неуправляемые босые особы в одинаковых платьях

из серой бумагеи переговаривались, глазели по сторонам и тыкали пальцами в разные предметы. Помощник выстроил их вдоль стены, и Элмонт встал из-за стола.

Когда он подошел к ним, женщины умолкли. Пока губернатор брел вдоль строя, присматриваясь к каждой, единственным звуком в комнате было шарканье его больной левой ноги по полу.

Женщины оказались некрасивыми, непричесанными и грубыми, как всегда. Сэр Джеймс остановился перед одной из них, превосходившей ростом его самого, отвратительным существом с рябым лицом и малым числом зубов.

— Как тебя зовут?

— Шарлотта Биксби, милорд.

Женщина неуклюже попыталась изобразить реверанс.

— За что осуждена?

— Ей-богу, милорд, я ничего не делала. На меня возвели напраслину и...

— Убила своего мужа, Джона Биксби, — выразительно произнес помощник, заглянув в список.

Женщина тут же умолкла. Элмонт двинулся дальше. Каждое новое лицо было уродливее предыдущего. Губернатор остановился перед женщиной с нечесаными черными волосами и желтым шрамом на шее. Лицо у нее было угрюмое.

— Как тебя зовут?

— Лора Пиль.

— За что осуждена?

— Сказали, что я украла кошелек у джентльмена.

— Задушила своих детей, четырех и семи лет от роду, — монотонно зачитал Джон, не отрывая глаз от списка.

Элмонт сердито взглянул на женщину. Эти особы будут в Порт-Ройяле как дома — грубые и безжалостные, не хуже любого пирата. Но жены из них не получатся.

Сэр Джеймс двинулся дальше вдоль череды лиц, а затем остановился перед необычно юной каторжанкой.

Девушке можно было дать от силы четырнадцать-пятнадцать лет. У нее были светлые волосы, от природы белая кожа, глаза голубые и ясные, с некой странной, невинной приветливостью. Она казалась совершенно не к месту в этой грубой компании.

Губернатор обратился к ней, невольно смягчив тон:

— А тебя как зовут, дитя?

— Энни Шарп, милорд, — тихо, почти шепотом отозвалась девушка, скромно опустив глаза.

— За что осуждена?

— За воровство, милорд.

Элмонт взглянул на помощника, Джон кивнул.

— Воровство из жилища джентльмена, Гэрдинерслейн, Лондон.

— Ясно, — отозвался Элмонт, снова повернулся к девушке, но не мог себя заставить говорить с ней строго.

Она так и продолжала стоять, опустив глаза.

— Госпожа Шарп, мне в дом нужна служанка. Я беру вас на работу...

— Ваше превосходительство, — перебил его Джон и подступил поближе к Элмонту. — На пару слов, если позволите.

Они немного отошли от женщин. Помощник явно был чем-то обеспокоен.

Он указал на список и прошептал:

— Ваше превосходительство, тут говорится, что на суде ее обвинили в колдовстве!

Элмонт добродушно усмехнулся.

— Конечно-конечно.

Хорошеньких молодых женщин часто называют колдуньями.

— Ваше превосходительство, — зачастил Джон, преисполненный пуританского духа, — тут говорится, что она несет на себе клеймо дьявола!

Элмонт посмотрел на скромную белокурую молодую женщину. Он не склонен был верить в то, что перед ним

ведьма. Сэр Джеймс кое-что знал о колдовстве. У ведьм глаза странного цвета. Их окружают зябкие сквозняки. Тело у них холодное, как у тварей, ползающих по земле; кроме того, имеется лишний сосок.

Сэр Джеймс был уверен в том, что эта женщина — не ведьма.

— Проследите, чтобы ее вымыли и переодели,— распорядился он.

— Ваше превосходительство, позвольте вам напомнить, что клеймо дьявола...

— Я поищу его сам.

Джон поклонился.

— Как будет угодно вашему превосходительству.

Энни Шарп впервые подняла голову, взглянула на губернатора Элмонта и едва заметно улыбнулась.

Глава 4

— При всем уважении, сэр Джеймс, я вынужден признаться, что оказался абсолютно не готов к потрясению, в которое меня вверг ваш порт.

Мистер Роберт Хэклетт, худой, молодой и нервный, во время этой речи расхаживал по комнате. Его супруга, стройная, темноволосая, похожая на иностранку женщина, не шевелясь сидела в кресле и смотрела на Элмонта.

Сэр Джеймс восседал за столом. Больную ногу, которая болезненно пульсировала, он положил на подушку. Губернатор пытался быть терпеливым.

— Как и следовало ожидать, я предполагал увидеть в столице колонии его величества в Новом Свете, на Ямайке, хотя бы некоторое подобие христианского порядка и соблюдения законности. Самое меньшее — признаки ограничений, накладываемых на всяческих проходимцев и хамов, которые повсюду, не таясь, ведут себя как заблагорассудится. Пока мы ехали в открытом экипаже по улицам Порт-Ройяла — если это можно назвать улицами! — какой-то пьяный простолудин осыпал мою жену ругательствами, что сильно ее расстроило.

— Безусловно,— отозвался сэр Джеймс и вздохнул.

Эмили Хэклетт молча кивнула. Она была по-своему красива. Именно такие женщины привлекали внимание короля Карла. Сэр Джеймс догадывался, каким образом

мистер Хэклетт обрел благосклонность двора и получил потенциально доходную должность секретаря при губернаторе Ямайки. Несомненно, Эмили Хэклетт не раз ощутила на себе тяжесть королевского тела.

Сэр Джеймс вздохнул.

— Кроме того, мы непрерывно вынуждены были созерцать гуляющих женщин, — продолжал Хэклетт. — Они бродили по улицам полунагими или выкрикивали что-то из окон. Мужчины пили и блевали прямо на улице. Мы видели грабителей и пиратов, дерущихся и скандалящих на каждом углу...

— Пиратов? — резким тоном оборвал его Элмонт.

— Воистину, я не могу назвать этих моряков-голово-резов иначе как пиратами, и, несомненно...

— В Порт-Ройяле пиратов нет! — отрезал Элмонт.

Он смерил нового секретаря гневным взглядом и мысленно проклял влюбчивость милостивого монарха, ниспославшего ему в помощники этого самодовольного дурня. От Хэклетта помощи не будет — это ясно.

— В этой колонии пиратов нет, — повторил Элмонт. — Если вы найдете доказательства того, что кто-то из этих людей — пират, то его отдадут под суд, как полагается, и повесят. Таков закон его величества. Он строго соблюдается.

Хэклетт посмотрел на губернатора скептически.

— Сэр Джеймс, — сказал он, — вы придираетесь к словам, в то время как суть дела видна на любой улице и в каждом жилище этого города.

— Суть дела видна на виселице, торчащей на Хай-стрит, — возразил Элмонт. — Там как раз сейчас болтается в петле пират. Если бы вы сошли на берег раньше, то могли бы собственными глазами посмотреть на повешение. — Он снова вздохнул. — Сядьте и помолчите, пока я не решил, что вы еще больший идиот, чем мне показалось сначала, — приказал губернатор.

Мистер Хэклетт побледнел. Судя по всему, он не привык к подобной прямоте. Гость быстро уселся в кресло рядом с женой. Та успокаивающе коснулась его руки. Сердечный жест со стороны одной из многих любовниц короля.

Сэр Джеймс Элмонт встал, тут же скривился от боли, пронзившей ногу, оперся о стол и подался вперед.

— Мистер Хэклетт, его величество назначил меня заботиться о развитии своей колонии, Ямайки, и хранить ее благосостояние. Позвольте, я вам изложу некоторые факты, сопряженные с исполнением этих обязанностей. Во-первых, мы — маленький и слабый аванпост Англии посреди испанских владений. Я в курсе, что при дворе принято делать вид, будто позиции его величества в Новом Свете непоколебимы, — медленно произнес Элмонт. — Но истина выглядит несколько по-иному. Все владения нашего монарха состоят из трех крохотных колоний: Сент-Китс, Барбадос и Ямайка. Все остальное принадлежит Филиппу. Эта территория по-прежнему остается Испанским Мэйном. В этих водах нет английских военных кораблей. В этих землях нет ни одного английского гарнизона. Зато здесь имеются десятки испанских кораблей первого ранга и несколько тысяч их солдат, размещенных в пятнадцати основных поселениях. Король Карл в мудрости своей желает сохранить за собой эти колонии, но не хочет платить за их защиту от вторжений.

Хэклетт, с чьего лица так и не сошла бледность, смотрел на губернатора в изумлении.

— На меня возложена обязанность оборонять эту колонию. Как мне это сделать? Очевидно, я должен как-нибудь раздобыть тех, кто способен сражаться. Единственный доступный мне источник — это авантюристы и каперы. Я позаботился о том, чтобы они чувствовали себя здесь как дома. Вы можете считать их отвратительными, но без них Ямайка была бы беззащитна.

— Сэр Джеймс...

— Помолчите! — одернул Хэкетта Элмонт. — Кроме того, у меня имеется и вторая обязанность: развивать хозяйство Ямайки. При дворе модно предлагать, чтобы мы поощряли здесь возделывание земли и разведение домашнего скота. Однако же за последние два года к нам не прислали ни одного земледельца. Здешняя почва солоновата и неплодородна. Местные жители настроены враждебно. Как же мне в таком случае развивать колонию, приумножать ее богатство и населенность? Путем коммерции. Каперские налеты на испанские корабли и поселения предоставляют нам золото и товары для процветающей торговли. В конечном итоге это обогащает королевскую казну. Согласно поступающим ко мне сведениям, этот факт не вызывает у его величества ни малейшего недовольствия.

— Сэр Джеймс...

— В заключение отмечу, что у меня имеется еще и негласная обязанность, состоящая в том, чтобы отнять у двора Филиппа Четвертого как можно больше богатств. Эту цель его величество тоже считает достойной — частным образом, разумеется. Особенно потому, что значительная часть золота, не попавшего в Кадис, объявляется в Лондоне. Поэтому каперство открыто поощряется. Но никак не пиратство, мистер Хэкетт. Это не придирика к словам.

— Но, сэр Джеймс...

— Трудности колонии обсуждению не подлежат, — отрезал Элмонт, снова сел за стол и вернул ногу на подушку. — Вы можете на досуге поразмыслить над тем, что я вам рассказал. Не забудьте, что я говорю, опираясь на опыт, который нельзя не учитывать. Я приглашаю вас отужинать сегодня со мною, вместе с капитаном Мортонном. Ну а пока что у вас достаточно своих хлопот. Я знаю, что вам ведь надо устроиться в новом жилище.

Беседа явно подошла к концу. Хэклетт с женой встали.

Секретарь холодно поклонился.

— Всего хорошего, сэр Джеймс.

— Всего хорошего, мистер и миссис Хэклетт.

Супруги отбыли. Помощник губернатора закрыл за ними дверь. Элмонт потер глаза.

— Боже милостивый,— только и сказал он, покачав головой.

— Не желаете ли отдохнуть, ваше превосходительство? — спросил Джон.

— Желаю,— отозвался Элмонт.

Он встал из-за стола и отправился в свои покои.

По пути, проходя мимо одной из комнат, Элмонт услышал плеск воды, женское хихиканье и вопросительно взглянул на Джона.

— Они моют ту вашу служанку,— пояснил тот.

— А-а...

— Вы желаете осмотреть ее попозже?

— Да, именно так,— согласился Элмонт и посмотрел на Джона с мимолетным удивлением.

Обвинение в колдовстве явно пугало шотландца. Губернатор подумал, что страхи простонародья столь же крепки, сколь и глупы.

Глава 5

Энни Шарп нежилась в теплой воде ванны и слушала болтовню дородной негритянки, сновавшей по комнате. Энни едва-едва разбирала речь толстухи. Та вроде как говорила по-английски, но ее мелодичный странный выговор звучал очень непривычно. Она вещала что-то насчет того, что губернатор Элмонт — очень добрый человек. Но Энни Шарп не волновалась по этому поводу. Она еще в нежном возрасте научилась обращаться с мужчинами.

Девушка закрыла глаза, и певучая речь негритянки сменилась в ее сознании звоном церковных колоколов. В Лондоне Энни начала ненавидеть этот монотонный, непрерывный звук.

Она была младшей из трех детей в семье, дочерью отставного матроса из Уоппинга, занявшегося изготовлением парусов. Когда в канун рождественских праздников разразилась чума, двое старших братьев Энни пошли работать сторожами. Обязанности парней заключались в том, чтобы стоять у дверей домов, куда проникла болезнь, и следить, чтобы их обитатели не выходили наружу ни по какой причине. Энни работала сиделкой в нескольких богатых семействах.

Теперь, по прошествии нескольких месяцев, ужасы того времени смешались в ее памяти. Церковные колокола звонили денно и нощно. Кладбища быстро переполни-

лись. Вскоре никто уже не рыл отдельных могил. Тела сваливали во множестве в глубокие рвы и поспешно засыпали известью и землей. Повозки, заваленные трупами, тащились по улицам. Могильщик останавливался у каждого жилища и выкрикивал: «Выносите ваших мертвых!» Повсюду пахло тленом.

А еще кругом царил страх. Энни помнила, как какой-то мужчина рухнул замертво посреди улицы. На боку у него висел кошель, туго набитый монетами. Люди во множестве шли мимо трупа, но никто не посмел подобрать мешочек. Позднее труп увезли прочь. Кошель так и остался висеть на нем.

На всех рынках бакалейщики и мясники держали на прилавках миски с уксусом. Покупатели бросали в него монеты. Ни единого гроша не переходило из рук в руки. Все старались платить под расчет, без сдачи.

Амулеты, талисманы, зелья и наговоры пользовались большим спросом. Энни тоже купила медальон с какими-то вонючими травами, про которые говорили, что они отворачают чуму, и носила его, не снимая.

Все же смерть не отступала. Старший из братьев Энни подхватил чуму. Однажды сестра увидела его на улице. Шея у него распухла, а десны кровоточили. Больше девушка никогда с ним не встречалась и полагала, что он умер.

Второго ее брата постигла судьба, обычная для сторожа. Однажды ночью обитатели дома, который он тогда караулил, обезумели под воздействием болезни, вырвались наружу и при побеге убили брата. Энни об этом лишь слыхала. Брата она так и не увидела.

В конце концов девушка тоже оказалась заперта в доме, принадлежащем фамилии Сьюэллов. Она работала сиделкой при матери главы семейства, когда у мистера Сьюэлла появились бубоны. Дом подвергли карантину. Энни ухаживала за больными, как уж могла. Но Сьюэлы все умерли, один за другим. Тела увезли на труповоз-

ках. Наконец Энни осталась одна во всем доме и каким-то чудом так и не заболела.

Тогда-то она украла несколько золотых украшений и монет, которые сумела разыскать, и сбежала через окно второго этажа, пробравшись под покровом ночи по лондонским крышам. На следующее утро ее поймал констебль и потребовал объяснений, откуда это у молоденькой девушки столько золота. Ценности он забрал, а ее засадил в Брайдвел.

Там Энни томилась несколько недель, пока она не попала на глаза лорду Эмбритону, который, движимый интересами общества, совершал обход тюрьмы. Энни давно усвоила, что джентльмены находят ее внешность приятной. Лорд Эмбристон не был исключением. Он устроил так, чтобы Энни провели в его карету, и после некоторых развлечений, весьма любимых им, пообещал, что ее отправят в Новый Свет.

Вскоре Энни очутилась в Плимуте, а потом — на борту «Годспида». Во время плавания капитан Мортон, мужчина молодой и энергичный, также привязался к ней. В своей каюте он угощал ее мясом и другими лакомствами, поэтому Энни рада была свести с ним знакомство, чем и занималась почти каждую ночь.

Теперь же она очутилась здесь, в этом новом для нее месте, где все было странным и незнакомым. Но девушка не боялась, ибо была уверена в том, что понравится губернатору, как до того другим джентльменам. Он обязательно о ней позаботится.

Когда купание завершилось, Энни надела хлопчатобумажную блузу и платье из крашеной шерсти. Это был лучший ее наряд за последние три месяца, и девушке было приятно чувствовать прикосновение ткани к коже.

Негритянка открыла дверь и жестом велела Энни следовать за ней.

- Куда мы идем?
- К губернатору.

Энни прошла следом за толстухой по большому, широкому коридору. Полы здесь были деревянные, но шершавые, не отполированные. Энни прямо удивилась: как это столь важный человек живет в таком неухоженном доме? У многих обычных джентльменов в Лондоне жилье было куда лучше этого.

Негритянка постучала в дверь. Ей отворил шотландец, искося посмотревший на Энни. Девушка увидела, что комната эта — спальня. Губернатор в ночной сорочке стоял у постели и зевал.

Шотландец кивком велел ей входить.

— А! — произнес губернатор. — Госпожа Шарп! Должен сказать, что омовение пошло на пользу вашей внешности.

Энни не очень поняла, что губернатор имел в виду, но раз он был доволен, то и она радовалась.

Девушка сделала реверанс, как учила ее мать.

— Ричардс, вы можете идти.

Шотландец кивнул, вышел и прикрыл за собою дверь. Энни с губернатором остались одни. Девушка посмотрела ему в глаза.

— Не бойся, милая, — добродушно произнес тот. — Тебе нечего бояться. Подойди-ка к окну, Энни. Тут лучше видно.

Девушка повиновалась.

Губернатор несколько мгновений молча смотрел на нее, потом спросил:

— Тебе известно, что суд обвинил тебя в колдовстве?

— Да, сэр. Но это неправда, сэр.

— Я ни капли не сомневаюсь в том, что это неправда, Энни. Но в бумагах сказано, что ты носишь на себе печать дьявола.

— Сэр, я не имела никаких дел с нечистым! — воскликнула Энни, впервые заволновавшись. — Клянусь вам!

— Я тебе верю, Энни, — заявил Элмонт и улыбнулся ей. — Но мой долг требует засвидетельствовать отсутствие печати.

— Сэр, я клянусь!

— Я тебе верю,— повторил губернатор.— Но ты должна снять одежду.

— Сейчас, сэр?

— Да.

Девушка с легким сомнением оглядела комнату.

— Ты можешь положить одежду на кровать, Энни.

— Да, сэр.

Пока она раздевалась, сэр Джеймс наблюдал за ней. Энни заметила, как изменился его взгляд. Она больше не боялась. Воздух был теплый. Она вполне уютно чувствовала себя и без одежды.

— Ты — премилое дитя, Энни.

— Спасибо, сэр.

Она стояла нагая.

Губернатор задержался, чтобы надеть очки, потом пошел поближе и взглянул на ее плечи.

— Теперь медленно повернись.

Энни повернулась. Губернатор осмотрел ее тело.

— Подними руки над головой. Печать обычно находится под мышками, на груди или на гениталиях.— Он опять улыбнулся девушке.— Ты не понимаешь, о чем я говорю, да?

Энни покачала головой.

— Ляг на кровать.

Девушка легла.

— Теперь мы завершим осмотр,— серьезно произнес губернатор.

Потом его пальцы оказались у нее в волосах. Он принялся осматривать ее кожу, и нос Элмонта оказался в нескольких дюймах от ее щелки. Энни боялась оскорбить губернатора, но ей сделалось смешно и щекотно, поэтому она рассмеялась.

На мгновение губернатор уставился на нее с гневом, потом тоже расхохотался и принялся снимать с себя одежду. Он взял ее, так и не сняв очки, оправа которых дави-

ла Энни на ухо. Девушка позволила ему сделать все, чего он хотел. Длилось это недолго. После губернатор был доволен, так что и Энни радовалась.

Когда они лежали рядом в постели, он расспросил девушку про ее жизнь, про то, что она пережила в Лондоне и на пути к Ямайке. Энни рассказала ему, как женщины забавлялись друг с дружкой или с членами команды, но заявила, что она такого не делала. Пусть это и было не совсем так, но поскольку она этим занималась только с капитаном Муртоном, получалось, что она сказала почти что правду. Еще девушка поведала про бурю, случившуюся, когда они в первый раз заметили землю в Индиях. Она двое суток носила их по морю.

Энни видела, что губернатор Элмонт не обращает особого внимания на ее историю. В его глазах снова появилось прежнее странное выражение. Но она все равно продолжала говорить, вспомнила про то, как на следующий день после окончания бури они увидели остров с гаванью и крепостью и большой корабль в порту. Капитан Муртон беспокоился, что испанцы, которые явно заметили торговое судно, нападут на них. Но тот корабль так и не вышел из гавани.

— Как?! — едва ли не взвизгнул губернатор Элмонт и вскочил с кровати.

— Что случилось?

— Люди с испанского военного корабля увидели вас и не напали?

— Нет, сэр,— отозвалась девушка.— К большому нашему облегчению.

— Облегчению?! — вскричал Элмонт, словно бы не веря собственным ушам.— К вашему облегчению? Боже милостивый, как давно это произошло?

Энни пожала плечами.

— Три-четыре дня назад.

- Это была гавань с крепостью, так?
- Да.
- На какой стороне гавани стояла крепость?

Сбитая с толку девушка покачала головой:

- Не знаю.
- Подумай.— Элмонт поспешно натягивал одежду.—

Если смотреть на остров и гавань, крепость будет справа от нее или слева?

- С этой стороны,— сказала девушка и указала вправо.

— А на острове есть высокая гора? Сам он маленький и весь заросший лесом?

- Да, сэр, именно так.

— Кровь Господня! — воскликнул Элмонт.— Ричардс! Ричардс! Найди Хантера!

Губернатор пулей вылетел из комнаты, оставив обнаженную девушку лежать на кровати. Энни решила, что вызвала его неудовольствие, и заплакала.

Глава 6

В дверь постучали. Хантер заворочался в постели. Он увидел, что окно открыто и сквозь него льется солнечный свет.

— Убирайтесь,— буркнул моряк.

Девушка, лежавшая рядом с ним, не проснулась.

Стук повторился.

— Убирайтесь, чтоб вам лопнуть!

Дверь отворилась, и в щель просунулась голова миссис Денби.

— Прошу прощения, капитан Хантер, но тут к вам слуга из особняка. Губернатор просит вас отужинать сегодня с ним. Что мне ответить?

Хантер потер глаза и сонно моргнул.

— Который час?

— Пять часов, капитан.

— Передайте губернатору, что я буду.

— Хорошо. И еще...

— Что?

— Внизу вас ждет тот француз со шрамом.

Хантер недовольно заворчал.

— Хорошо, миссис Денби.

Дверь затворилась. Чарльз встал с постели. Девушка так и продолжала спать, громко похрапывая.

Хантер оглядел свою комнату, маленькую и тесную,— кровать, в углу морской сундук с его вещами, ночной гор-

шок под кроватью да таз с водой, стоявший неподалеку. Капитан закашлялся, принялся было одеваться, но притормозил, чтобы помочиться через окно на улицу. Снизу донеслись негодующие ругательства, но Хантер лишь улыбнулся.

Он достал из сундука свой единственный приличный дублет и последнюю пару чулок, на которых было всего несколько затяжек. Под конец моряк надел золоченый пояс с коротким кинжалом, а потом, повинуясь внезапно пришедшей мысли, взял пистолет, зарядил его и сунул за пояс.

Такова была стандартная процедура, исполняемая капитаном Чарльзом Хантером каждый вечер, когда он просыпался на закате. Занимал этот туалет всего несколько минут. Хантер был человеком непривередливым, впрочем, пуританином он тоже не являлся. Капитан еще раз взглянул на девицу в постели, потом закрыл за собою дверь и спустился по узкой скрипучей деревянной лестнице в главный зал гостиницы миссис Денби.

Главный зал представлял собою просторное помещение с низким потолком, земляным полом и несколькими тяжелыми деревянными столами, образующими длинные ряды. Хантер приостановился. Как и сказала миссис Денби, Левассер был тут. Француз сидел в углу, сгорбившись над большой кружкой грога.

Капитан двинулся через зал к двери.

— Хантер! — прохрипел Левассер низким пропитым голосом.

Чарльз обернулся, всем своим видом изображая удивление.

— А, Левассер! Я тебя не заметил.

— Хантер, ты — сын английской ублюдочной шлюхи!

— Левассер, ты — сын французского крестьянина и его любимой овцы, — отозвался тот, отступая с освещенного места. — Чего тебя сюда принесло?

Левассер встал из-за стола. Он выбрал темный угол, поэтому Хантеру было плохо его видно. Но двух мужчин разделяло футов тридцать, слишком много для пистолетного выстрела.

— Я хочу обратно свои деньги.

— Я тебе ничего не должен,— отрезал Хантер, и это действительно было так.

Каперы Порт-Ройяла долги платили полностью и в срок. Ничто не могло серьезнее повредить репутации человека, как весть о том, что он не рассчитался по своим обязательствам либо не разделил трофеи поровну. В каперском рейде любого, кто попытался бы утаить часть общей добычи, всегда предавали смерти без долгих рассуждений. Хантеру и самому не раз случалось, не задумываясь, пристрелить вороватого матроса и сбросить труп за борт.

— Ты обманул меня в карты,— сказал Левассер.

— Ты был так пьян, что не различал их.

— Ты меня надул и забрал пятьдесят фунтов. Я хочу получить их обратно.

Хантер оглядел общий зал, в котором никого не было. Вот ведь досада. Он не хотел убивать Левассера без свидетелей, потому что имел слишком много врагов.

— И как же я тебя обманул в карты? — поинтересовался он, придвинувшись чуть ближе к Левассеру.

— Как? Да какая, к черту, разница? Кровь Господня, ты меня обжулил! — Левассер поднес кружку с грогом к губам.

В этот миг Хантер метнулся вперед. Он ударил раскрытой ладонью по наклоненной кружке и вколотил ее в лицо Левассеру. Француз с глухим стуком врезался в стену, забулькал и сполз на пол. Изо рта у него потекла струйка крови. Хантер подхватил кружку и врезал ею по голове наглеца. Тот потерял сознание.

Капитан взмахнул рукой, стряхивая вино с пальцев, развернулся и вышел из гостиницы. Он тут же провалил-

ся по щиколотку в уличную грязь, но не обратил на это внимания. Чарльз думал о склонности Левассера к пьянству. Очень глупо с его стороны — пить, когда кого-то поджидаешь.

Пора в новый рейд. Его люди сделались слишком мягкотелыми. Он и сам провел чересчур много времени за выпивкой или с бабами. Надо снова выходить в море.

Хантер прошел по грязи, улыбаясь и махая рукой шлюхам, которые приветствовали его из окон, и направился к особняку губернатора.

— Все упоминали о комете, которую видели над Лондоном в канун эпидемии, — сказал капитан Мортон, потягивая вино. — Перед чумой пятьдесят шестого года она тоже появлялась.

— Ну и что с того? — возразил Элмонт. — В пятьдесят девятом тоже была комета, а вот заразы я что-то не припоминаю.

— Зато в том самом году была вспышка оспы в Ирландии, — заметил мистер Хэклетт.

— Они там случаются постоянно, — сказал Элмонт. — Каждый год.

Хантер ничего не сказал. Он вообще мало говорил во время ужина, оказавшегося таким же отчаянно скучным, как и все прочие подобные мероприятия у губернатора, на которых ему доводилось присутствовать. На некоторое время его заинтересовали новые лица — Мортон, капитан «Годспида», и Хэклетт, новый секретарь, туповатый худой хлыщ. В его жене, отличавшейся худощавостью и смуглостью, чувствовалась французская кровь, наряду с некой животной похотливостью.

Для Хантера самым интересным моментом за весь вечер было появление новой служанки, восхитительной белокурой юной девушки, время от времени заходившей в обеденный зал. Он пытался поймать ее взгляд. Хэклетт

заметил это и неодобрительно уставился на капитана. Это был не первый его неодобрительный взгляд в адрес Хантера за нынешний вечер.

Когда девушка обошла стол, наполняя бокалы гостей, секретарь поинтересовался:

— Вам по вкусу служанки, мистер Хантер?

— Когда они хорошенькие, — небрежно ответил Хантер. — А вам кто по вкусу?

— Баранина превосходная, — пробормотал Хэклетт, густо покраснев и уставившись в тарелку.

Элмонт перевел разговор на плавание через Атлантику, только что совершенное его гостями. Капитан Мортон рассказал о настигшей их буре так взволнованно и подробно, словно он был первым в истории человеком, столкнувшимся с пенящейся водой. Хэклетт добавил к его повествованию несколько устрашающих деталей, а его жена призналась, что ей нездоровилось.

Хантеру делалось все скучнее. Он осушил бокал.

— Ну а затем, после этой ужасной бури, длившейся два дня, настало ясное, чудесное утро, — продолжал Мортон. — Видимость была превосходная, на много миль вокруг, с севера дул легкий ветерок. Но мы не знали, где находимся, ибо нас двое суток носило по волнам, завидели землю и направились к ней, надеясь там причалить.

«Ошибка, — подумал Хантер. — Видимо, этот Мортон чудовищно неопытен. В здешних водах ни одно английское судно никогда не подойдет к суше, не зная точно, кому именно эта земля принадлежит. Всегда существует вероятность, что ею владеют испанцы».

— Мы обошли вокруг этого маленького островка и, к нашему изумлению, увидели военный корабль, стоявший в гавани. У нас не было никаких сомнений в том, что он погонится за нами.

— И что же случилось? — без особого интереса спросил Хантер.

— Испанец остался стоять в гавани,— ответил Мортон и рассмеялся.— Я был бы не прочь завершить историю чем-нибудь более волнующим, но правда такова, что он за нами не погнался. Так и остался на месте.

— Но испанцы вас, конечно же, увидели? — уточнил Хантер уже более заинтересованно.

— Да, должны были. Мы шли под всеми парусами.

— А далеко ли вы были от берега?

— Милях в двух-трех, не больше. Понимаете, этого острова не оказалось на наших картах. Полагаю, он просто слишком мал для этого. Там не было ничего, кроме гавани и крепости на берегу. Должен признать, у нас возникло ощущение, что мы чудом избежали гибели.

Хантер медленно повернулся и взглянул на Элмонта. Тот внимательно смотрел на него, и на губах губернатора играла легкая улыбка.

— Этот эпизод вас удивил, капитан Хантер?

Чарльз повернулся обратно к Мортону.

— Вы говорите, на берегу была крепость?

— Да, и очень внушительная, я бы сказал.

— На северном берегу гавани или на южном?

— Позвольте-ка... на северном. А что?

— Как давно вы видели тот корабль? — спросил Хантер.

— Три-четыре дня назад. Скорее три. Как только мы определили свое местонахождение, так сразу же отправились в Порт-Ройял.

Хантер забарабанил пальцами по столу и задумчиво уставился на свой пустой бокал. Повисло молчание.

Элмонт кашлянул.

— Капитан Хантер, вас, кажется, заинтересовала эта история.

— Даже заинтриговала,— отозвался тот.— Я уверен в том, что для вас, губернатор, она любопытна не в меньшей степени.

— Полагаю, правильно будет сказать, что здесь затронуты интересы короны,— заметил Элмонт.

Хэклетт выпрямился с чопорным видом.

— Сэр Джеймс, не желаете ли вы просветить всех прочих, чем так важна эта история? — поинтересовался он.

— Погодите минутку,— отозвался Элмонт, нетерпеливо взмахнул рукой и пристально посмотрел на Хантера.— Каковы ваши условия?

— Во-первых, равные доли,— ответил Чарльз.

— Дражайший мой Хантер, равные доли совершенно непривлекательны для короны.

— Дражайший губернатор, меньшая часть делает эту экспедицию совершенно непривлекательной для моряков.

Элмонт улыбнулся.

— Вы, конечно же, осознаете, что приз грандиозен?!

— Несомненно. А еще я понимаю, что этот остров неприступен. В прошлом году вы отправили туда Эдмундса с тремя сотнями. Вернулась всего одна.

— Вы сами выражали мнение, что Эдмундс неизобретателен.

— Зато Касалья — еще как.

— Несомненно. Все же мне кажется, что вы были бы не прочь встретиться с этим хитрецом.

— Не меньше чем за равную долю.

— Если вы ожидаете, что корона возьмется снаряжать эту экспедицию, то вложенные деньги нужно будет вернуть до дележа,— с непринужденной улыбкой заявил сэр Джеймс.— Справедливо?

— Погодите-ка! — вмешался Хэклетт.— Сэр Джеймс, вы что, торгуетесь с этим человеком?

— Ничуть. Я заключаю с ним джентльменское соглашение.

— С какой целью?

— Чтобы устроить каперскую экспедицию на испанский аванпост Матансерос.

— Куда? — переспросил Мортон.

— Так называется тот остров, к которому вас вынесло, капитан Мортон. Пунта Матансерос. Испанцы построили крепость два года назад. Там командует один весьма неприятный господин, некий Касалья. Возможно, вы о нем слыхали. Нет? В Индиях он хорошо известен. Говорят, что этот оригинал находит крики умирающих жертв успокаивающими и способствующими отдыху. — Элмонт оглядел гостей, собравшихся за столом, и заметил, что миссис Хэклетт сильно побледнела. — Касалья командует крепостью Матансерос, возведенной с одной-единственной целью: служить крайним восточным аванпостом Испании для Золотого флота, плывущего домой.

В комнате воцарилось молчание. Гостям, судя по их виду, сделалось как-то не по себе.

— Я вижу, вы не понимаете особенностей экономики здешних мест, — сказал Элмонт. — Каждый год Филипп посылает сюда из Кадиса целый флот галеонов, предназначенных для перевозки сокровищ. Они пересекают Испанский Мэйн, направляясь на юг, к побережью Новой Испании. Там флот расходится по разным портам — Картахена, Веракрус, Портобело, дабы собрать сокровища. Потом он опять собирается воедино в Гаване. Оттуда сокровища везут на восток, в Испанию. Цель совместного плавания — защита от каперских налетов. Пока что все ясно?

Все кивнули.

— Армада отправляется в плавание в конце лета, в первые дни сезона ураганов, — продолжил губернатор. — Время от времени случается, что корабли в начале путешествия оказываются разделены с конвоем. Испанцы желают иметь сильную гавань для защиты таких судов. Они извели Матансерос исключительно для этой надобности.

— Несомненно, это еще недостаточная причина, — заметил Хэклетт. — Я не в силах себе представить...

— Причина вполне достаточна, — отрезал Элмонт. — Итак, по воле судьбы два галеона с сокровищами потерялись во время бури несколько недель назад. Нам это известно потому, что с ними встретилось каперское судно, безрезультатно попытавшееся атаковать испанцев. В последний раз их видели, когда они отступали на юг, к Матансеросу. Один из них оказался серьезно поврежден. Корабль, который вы, капитан Мортон, сочли военным, явно был одним из этих галеонов Золотого флота. Будь это настоящее военное судно, оно определенно бросилось бы в погоню при виде добычи, находящейся в каких-нибудь двух милях от него, и захватило бы вас. Сейчас вы кричали бы во всю глотку, развлекая Касалью. Этот же корабль не погнался за вами потому, что не осмелился выйти из-под защиты гавани.

— Как долго он будет там стоять? — спросил Мортон.

— Может уйти в любой момент, остаться до отправления следующего флота через год либо подождать, пока какое-нибудь испанское судно не прибудет и не проводит его домой.

— Можно ли его захватить? — спросил Мортон.

— Некоторые решили бы, что да. В целом на этом корабле находится сокровищ приблизительно на пятьсот тысяч фунтов.

Эта цифра вызвала ошеломление присутствующих.

— У меня такое ощущение, что эта информация может заинтересовать капитана Хантера, — с удовольствием заметил Элмонт.

— Вы хотите сказать, что этот человек — обычный капер? — возмущенно спросил Хэклетт.

— Отнюдь! Ни в коем случае не обычный, — со смешком отозвался Элмонт. — Капитан Хантер, что вы об этом думаете?

— Я бы назвал себя незаурядным капером.

— Но подобное легкомыслие возмутительно! — взвился секретарь.

— Вы забываетесь, — одернул его Элмонт. — Капитан Хантер — второй сын майора Эдуарда Хантера из колонии Массачусетс. Он родился в Новом Свете и получил образование в этом их учебном заведении, как там его...

— Гарвард, — сказал Хантер.

— Да, в Гарварде. Капитан Хантер с нами уже четыре года. Как капер он занимает высокое положение в здешнем обществе. Я верно говорю, Чарльз?

— Абсолютно, — подтвердил Хантер и ухмыльнулся.

— Этот человек — негодяй, — отрезал Хэклетт, но его жена взглянула на Хантера с новым интересом. — При чем самый обычный.

— Вам следовало бы следить за языком, — спокойно посоветовал ему Элмонт. — Дуэли на этом острове запрещены, но происходят с унылой регулярностью. К сожалению, я мало что могу сделать для их искоренения.

— Я слышал об этом человеке, — продолжал настаивать так и не успокоившийся Хэклетт. — Он — не сын майора Эдмунда Хантера. Во всяком случае, не законный сын.

Хантер почесал бороду.

— В самом деле?

— Мне так говорили, — заявил Хэклетт. — Кроме того, я слышал, что он — убийца, мерзавец, блудник и пират.

При слове «пират» Хантер с необычайной скоростью схватил Хэклетта за волосы, ткнул лицом в недоеденную баранину и удержал там.

— Господи, — вздохнул Элмонт. — А ведь я его уже предупреждал на этот счет. Видите ли, мистер Хэклетт, каперство — это уважаемое занятие. Пираты же — изгой. Вы всерьез предполагаете, что капитан Хантер — изгой?

Хэклетт, уткнувшийся лицом в тарелку, издал сдавленный звук.

— Я вас не слышу, мистер Хэклетт,— заявил Элмонт.

— Я сказал «нет»,— отозвался тот.

— Тогда не думаете ли вы, что вам как джентльмену уместно было бы извиниться перед капитаном Хантером?

— Приношу свои извинения, капитан Хантер. Я не хотел вас обидеть.

Чарльз отпустил секретаря. Тот выпрямился и вытер салфеткой лицо, перепачканное в соусе.

— Итак,— произнес Элмонт,— недоразумение предотвращено. Не перейти ли нам к десерту?

Хантер оглядел стол. Хэклетт все еще вытирал лицо. Мортон смотрел на него с неприкрытым изумлением. Миссис Хэклетт перехватила взгляд Хантера и провела язычком по губе.

После ужина Хантер с Элмонтом уселись вдвоем в библиотеке особняка, попивая бренди. Капитан выразил губернатору соболезнования по случаю назначения нового секретаря.

— Он не сделает мою жизнь проще,— согласился Элмонт.— Боюсь, возможно, и вашу тоже.

— Думаете, этот господин будет слать в Лондон депеши, неблагоприятные по отношению к вам?

— Он вполне может попытаться.

— Король должен знать обо всем, что происходит в его колониях.

— Это спорный вопрос,— с небрежным жестом отозвался Элмонт.— Одно можно сказать наверняка. Каперы будут и дальше получать поддержку, если не станут скупиться в ответ.

— Не меньше чем равная доля,— быстро произнес Хантер.— Говорю вам, иначе невозможно.

— Но если корона снарядит ваши суда, вооружит матросов...

— Нет,— отрезал Хантер.— В этом нет необходимости.

— Неужели? Любезный мой Чарльз, вы же знаете Матансерос. Там расквартирован немалый испанский гарнизон.

Капитан покачал головой.

— Нападение в лоб бессмысленно. Это мы уже знаем после экспедиции Эдмундса.

— Но какова тогда альтернатива? Крепость на Матансеросе полностью контролирует вход в гавань. Вы не сможете уйти с захваченным галеоном, набитым сокровищами, если предварительно не захватите ее.

— Верно.

— Что же в таком случае?..

— Я предлагаю небольшой налет на крепость со стороны суши.

— Против полностью укомплектованного гарнизона, где самое меньшее три сотни солдат? Вы не преуспеете.

— Иначе нельзя,— возразил Хантер.— Если мы не захватим укрепления, то Касалья обстреляет галеон с сокровищами и затопит его в гавани.

— Об этом я не подумал,— признал Элмонт и пригубил бренди.— Расскажите-ка мне о своем плане.

Глава 7

Позднее, когда Хантер покидал особняк губернатора, в прихожей вдруг появилась миссис Хэклетт и подошла к нему.

— Капитан Хантер!

— Да, миссис Хэклетт?

— Я хочу извиниться перед вами за непростительное поведение моего мужа.

— Не стоит.

— Напротив, капитан. По-моему, это совершенно необходимо. Он вел себя хамски, как последняя деревенщина.

— Мадам, ваш муж извинился, как подобает джентльмену. Это недоразумение улажено. — Чарльз кивнул женщине. — Спокойной ночи.

— Капитан Хантер!

Тот остановился в дверях и обернулся.

— Да, мадам?

— Вы — чрезвычайно притягательный человек.

— Вы очень любезны, мадам. Я с нетерпением буду ждать нашей следующей встречи.

— Я тоже, капитан.

Хантер ушел, подумав о том, что мистеру Хэклетту стоит получше присматривать за своей женой. Ему уже доводилось видеть подобное, то есть женщину из хорошей семьи, выросшую в Англии, в среде мелкопоместного дво-

рияства, которая производила некоторое волнение при дворе — как, несомненно, это обстояло с миссис Хэклетт, — если ее муж предпочитал смотреть в сторону — как, несомненно, это делал мистер Хэклетт. Однако же, очутившись в Индиях, вдали от дома и ограничений, налагаемых своим кругом и традициями... Да, Хантеру уже доводилось это видеть.

Капитан двинулся по булыжной мостовой прочь от скобняка. По пути он прошел мимо летней кухни, где до сих пор горел свет и сустились слуги. Во всех домах Порт-Ройяла кухни строились отдельно — дань жаркому климату. Сквозь открытое окно Хантер заметил белокурую девушку, прислуживавшую за ужином, и помахал ей.

Она ответила ему тем же и снова принялась за работу.

У входа в гостиницу миссис Денби люди дразнили медведя. Хантер понаблюдал, как дети кидали в беспомощное животное камнями. Они хохотали, хихикали и радостно юлили, когда медведь рычал и рвался с короткой цепи. Две шлюхи били медведя палками. Хантер прошел мимо и оказался в гостинице.

Тренчер сидел в углу, держа в здоровой руке выпивку.

Чарльз окликнул его и жестом подозвал к себе.

— Ну что, капитан? — с нетерпением поинтересовался тот.

— Я хочу, чтобы ты отыскал для меня несколько человек.

— Кого?

— Лазю, мистера Эндерса, Сансона и Мавра.

Тренчер улыбнулся.

— Желаете, чтобы они подошли сюда?

— Нет. Выясни, где они сейчас, и я к ним схожу. Где Шепот?

— В «Синем козле», — ответил Тренчер. — В задней комнате.

- А Черный Глаз — на Фарроу-стрит?
- Думаю, да. Так Еврей вам тоже нужен?
- Я полагаюсь на твой язык, — сказал Хантер. — Придержи его пока что.
- А меня вы с собой возьмете, капитан?
- Если сделаешь все так, как тебе велено.
- Клянусь ранами Христовыми, капитан!
- Тогда пошевеливайся, — сказал Хантер и вышел из гостиницы обратно на грязную улицу.

Ночной воздух был теплым и недвижимым, как и на протяжении дня. Хантер услышал звон гитарных струн. Откуда-то донесся пьяный смех и одиночный выстрел. Капитан зашагал по Ридж-стрит к «Синему козлу».

Порт-Ройял весьма приблизительно делился на районы, ориентированные на порт. Ближе всего к территории порта располагались таверны, бордели и игорные дома. Подальше, в отдалении от шумной жизни прибрежного района, улицы были более тихими. Здесь разместились бакалейщики и пекари, мебельщики и агенты по снабжению судов, здесь же можно было найти кузнецов и ювелиров. Еще дальше, на южной стороне бухты, стояли немногочисленные респектабельные гостиницы и частные дома. «Синий козел» был фешенебельным отелем.

Хантер вошел и кивнул джентльменам, выпивающим в общем зале. Он узнал лучшего сухопутного врача, мистера Перкинса, одного из членов совета, мистера Пайкеринга, бейлифа тюрьмы Брайдвелл и еще нескольких уважаемых господ.

Обычный капер чаще всего был нежеланным гостем в «Синем козле», но Хантера приняли благосклонно. Это стало простым признанием того факта, что коммерция Порт-Ройяла зависит от количества и успешности каперских рейдов. Хантер был опытным и смелым капитаном, в силу этого — важным членом местной общины. В прошлом году три его вылазки дали Порт-Ройялу больше

двухсот тысяч пистолей и дублонов. Немалая часть этих денег осела в карманах собравшихся здесь джентльменов, и они приветствовали Хантера в соответствии с этим фактом.

Госпожа Уикхэм, управлявшая «Синим козлом», встретила его появление куда прохладнее. Эта дама была вдовой, несколько лет назад сблизилась с Шепотом и знала, что раз Хантер явился сюда, значит, он идет повидаться с ним.

Она ткнула пальцем в сторону задней комнаты.

— Он там, капитан.

— Спасибо, госпожа Уикхэм.

Хантер направился прямо туда, куда было указано, постучал и, не дожидаясь разрешения войти, отворил дверь. Он знал, что ответа и не будет. В комнате было темно, горела всего одна свеча. Чарльз сощурился, стараясь прироваться к изменившемуся освещению. Он услышал размеренное поскрипывание и в конце концов разглядел Шепота. Тот сидел в углу, в кресле-качалке. В руках у него был заряженный пистолет, дуло которого глядело в живот Хантеру.

— Добрый вечер, Шепот.

— Добрый вечер, капитан Хантер,— раздалось негромкое, хриплое сипение.— Вы одни?

— Да.

— Тогда входите,— прошипел тот же голос.— Глоток рома?

— С удовольствием.

Шепот наполнил два бокала темно-коричневой жидкостью. Глаза Хантера приспособились к освещению, и теперь он лучше видел своего собеседника.

Шепот, настоящего имени которого никто не знал, был крупным, грузным мужчиной со слишком большими даже для него бледными руками. Когда-то он сам успешно командовал каперским судном, а потом отправился

вместе с Эдмундсом в налет на Матансерос. Шепот оказался единственным уцелевшим — после того, как Касалья взял его в плен, перерезал ему глотку и бросил умирать. Он каким-то чудом выжил, но почти потерял голос. Это сипение и большой белый изогнутый шрам под подбородком были зримыми свидетельствами его прошлого.

Со времени своего возвращения в Порт-Ройял Шепот всегда скрывался здесь, в задней комнате. Сталь отняла мужество у этого сильного, энергичного человека. Шепот боялся. Он постоянно держал в руках какое-нибудь оружие и еще что-нибудь поблизости. Вот и сейчас Хантер разглядел на полу рядом с Шепотом — только потянься — поблескивающую абордажную саблю.

— Что вас привело сюда, капитан? Матансерос?

Должно быть, изумление Хантера отразилось на его лице, потому что Шепот рассмеялся. Его смех звучал ужасно. Это было пронзительное, с присвистом, шипение, напоминающее клекот кипящего чайника. Хохоча, Шепот откинул голову, и белый шрам стал отчетливо виден.

— Я вас встревожил, капитан? Вы удивлены, что мне это известно?

— Другие об этом знают? — спросил Хантер.

— Некоторые, — прошипел Шепот. — Либо подозревают, но не понимают. Я слышал историю о путешествии Мортонна.

— Вот как!..

— Вы идете, капитан?

— Расскажите мне про Матансерос, Шепот.

— Вам нужна карта?

— Да.

— Пятнадцать шиллингов.

— Договорились, — сказал Хантер.

Он знал, что заплатит Шепоту двадцать, чтобы подкрепить их дружбу и гарантировать, что тот ничего не скажет другим посетителям. Шепот же, со своей сторо-

ны, прекрасно понимал, что заключенное соглашение даст ему дополнительных пять шиллингов. Еще он не сомневался в том, что Хантер убьет его, если он расскажет о Матансеросе кому-нибудь еще.

Шепот достал лоскут промасленной ткани, уголек, приложил тряпку на коленях и быстро набросал карту.

— Матансерос на языке донов значит «бойня», — прошептал он. — Остров имеет форму вытянутой неширокой дуги. Устье гавани смотрит на восток, в сторону океана. Вот здесь Пунта Матансерос. — Шепот указал на левую сторону дуги. — Именно тут, в низине, Касалья выстроил свою крепость. Она расположена не более чем в пятидесяти шагах над уровнем моря.

Хантер кивнул и подождал, пока Шепот, булькая, не отогреть еще рома.

— У крепости восемь сторон. Стены каменные, тридцати футов высотой. Внутри расквартирован испанский гарнизон.

— Какова его численность?

— Кто говорит — две сотни, кто — три. Я слышал даже про четыре, но мне не верится.

Хантер кивнул. Значит, надо рассчитывать на три сотни солдат.

— А пушки?

— Стоят только на двух сторонах крепости, — прокричал Шепот. — Одна батарея смотрит на океан, точно на восток. Вторая — на вход в гавань, точно на юг.

— Какие там орудия?

Шепот снова рассмеялся своим леденящим смехом.

— А вот это самое интересное, капитан Хантер. Там стоят бронзовые кулебринас двадцать четвертого калибра.

— Сколько их?

— Десять. Может, двенадцать.

Это было любопытно. Кулебринас — англичане их называли кулевринами — были не самым мощным оружием и давно уже не использовались на кораблях. Вместо них на

военных судах всех стран теперь ставили короткоствольные орудия.

Каждая такая старая пушка весила больше двух тонн. Длина их ствола составляла пятнадцать футов, что делало кулеврины смертоносно точными на больших расстояниях. Они стреляли тяжелыми ядрами, их можно было быстро перезарядить. В руках хорошо обученной артиллерийской команды кулеврины могли делать по выстрелу в минуту.

— Недурно, — кивнул Хантер. — Кто у них старший артиллерист?

— Боске.

— Я слышал о нем, — сказал Хантер. — Это тот самый, кто потопил «Реноун»?

— Он и есть, — прошипел Шепот.

Значит, артиллерийская команда будет отлично натаскана.

Хантер задумался и поинтересовался:

— Шепот, а вы не знаете, орудия на неподвижных лафетах?

Некоторое время тот молча покачивался в кресле.

— Вы сумасшедший, капитан Хантер.

— И что?

— Вы замышляете нападение с суши.

Хантер кивнул.

— Это неосуществимо, — произнес Шепот и постучал по карте, лежащей у него на коленях. — Эдмундс думал об этом, но когда он увидел остров своими глазами, то не стал и пытаться. Смотрите. Если вы пристанете на западе, то тут есть небольшая бухточка, которой можно воспользоваться. — Он указал на изгиб дуги. — Но чтобы добраться до главной гавани Матансероса по суше, нужно перейти через гору Лерес.

Хантер нетерпеливо взмахнул рукой.

— И что, на эту гору настолько трудно взобраться?

— Не трудно, а невозможно,— отозвался Шепот.— (Обычному человеку это не под силу. Вот отсюда, от западной бухты, идет отлогий подъем примерно футов до пятисот. Но там непролазные джунгли, где то и дело попадаются болота. Питьевой воды нет, зато патрули обязательно будут. Если они вас не застукают и вы не умрете от лихорадки, то доберетесь до подножия горы. Западная сторона Лереса — это отвесная скала высотой в триста футов. Там даже птице присесть негде. Непрестанно дует ветер, как во время бури.

— Если я на нее поднимусь, что дальше? — поинтересовался Хантер.

— Восточный склон пологий и особых трудностей не создаст,— сказал Шепот.— Но я точно говорю — до восточного склона вам в жизни не добратся.

— Если я все-таки там окажусь, что тогда насчет батарей Матансероса? — не унимался Чарльз.

Шепот слегка пожал плечами.

— Они смотрят на воду, капитан Хантер. Касалья не дурак. Он знает, что с суши на него никто никогда не нападет.

— Всегда можно что-нибудь придумать.

Некоторое время Шепот молчал, покачиваясь в кресле.

— Нет,— произнес он в конце концов.— Не всегда.

Дон Диего де Рамано, именуемый также Черным Глазом или попросту Евреем, сидел, склонившись над верстаком, в лавочке на Фэрроу-стрит. Близоруко щурясь, он разглядывал жемчужину, которую держал большим и указательным пальцами левой руки. Других на этой ладони у него не было.

— Жемчужина превосходного качества,— сказал Еврей и вернул ее Хантеру.— Я бы посоветовал вам оставить ее себе.

Черный Глаз несколько раз моргнул. Глаза у него были красные, как у кролика, и видел он так же плохо. Дон Диего

почти постоянно обливался слезами и время от времени смахивал их. На правом глазу рядом со зрачком было большое черное пятно. Именно ему Еврей был обязан другим своим прозвищем.

— Это вы могли сказать и без меня, Хантер.

— Да, дон Диего.

Еврей кивнул и встал со скамьи. Он прошел через свою небольшую лавочку и запер дверь, ведущую на улицу, потом закрыл ставни и повернулся к Хантеру.

— Ну так?

— Как ваше здоровье, дон Диего?

— Здоровье, здоровье... — пробурчал тот, засовывая руки в карманы своего широкого одеяния. — Оно хреновое, как обычно. Это вы тоже могли сказать и без меня.

— Хорошо ли идут ваши дела? — поинтересовался Хантер, оглядев комнату.

На грубо сделанных столах были разложены золотые украшения. Еврей торговал ими в этой лавчонке вот уже почти два года.

Дон Диего сел. Он посмотрел на гостя, пригладил бороду, смахнул слезы с глаз и сказал:

— Хантер, вы издеваетесь. Говорите прямо, что у вас на уме.

— Мне интересно, работаете ли вы еще с порохом.

— Порох? — Еврей уставился в угол, нахмурившись, как будто не знал значения этого слова. — Нет, — сказал он чуть позже. — С порохом я не работаю. После этого. — Он указал на черное пятно в глазу. — И этого. — Дон Диего поднял беспалую левую руку. — Больше я с ним не вожусь.

— Можете ли вы передумать?

— Никогда.

— Очень долгий срок.

— Никогда — это ровно то, что я имею в виду, Хантер.

— Даже ради нападения на Касалью?

Еврей заворчал и тяжело проговорил:

— Касалья в Матансеросе, на него не нападешь.

— Я собираюсь это сделать,— негромко произнес Чарльз.

— Вот и капитан Эдмундс тоже собирался, год назад.

При этом воспоминании дон Диего скривился. Он был одним из тех, кто вложил средства в эту экспедицию. Его вклад, пятьдесят фунтов, пропал безвозвратно.

— Матансерос неприступен, Хантер. Не позволяйте нашему тщеславию брать верх над здравым смыслом.— (Он стер слезы со щеки.— Кроме того, там ничего нет.

— В крепости — ничего,— согласился Хантер.— А в гавани?

— В гавани? — Черный Глаз снова уставился в пространство.— Что же там? Должно быть, нао* с сокровищами, потерявшееся во время той августовской бури, да?

— Да, одно из них.

— Откуда вы это знаете?

— Знаю.

— Одно нао? — Еврей заморгал еще чаще и почесал нос указательным пальцем искалеченной руки — верный признак того, что дон Диего задумался.— Оно, возможно, нагружено табаком и корицей,— с унылым видом произнес он.

— Или же золотом и жемчугом,— возразил Хантер.— Иначе судно отправилось бы прямо в Испанию, даже под угрозой захвата. Если его капитан зашел в Матансерос, то только потому, что сокровище слишком велико. Он не посмел рисковать им.

— Возможно.

Хантер внимательно смотрел на Еврея. Тот был великим актером.

— Предположим, вы правы,— произнес он в конце концов.— Но меня это не интересует. Нао в гавани Матансероса находится в такой же безопасности, как на стоян-

---

* Нао — испанское название некоторых типов парусных судов. (Здесь и далее прим. ред.)

ке в порту Кадиса. Его защищает крепость, которую не-возможно взять.

— Верно,— согласился Хантер.— Но артиллерийские батареи, защищающие гавань, можно уничтожить, если вы находитесь в добром здравии и готовы снова поработать с порохом.

— Вы мне льстите.

— Совершенно уверен, что нет.

— А какое отношение к этому всему имеет мое здоровье?

— Мой план имеет свои сложности,— признал Хантер. Дон Диего нахмурился.

— Вы говорите, что мне нужно отправиться с вами?

— Это самая суть моего плана, дон Диего.

Еврей внезапно поднялся.

— Чтобы напасть на Касалью,— произнес он и принялся возбужденно расхаживать по комнате.— Я мечтал о его смерти, Хантер. Она мне снится каждую ночь, вот уже десять лет...— Дон Диего остановился и взглянул на Хантера.— У вас тоже есть свои причины.

Тот кивнул.

— Есть.

— Но это можно осуществить? На самом деле?

— На самом деле, дон Диего.

— Тогда я хочу услышать ваш план,— заявил взволнованно Еврей.— Мне надо знать, какой порох вам нужен.

— Мне нужно изобретение,— сказал Хантер.— Я хочу, чтобы вы создали то, чего прежде не существовало.

Еврей вытер глаза.

— Рассказывайте,— велел он.— Прямо сейчас.

Мистер Эндерс, цирюльник, хирург и настоящий мастер морского дела, нежно приложил пиявку к шее пациента. Несчастный сидел, откинувшись на спинку кресла, лицо его было накрыто полотенцем. Когда смахивающее

на слизня создание прикоснулось к телу этого человека, тот застонал. Пиявка тут же начала распухать от крови.

Мистер Эндерс негромко напевал себе под нос.

— Вот так, — произнес он. — Через несколько мгновений вы почувствуете себя гораздо лучше. Помяните мое слово, вам станет легче дышать. Вы сможете продемонстрировать дамам еще пару занятных штучек. — Цирюльник хлопал пациента по щеке, накрытой полотенцем. — Я выйду на секундочку, глотну воздуха и сразу же вернусь.

С этими словами мистер Эндерс покинул свою лавку, ибо он увидел на улице Хантера, махавшего ему рукой. Этот человек был невысок, но двигался быстро и изящно. Казалось, будто он не идет, а танцует. Он успешно вел свое скромное дело в Порт-Ройяле, поскольку значительная часть пациентов переживала его процедуры, чего нельзя было сказать о других хирургах. Но величайшим его искусством и истинной любовью являлось другое — вести корабль под парусом. Эндерс, подлинный художник морского дела, был редким созданием, прирожденным рулевым, который словно бы сливался с кораблем.

— Нуждаетесь в бритье, капитан? — спросил он у Хантера.

— Нет, в команде.

— Тогда вы нашли своего хирурга, — сказал Эндерс. — А какова цель путешествия?

— Заготовка кампешевого дерева, — сказал Чарльз и ухмыльнулся.

— Мне всегда нравилось этим заниматься, — сказал Эндерс. — Чье же это будет кампешевое дерево?

— Касальи.

Эндерс мгновенно оставил шуточный тон.

— Касальи? Вы собираетесь на Матансерос?

— Тише! — одернул его Хантер и оглянулся.

— Капитан, самоубийство — преступление против Господа.

— Вы знаете, что нужны мне, — сказал тот.

— Но жизнь прекрасна, капитан.

— Золото — тоже, — возразил Хантер.

Эндерс умолк и задумался. Он, как и Еврей, да и вообще всякий житель Порт-Ройяла, знал, что в крепости Матансерос никакого золота нет.

— Быть может, вы объяснитесь?

— Лучше не надо.

— Когда вы отплываете?

— Через два дня.

— Мы получим объяснение в Бычьем заливе?

— Даю слово.

Эндерс молча протянул руку, и Хантер ее пожал.

Тут пациент в лавочке заерзал и заворчал.

— Боже мой! Ах, бедолага! — вскричал Эндерс и кинулся обратно, к себе.

Пиявка раздулась от крови, красные капли падали на деревянный пол. Эндерс снял ее, и пациент завопил.

— Ну-ну, ваше превосходительство, успокойтесь.

— Вы — проклятый пират и мошенник! — заявил сэр Джеймс Элмонт, срывая с лица полотенце и размазывая им кровь по шее.

Француза Лазю Хантер отыскал в публичном доме на Лайм-роуд, в окружении хихикающих женщин. Его имя произошло от искаженного французского слова «лезье», «глаза», ибо они у этого солдата были большими, блестящими, просто легендарными. Никто не видел в темноте так хорошо, как Лазю. Хантер много раз проводил свои корабли через рифы и мелководье благодаря указаниям, которые давал Лазю с баковой надстройки. А еще этот человек, изящный словно кошка, был невероятно метким стрелком.

— Хантер! — донесся голос Лазю, обнимавшего пышную девицу. — Присоединяйся!

Шлюхи хихикали и играли с его волосами.

— Лазю, на пару слов.

— Какой ты нудный,— вздохнул Лазю и перецеловал всех девиц.— Я вернусь, лапочки,— сообщил он и отошел с Хантером в дальний угол.

Одна бабенка принесла им бутылку рома и два стакана.

Хантер взглянул на спутанные, достающие до плеч волосы Лазю и его безбородое лицо.

— Ты пьян?

— Не очень, капитан,— отозвался тот и пронзительно рассмеялся.— Говорите, что вам надо.

— Через два дня я отправляюсь в плавание.

— Да?

Похоже было, что хмель с Лазю сразу же слетел. Большие, внимательные глаза пристально взглянули на Хантера.

— И каков же конечный пункт этого плавания?

— Матансерос.

Лазю рассмеялся низким, рокочущим смехом. Капитану казалось даже странным, как мог подобный звук исходить из такого худощавого тела.

— Матансерос означает «бойня». Насколько мне доводилось слышать, название отлично соответствует месту.

— Тем не менее,— сказал Хантер.

— Должно быть, у вас имеются серьезные причины.

— Да.

Лазю кивнул, не рассчитывая услышать больше. Умный капитан не рассказывает о рейде сверх необходимого, пока команда не укомплектована полностью.

— Причины достаточно веские, чтобы перевесить опасность?

— Именно так.

Лазю внимательно взгляделся в лицо Хантера.

— Вам нужна в этом путешествии женщина?

— За этим я и пришел.

Лазю снова рассмеялась и рассеянно почесала маленькую грудь. Она одевалась, дралась и вела себя как мужчи-

на, но была женщиной. Ее историю знали немногие. Хантер входил в их число.

Лазю была дочкой жены британского моряка. Муж находился в море, когда женщина обнаружила, что беременна, и впоследствии родила сына. Однако же отец не вернулся из плавания. С тех пор о нем вообще ничего не слыхали. Она через несколько месяцев снова обрюхатела, страшась скандала, уехала в другую деревню и там произвела на свет дочь, Лазю.

Через год сын умер. Тем временем мать осталась без средств, и ей пришлось вернуться в родную деревню, к родителям. Желая избежать позора, она переодела дочь мальчиком. Обман был настолько искусным, что в деревне никто, включая бабушку с дедушкой, ничего не заподозрил. Лазю выросла как мальчик и в тринадцать лет пошла работать кучером к местному аристократу. Позднее она вступила в ряды французской армии, несколько лет жила среди солдат, и ее так и не разоблачили. В конце концов — во всяком случае, так рассказывала она сама — Лазю влюбилась в молодого красивого кавалерийского офицера и открыла ему свою тайну. У них был бурный роман, тянувшийся около года, но офицер так на ней и не женился. В конце концов Лазю предпочла отправиться в Вест-Индию, где снова стала вести жизнь мужчины.

В таком своеобразном городе, как Порт-Ройял, подобную тайну невозможно было скрывать долго, и вскоре все узнали, что Лазю — женщина. Во всяком случае, она завела привычку во время каперских налетов драться с обнаженной грудью, чтобы сбивать с толку и запугивать врагов. Но в порту эта особа обычно вела себя как мужчина, на что никто не обращал особого внимания.

Теперь же Лазю рассмеялась.

— Ты свихнулся, Хантер, раз собираешься напасть на Матансерос.

— Ты идешь со мной?

Она снова рассмеялась.

— Только потому, что мне сейчас нечем заняться.

И Лазю вернулась к шлюхам, хихикавшим за дальним столом.

Мавра Хантер отыскал в игорном доме «Желтый плут». Тот играл в брелан с двумя голландскими корсарами.

Мавр, которого звали еще Бассой, смотрелся редкостным здоровяком. У него была огромная голова, мощные бугрящиеся мускулы на плечах и груди и здоровенные ручки, в которых игральные карты выглядели крохотными. Все уже давно позабыли, почему его прозвали Мавром. Даже если бы он сам решил рассказать о своем происхождении, то не смог бы этого сделать, потому что испанец-плантатор на Эспаньоле некогда отрезал ему язык. В целом все сходились на том, что этот гигант на самом деле никакой не мавр. Родом он из того района Африки, что именуется Нубией, пустынного края, протянувшегося вдоль Нила и населенного могучими чернокожими людьми.

Имя Басса было дано ему по названию порта на гвинейском побережье, где иногда останавливались работогоровцы. Но все сходились на том, что Мавр никак не мог быть уроженцем тех краев, поскольку тамошние жители хилыки, да и кожа у них куда светлее.

Немота Мавра, вынуждавшая его объясняться жестами, лишь усиливала производимое им впечатление. Время от времени кто-нибудь из приезжих, недавно появившихся в Порт-Ройале, решал, что Басса не только нем, но еще и глуп.

Наблюдая за карточной игрой, Хантер предположил, что именно это и произошло в очередной раз. Он взял большую кружку вина и уселся за боковой столик, намереваясь полюбоваться представлением.

Голландцы были щегольски разряжены в хорошие чулки и вышитые шелковые камзолы. Они много пили. Мавр

не пил вообще. Он давным-давно спиртного в рот не брал. Говорили, что этот здоровяк не переносит алкоголя. Мол, когда-то он напился пьян и убил пятерых голыми руками, прежде чем пришел в себя. Неизвестно, было ли это правдой, но Мавр совершенно точно убил плантатора, отрезавшего ему язык, его жену и половину челяди, бежал в пиратский порт на западном побережье Эспаньолы, а затем сюда, в Порт-Ройял.

Хантер наблюдал за тем, как голландцы делали ставки. Они играли отчаянно, шутили, смеялись и в целом пребывали в прекрасном расположении духа. Мавр сидел с бесстрастным видом. Перед ним на столе лежала кучка золотых монет. Брелан был быстрой игрой, не прощающей необдуманных ставок. Так оно и вышло. Хантер увидел, как Мавр вытащил три карты одного достоинства, показал их и сгреб деньги голландцев.

Те на миг ошеломленно умолкли, а потом принялись дружно вопить «жулик!» на нескольких языках. Мавр спокойно покачал огромной головой и ссыпал деньги в карман.

Голландцы принялись настаивать еще на одной партии, но Мавр показал, что у них не осталось денег.

Тогда голландцы принялись задирать, кричать и тыкать в Мавра пальцами. Басса оставался все так же бесстрастен и вручил подошедшему мальчику-слуге золотой дублон. Голландцы, очевидно, не поняли, что он авансом заплатил за весь ущерб, который мог причинить игорному дому. Слуга забрал монету и удрал на безопасное расстояние.

Голландцы к этому моменту уже вскочили и осыпали Мавра ругательствами. Гигант по-прежнему сидел за столом. Лицо его было невозмутимо, и лишь взгляд метался от одного крикуна к другому.

Голландцы принялись задирать еще сильнее. Они размахивали руками и требовали вернуть деньги.

Мавр покачал головой.

Тогда один голландец выхватил из ножен кинжал и принялся угрожающе тыкать им чуть ли не в самый нос лдоровяка, который оставался все так же бесстрашен. Он сидел недвижно, положив руки на стол.

Второй голландец потянул из-за пояса пистолет, и в этот момент Мавр перешел к стремительным действиям. Он выбросил руку, перехватил кинжал противника, развернул его, вогнал в стол на три дюйма и тут же ударил второго голландца в живот. Тот выронил пистолет, задохнулся и сложился вдвое. Мавр пнул его в лицо. Бедняга отлетел в другой конец комнаты и растянулся на полу. Затем чернокожий гигант повернулся обратно к первому голландцу, у которого глаза от испуга сделались круглыми. Мавр подхватил его, поднял над головой, подошел к двери и вышвырнул задиру на улицу. Тот распался носом грязь.

Мавр вернулся в зал, вытащил кинжал из стола, сунул себе за пояс, подошел к Хантеру, уселся рядом с ним и лишь после этого позволил себе улыбнуться.

— Новички,— сказал капитан.

Мавр ухмыльнулся, кивнул, потом нахмурился и указал на Хантера. На его лице появилось вопросительное выражение.

— Я пришел повидаться с тобой.

Мавр пожал плечами.

— Мы отплываем через два дня.

Басса поджал губы, изобразив единственное слово: «Куда?»

— На Матансерос,— сказал Хантер, и гигант изобразил отвращение.

— Тебя это не интересует?

Мавр ухмыльнулся и чиркнул пальцем по горлу.

— Говорю тебе, это можно сделать,— возразил Чарльз.— Ты боишься высоты?

Здоровяк изобразил, будто карабкается куда-то, перебирая руками, и покачал головой.

— Я имел в виду не корабельный такелаж, а скалу в триста—четыреста футов.

Мавр почесал лоб. Он взглянул на потолок, прикидывая, судя по всему, потом кивнул.

— Ты можешь это сделать?

Басса снова кивнул.

— Даже при сильном ветре? Отлично. Тогда ты отправляешься с нами.

Хантер привстал было, но Мавр его не пустил. Он побренчал монетами в кармане и вопросительно ткнул пальцем в грудь капитана.

— Не волнуйся,— сказал тот.— Дельце прибыльное. Мавр улыбнулся. Хантер ушел.

Сансона он нашел на втором этаже «Герба королевы», постучал и стал ждать. Из-за двери донеслось хихиканье и вздох. Хантер постучал снова.

Послышался на удивление высокий голос:

— Вали отсюда к чертям собачьим!

Капитан поколебался и постучал еще раз.

— Кровь Господня, кого там еще несет? — донесся из-за двери все тот же голос.

— Это я, Хантер.

— Чтоб я сдох. Входи.

Чарльз распахнул дверь на полную, но входить подождать. Через мгновение сквозь проем вылетел ночной горшок и его содержимое.

Из комнаты донесся негромкий смешок.

— Ты, как всегда, осторожен, Хантер. Небось всех нас переживешь.

Хантер вошел в комнату, освещенную единственной свечой. Сансон сидел в постели, рядом с ним расположилась белокурая девица.

— Ты нам помешал, сын мой,— произнес Сансон.— Помолимся же, чтобы у тебя имелись на то достаточно веские причины.

— Еще какие,— отозвался Хантер.

— Ага! — Сансон повернулся к девице.— Мой нежный персик...

Он поцеловал кончики ее пальцев и указал на дверь.

Девушка тут же выскочила из постели, поспешно подхватила свою одежду и пулей вылетела из комнаты.

— Восхитительное создание,— заметил Сансон.

Хантер закрыл дверь.

— Понимаешь, она француженка,— продолжал Сансон.— Из них получаются самые лучшие возлюбленные, правда?

— Шлюхи из них точно получаются первоклассные.

Сансон рассмеялся. Это был крупный, массивный мужчина, производящий впечатление задумчивой мрачности,— темные волосы и брови, сходящиеся на переносице, такая же борода, смуглая кожа. Но голос у него был на удивление высокий, особенно когда Сансон смеялся.

— Неужели мне никогда не удастся убедить тебя в том, что француженки превосходят англичанок?

— Исключительно в распространении болезней.

Сансон расхохотался.

— Хантер, у тебя очень необычное чувство юмора. Выпьешь со мной бокал вина?

— С удовольствием.

Сансон налил из бутылки, стоявшей на столике рядом с кроватью.

Чарльз взял предложенный бокал и приподнял его.

— Твое здоровье.

— И твое,— откликнулся Сансон, и они выпили, не отрывая друг от друга взгляда.

Хантер, если честно, попросту не доверял Сансону. Он не очень-то хотел брать француза в экспедицию, но тот был необходим для успеха предприятия. Невзирая на его

гордыню, тщеславие и любовь к похвальбе, этот человек являлся самым безжалостным убийцей на всем Карибском море. Он происходил из семейства французских палачей.

Само имя — Сансон, «без звука», — было ироническим комментарием к скрытной манере работы данного субъекта, которого знали и боялись повсюду. Говорили, будто его отец, Шарль Сансон, был королевским палачом в Дьеппе. Ходили слухи, что сам Сансон некоторое время был священником в Льеже, пока его нескромные шалости с монахинями соседнего монастыря не привели к тому, что ему выгоднее сделалось покинуть страну.

Но Порт-Ройял был не тем городом, где обращали большое внимание на прошлое. Сансон славился здесь своим умением обращаться с саблей, пистолетом и любимым оружием, арбалетом.

Француз рассмеялся снова.

— Ну что ж, сын мой, поведай, что тебя гнетет.

— Через два дня я отплываю. На Матансерос.

На этот раз Сансон смеяться не стал.

— Ты хочешь, чтобы я отправился с тобой?

— Да.

Сансон налил еще вина.

— Я туда не хочу, — сказал он. — Ни один человек в здравом рассудке не горит желанием идти на Матансерос. Что ты там вообще забыл?

Хантер не ответил.

Сансон устался на свои ноги в конце кровати. Задумчиво хмурясь, он пошевелил пальцами.

— Наверняка дело в галеонах, — заявил француз в конце концов. — В тех галеонах, которые потерялись во время бури. Они на Матансеросе. Так?

Хантер пожал плечами.

— Осторожничаешь, значит, — протянул Сансон. — Итак, какие же условия ты предлагаешь за участие в этой безумной вылазке?

— Я дам тебе четыре доли.

— Всего-то? Ну ты и скареда, капитан Хантер. Моя гордость уязвлена. Ты считаешь, что я стою всего каких-то четыре доли?..

— Пять,— произнес Хантер с видом человека, идущего на уступки.

— Нет уж. Давай скажем восемь и на том покончим.

— Давай скажем пять и договоримся.

— Хантер, час уже поздний, а я не слишком терпелив. Может, скажем семь?

— Шесть.

— Кровь Господня, ну ты и скареда!

— Шесть,— повторил Хантер.

— Семь. Еще вина?

Чарльз посмотрел на француза и решил, что продолжать спор бессмысленно. Сансона легче будет контролировать, если тот сочтет, что заключил выгодную сделку. Если же он будет полагать, что с ним обошлись несправедливо, то станет совершенно невыносим.

— Ладно, семь,— согласился Хантер.

— Друг мой, твой здравый смысл великолепен.— Сансон протянул руку.— Теперь поведай мне, как ты намерен вести атаку.

Он выслушал план, не издав ни звука, а затем, когда Хантер закончил излагать, хлопнул себя по ляжке.

— Верно говорят про испанскую леность, французское изиящество и английское хитроумие!

— Думаю, это должно сработать,— сказал Хантер.

— Не сомневаюсь в этом ни на йоту,— отозвался Сансон.

Когда Хантер покинул небольшую комнату, над улицами Порт-Ройяля уже занималась заря.

Глава 8

Конечно же, подготовку к экспедиции невозможно было сохранить в тайне. Слишком многие моряки стремились присоединиться к любому из каперских рейдов. Требовалось изрядное число торговцев и фермеров, чтобы снарядить «Кассандру», шлюп Хантера. Рано поутру весь Порт-Ройял уже только и толковал, что о его грядущей вылазке.

Говорили, что Хантер собирается напасть на Кампече, разграбить Маракайбо. Некоторые даже утверждали, что он осмелится устроить налет на Панаму, как семьдесят лет назад это сделал Дрейк. Но для такого длительного плавания требовался очень значительный запас провизии, а Хантер загружал в трюмы относительно немного. Поэтому большинство сплетников твердили, что цель налета — сама Гавана. Ее каперы не атаковали никогда, и эта идея почти всем казалась безумной.

Затем на свет божий всплыли новые сведения, приводящие народ в замешательство. Черный Глаз, он же Еврей, принялся скупать крыс у детворы и всякой рвани, ошивающейся вокруг порта. Ни один моряк не обладал достаточным воображением, чтобы сказать, на кой черт они ему понадобились. Еще стало известно, что Черный Глаз хорошо платит за свиные кишки. Их, конечно, мож-

но было использовать для гадания, но уж кто-кто, а Еврей точно не стал бы этого делать.

Его ювелирная лавка тем временем стояла запертая, с заколоченными окнами.

Да и провизия на «Кассандру» грузилась не менее странно. Капитан закупил не так уж много солонины и мяса большое количество воды, включая несколько маленьких бочонков, которые специально заказал их изготовителю, мистеру Лонгли. Лавочка торговца веревками, мистера Уайтстолла, получила заказ на тысячу с лишним футов крепкого каната, слишком толстого для такелажа шлюпа. Изготовителю парусов, мистеру Нидли, велено было сшить несколько больших сумок из толстого полотна и по верху поставить люверсы для веревки. Карьер, кузнец, ковал «кошки» особой конструкции, с зубцами на петлях, чтобы крючья можно было компактно сложить.

Еще в эти дни случилось вот какое предзнаменование. Утром рыбаки поймали гигантскую акулу-молот и выволокли ее на берег в Чоколата-Хоул, бухточке рядом с фортком, где располагались черепаший колонии. В ней оказалось больше двенадцати футов, она была изрядно уродлива, с широким рылом и глазами, расположенными на плоских отростках. Рыбаки и прохожие стреляли по акуле из пистолетов безо всякого видимого эффекта. Рыбина извивалась и била хвостом по доскам пристани добрых полдня.

Потом акуле вспороли брюхо, оттуда вывалились скользкие кольца кишок. Среди них блеснул металл. Когда внутренности были выпотрошены, он оказался полным доспехом испанского солдата — кираса, шлем, поножи. Тут же был сделан вывод, что плоскомордая тварь проглотила несчастного солдата целиком, переварила плоть, а доспех вытолкнуть наружу не смогла. Он так и лежал в брюхе. Одни сочли это предзнаменованием на-

двигающегося нападения испанцев на Порт-Ройял, а другие — доказательством того, что Хантер собирается атаковать их.

Сэру Джеймсу Элмонту было не до предзнаменований. Тем утром он вынужден был допрашивать каналью француза по имени Оллонэ. Тот прибыл в порт поутру и привел с собой захваченный испанский бриг. Патента капера у Оллонэ не имелось. В любом случае номинально между Англией и Испанией был мир. Хуже всего оказалось то, что к моменту прибытия в порт в трюмах брига не находилось ничего особо ценного, лишь небольшое количество шкур да табак.

Несмотря на свою славу корсара, Оллонэ был глуп и жесток. Конечно, чтобы быть капером, особых умственных способностей не требовалось. Нужно только подождать в соответствующих широтах появления подходящего судна и напасть на него.

Сегодня Оллонэ стоял со шляпой в руках в кабинете губернатора и с детской непосредственностью излагал свою неправдоподобную историю. Он заявил, что случайно наткнулся на это судно и обнаружил, что оно брошено. На борту не было ни единого человека, и корабль дрейфовал по морю по воле ветра.

— Видать, с ними приключилось какое-то бедствие, сказал Оллонэ. — Но сам корабль хороший, сэр. Я решил оказать услугу короне и привести его в порт, сэр.

- Вы не нашли на нем ни одного человека?
- Ни единой живой души, сэр.
- А мертвые на борту были?
- Нет, сэр.
- И никаких ключей к разгадке подобного несчастья?
- Ничегошеньки, сэр.
- А груз?..

— Был ровно в том состоянии, в каком его нашли ваши инспектора, сэр. Мы к нему не прикасались. Вы же понимаете.

Сэру Джеймсу хотелось знать, сколько невинных людей Оллонэ перебил, чтобы очистить палубу торговца. Еще он хотел знать, где пират приставал к берегу, чтобы спрятать все ценное с корабля. В Карибском море была тысяча островов и рифов, которые сгодились бы для этой цели.

Сэр Джеймс постучал пальцами по столу. Этот человек явно лгал, но губернатору требовались доказательства. Даже в диких условиях Порт-Ройяла нужно было соблюдать английские законы.

— Ну что ж,— пробурчал он в конце концов.— Я официально заявляю вам, что этот захват вызвал чрезвычайное недовольствие короны. Поэтому король получит пятую часть...

— Пятую?!

Обычно королю отходила десятая, если не пятнадцатая часть.

— Именно,— отрезал сэр Джеймс.— Его величество получит пятую часть. Я официально заявляю, что если до меня дойдут хоть какие-то слухи о злодействе, допущенном с вашей стороны, то вы будете отданы под суд и повешены как пират и убийца.

— Сэр, я клянусь вам! .

— Довольно! — Сэр Джеймс поднял руку.— Сейчас вы можете идти, но запомните все то, что я вам сказал.

Оллонэ старательно поклонился и, пятясь, вышел из комнаты.

Элмонт поднял колокольчик и вызвал своего помощника.

— Джон,— сказал он,— найди кого-нибудь из матросов этого Оллонэ и позаботься, чтобы вино развязало им языки. Я хочу знать, как он заполучил это судно. Мне нужны веские доказательства против него.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— И еще, Джон, отложи одну десятую для короля и столько же для губернатора.

— Будет сделано, ваше превосходительство.

— Пока все.

Джон поклонился.

— Ваше превосходительство, капитан Хантер пришел за своими бумагами.

— Зови.

Через несколько мгновений в кабинет размашистым шагом вошел Хантер.

Элмонт встал и пожал ему руку.

— Я смотрю, капитан, вы в хорошем настроении.

— Верно, сэр Джеймс.

— Подготовка идет хорошо?

— Да, сэр Джеймс.

— И во что она обходится?

— В пятьсот дублонов, сэр Джеймс.

Примерно эту сумму губернатор и предвидел. Он достал из стола мешочек с деньгами.

— Этого будет достаточно.

Хантер поклонился и принял деньги.

— Теперь вот что,— продолжал сэр Джеймс.— Я должен был составить вам свидетельство на право заготавливать кампешевое дерево в любом месте, какое вы сочтете уместным и подходящим. Получите его.

Он вручил бумагу Хантеру.

В тысяча шестьсот шестьдесят пятом году заготовка кампешевого дерева, *hematoxylin campeachim*, считалась у англичан законной коммерцией, невзирая на то что испанцы объявили торговлю им своей монополией. Эта древесина использовалась для изготовления красной краски, а также некоторых лекарств. По ценности она не уступала табаку.

— Должен вам заметить, что мы не можем одобрить нападение на любое испанское поселение, если только оно не будет спровоцировано,— медленно произнес сэр Джеймс.

— Я понимаю,— отозвался Хантер.

— Как вы полагаете, будет ли иметь место провокация?

— Сомневаюсь, сэр Джеймс.

— Тогда, конечно же, ваше нападение на Матансерос окажется пиратским.

— Сэр Джеймс, наш несчастный шлюп «Кассандра», истребованный и, в соответствии с выданными вами документами, занимающийся коммерцией, может быть обстрелян из пушек Матансероса. Разве мы не будем вынуждены адекватно ответить? Необоснованный обстрел или в чем не повинного судна нельзя оставлять без наказания.

— Воистину,— согласился сэр Джеймс.— Я уверен, что могу на вас положиться. Вы будете вести себя как солдат и как джентльмен.

— Я не подведу вас.

Хантер развернулся было, чтобы уйти.

— И последнее,— сказал сэр Джеймс.— Касалья — любитель Филиппа. Его дочь замужем за вице-канцлером испанского короля. Любое сообщение от Касальи, описывающее события на Матансеросе не так, как они будут изложены в вашем докладе, поставят его величество Карла в чрезвычайно неловкое положение.

— Я сомневаюсь, что кто-то получит хоть какие-то донесения от Касальи,— сказал Хантер.

— Крайне важно, чтобы их не было.

— С морского дна донесения не приходят.

— Это верно,— согласился сэр Джеймс, и они пожали друг другу руки.

Когда Хантер выходил из особняка губернатора, какая-то чернокожая служанка вручила ему письмо, затем, не сказав ни слова, развернулась и удалилась.

Хантер спустился по лестнице, читая на ходу письмо, написанное явно женской рукой.

Дорогой мой капитан!

Недавно мне поведали, что в главной части острова Ямайка, в месте, именуемом долиной Гроуфорд, можно отыскать прекрасный бодрящий источник. Дабы ознакомиться с прелестями моего нового местопребывания, я во второй половине дня совершу экскурсию к этому месту. Надеюсь, что оно действительно столь совершенно, как меня в том убеждают.

С любовью,

Эмили Хэклетт

Хантер сунул письмо в карман. При обычных обстоятельствах он не стал бы обращать внимание на завуалированное приглашение мисс Хэклетт. Ему еще многое нужно было успеть сделать за этот день, последний перед отплытием «Кассандры». Но ему все равно надо было поехать в глубь острова и повидаться с Черным Глазом. Если выдастся время...

Хантер пожал плечами и отправился к конюшне за своей лошадью.

Глава 9

Еврей обосновался в Саттерс-бэй, к востоку от Порт-Ройяла. Его местонахождение можно было определить еще издали, по едкому дыму, поднимающемуся над зелеными деревьями, и по взрывам, раздающимся время от времени.

Хантер выехал на небольшую поляну и обнаружил странную сцену. Повсюду лежали разнообразные мертвые животные, изрядно вонявшие под жарким полуденным солнцем. На краю поляны стояли три бочонка с селитрой, древесным углем и серой. В высокой траве поблескивали осколки стекла. Сам Еврей лихорадочно трудился. От его одежды и лица исходили запахи крови и пороховой пыли.

Хантер спешил и огляделся по сторонам.

— Боже милостивый, что это вы тут делаете?

— То, что вы просили, — отозвался Еврей. — Вы не разочаруетесь. Вот я сейчас вам покажу... Во-первых, вы поставили мне задачу создать длинный и медленно горящий запальный шнур, так?

Хантер кивнул.

— Обычные огнепроводные шнуры здесь не годятся, — рассудительно заявил Еврей. — Некоторые применяют дюжюкку из пороха, но тот слишком быстро горит. Другие могут использовать медленный фитиль. — Так называли кусок веревки или шпагата, пропитанный селитрой. —

Но он действительно очень уж медленный, да и огонь зачастую слишком слаб, чтобы поджечь конечный продукт. Вы улавливаете ход моих мыслей?

— Да.

— Хорошо. Промежуточная сила пламени и скорость горения достигаются за счет увеличения доли серы в порохе. Но подобная смесь пользуется дурной славой из-за своей ненадежности. Никому не надо, чтобы огонь внезапно затрещал и погас.

— Это верно.

— Я испробовал множество пропитанных веревок, фитилей и тряпок, но безрезультатно. Ни на что нельзя было полагаться. Поэтому я стал искать материал, отвечающий поставленным условиям, и нашел вот это. — Он показал странную тонкую белую волокнистую нить. — Крысиные кишки, — радостно улыбаясь, пояснил Черный Глаз. — Если их слегка просушить на теплых углях, то из них уходит жидкость, но гибкость сохраняется. Итак, надо поместить в кишки нужное количество пороха, и мы получим вполне пригодный к употреблению фитиль. Позвольте, я вам продемонстрирую.

Еврей взял кусок фитиля футов в десять длиной. Сквозь белесые стенки виднелся темный порох. Черный Глаз положил его на землю и поджег конец.

Фитиль горел спокойно, слабо потрескивая и искря. Огонь двигался медленно, одолевая не больше пары дюймов в минуту.

Еврей широко улыбнулся.

— Видите?

— У вас есть все основания гордиться, — согласился Хантер. — А транспортировать этот фитиль можно?

— С легкостью, — отозвался Еврей. — Единственная проблема — это время. Если кишки слишком пересыхают, то они делаются хрупкими и могут лопнуть. Это происходит примерно через сутки.

— То есть нам нужно везти с собой множество живых крыс.

— Думаю, да, — сказал Еврей. — Но у меня для вас есть еще один сюрприз, которого вы не заказывали. Возможно, вы не сумеете найти ему применения, хотя мне это приспособление кажется превосходным. — Он ненадолго умолк. — Вы слышали о французском оружии, именуемом гренадо?

— Нет, — покачал головой Хантер. — Это что, отравленный плод?

Словом «гренадо» французы называли гранат, а отравления в последнее время сделались очень популярны при дворе Людовика.

— В некотором смысле, — слегка улыбнувшись, ответил Еврей. — Его называли так из-за сходства с зернами граната. Я слышал об этом устройстве, но знаю также, что изготавливать его опасно. Все же я его сделал. Весь фокус в правильной пропорции селитры. Позвольте, я вам продемонстрирую.

Еврей взял пустую стеклянную бутылку с узким горлышком. На глазах у Хантера он засунул туда немного мелкой дробы и несколько обломков железных вещей.

Возясь с этим, он сказал:

— Я не хочу, чтобы вы думали обо мне плохо. Вы слышали про комплисидад гранде, великий заговор?

— Немного.

— Это началось с моего сына, — сказал Еврей, который, кривясь, возился с гренадо. — К августу тысяча шестьсот тридцать девятого года он давно уже отрекся от иудейской веры, жил в Лиме, в Перу, в Новой Испании. Его семья благоденствовала, но у него были враги. — Еврей подсыпал в бутылку еще дробы и продолжил: — Его арестовали одиннадцатого августа и обвинили в том, что он втайне исповедует иудаизм. Сказали, что он не торгует по субботам и не ест свинину на завтрак. Его заклеямили именем

иудействующего и пытали. На ноги ему надели раскаленные железные башмаки, и плоть его изжарилась. Он сознался.

Еврей набил бутылку порохом и запечатал ее воском.

— Он пробыл в тюрьме полтора месяца,— продолжал он.— В январе одиннадцать человек сожгли на костре. Семерых — живыми. Одним из них оказался мой сын. Командиром гарнизона, руководившим проведением аутодафе, был Касалья. Все имущество сына забрали. Его жена и дети... исчезли.

Еврей бросил взгляд на Хантера и смахнул слезы с глаз.

— Я не горюю,— сказал он.— Но, возможно, так вам будет понятнее.

Он поднял гранату и вставил в него короткий фитиль.

— Укройтесь-ка вы лучше вон за теми кустами,— распорядился Еврей.

Хантер спрятался. Еврей поставил бутылку на камень, поджег фитиль и помчался как сумасшедший к нему в укрытие. Они вместе уставились на бутылку.

— И что будет? — спросил Хантер.

— Смотрите,— сказал Еврей и впервые улыбнулся.

Через мгновение бутылка взорвалась. Осколки стекла и металла разлетелись во все стороны. Хантер с Евреем прижались к земле, слушая, как осколки разрывают листву над ними.

Когда капитан снова поднял голову, лицо его было бледно.

— Боже милостивый,— только и смог сказать он.

— Неджентльменское приспособление,— согласился Еврей.— Вещам более твердым, чем плоть, оно вредит мало.

Хантер как-то странно взглянул на него.

— Этот дон заслужил подобное отношение,— сказал Еврей.— Итак, каково ваше мнение о гранате?

Хантер помолчал. Все его инстинкты восставали против столь бесчеловечного оружия. Однако же у него имелось лишь шестьдесят человек для того, чтобы захватить галеон с сокровищами во вражеской твердыне, гарнизон которой насчитывал до трех сотен солдат. Им помогла бы и сошедшая на берег команда корабля, что составляло еще две-три сотни.

— Сделайте мне дюжину, — попросил он. — Спрячьте их на время путешествия и никому о них не говорите. Пусть это будет нашей тайной.

Еврей улыбнулся.

— Вы свершите свое возмездие, дон Диего, — сказал Хантер, сел на коня и уехал.

Глава 10

Долина Кроуфорд располагалась немного севернее, в получасе езды по приятной местности, среди пышной зелени у подножия Синих гор. Хантер добрался до высокого гребня, глядящего на долину, увидел двух рабынь миссис Хэклетт и лошадей, привязанных на берегу журчащего ручья, выбегавшего из каменной чаши на восточном краю долины. Еще Хантер заметил скатерть, расстеленную для пикника, и расставленную на ней еду.

Он спустился к лошадям и привязал своего коня рядом с ними. Хантеру хватило одного мгновения, чтобы подкупить этих негритянок. Он приложил палец к губам и сунул им шиллинг. Женщины захихикали и ускользнули прочь. Им не впервые платили за молчание о тайной встрече, и Хантер не боялся, что они могут кому-то рассказать об увиденном.

Точно так же он не беспокоился насчет того, что они станут подглядывать из кустов за белыми господами и смеяться над ними. Капитан тихо прошел по камням к краю озерца, образовавшегося под небольшим водопадом. Миссис Хэклетт плескалась в воде и его пока не замечала.

— Сара! — Миссис Хэклетт обращалась к рабыне, находившейся, по ее мнению, поблизости. — Ты знаешь этого капитана Хантера из порта?

Чарльз в ответ пробурчал нечто невнятное тоненьким плюском и уселся рядом со сложенной одеждой женщины.

— Роберт говорит, что он просто обычный мошенник и пират, — продолжала та. — Но муж совсем не обращает на меня внимания с тех пор, как я оказалась фавориткой короля! Весельчак был, ничего не скажешь! Но этот капитан Хантер — такой красавчик! Ты не знаешь, он пользуется благосклонностью многих женщин в городе?

Хантер не ответил. Он смотрел, как миссис Хэклетт плещется в прозрачной воде.

— Я думаю, что многих. У него такой взгляд, что самое твердое сердце растает. Он явно сильный и храбрый. Это всякая женщина заметит. А еще у него пальцы и нос хорошей длины — это тоже говорит о его достоинствах. Сара, у него есть в городе фаворитка?

Хантер не ответил.

— У его величества длинные пальцы, и он прекрасно подходит для постели. — Миссис Хэклетт хихикнула. — Мне не следовало этого говорить, Сара.

Хантер по-прежнему помалкивал.

— Сара! — позвала женщина, повернулась и увидела Чарльза, который сидел на берегу, смотрел на нее и ухмылялся.

— Вы что, не знаете, что купаться вредно для здоровья? — поинтересовался он.

Миссис Хэклетт гневно плеснула в него водой.

— Про вас говорят чистую правду! — возмутилась она. — Вы подлый, неотесанный, отвратительный тип. Вы не джентльмен!

— А вы ждали сегодня джентльмена?

Женщина снова плеснула водой.

— Уж конечно, я ждала не негодяя и любителя подглядывать. А теперь покиньте это место, чтобы я могла одеться.

— Я нахожу его необычайно привлекательным, — возразил Хантер.

— Вы отказываетесь уходить?

Миссис Хэклетт была вне себя от злости. Сквозь прозрачную воду Хантер видел, что она слишком худощава на его вкус, с маленькой грудью и худым лицом. Но ее гнев взволновал его кровь.

— Именно. Увы, но я отказываюсь.

— В таком случае, сэр, я в вас ошиблась. Я полагала, что вы проявите обычную любезность и хорошие манеры по отношению к женщине, находящейся в неблагоприятном положении.

— В чем же заключается эта неблагоприятность? — интересовался Хантер.

— Я обнажена, сэр.

— Да, вижу.

— А вода в этом ручье холодная.

— Что, правда?

— Именно так.

— Вы это только сейчас поняли?

— Сэр, я вынуждена снова попросить вас прекратить свои дерзости и дать мне мгновение уединения, дабы я могла вытереться и одеться.

Ответ Хантер подошел к воде, взял женщину за руку и вытащил на берег. Она стояла, мокрая и дрожащая, не смотря на палящее солнце. Миссис Хэклетт смирла его гневным взглядом.

— Вы так простудитесь насмерть, — заявил Хантер и улыбнулся при виде ее замешательства.

— Тогда уравнием положение, — произнесла миссис Хэклетт и внезапно столкнула его в воду прямо в одежде.

Он с плеском рухнул в озерцо, ледяная вода обожгла тело. Хантер задохнулся, начал барахтаться, а миссис Хэклетт стояла на камне и смеялась над ним.

— Мадам! — крикнул он, бултыхаясь изо всех сил. — Я вас умоляю!

Женщина продолжала смеяться.

— Мадам, я не умею плавать! Молю вас, помогите. — Голова Чарльза на мгновение скрылась под водой.

— Моряк, не умеющий плавать? — Миссис Хэкетт снова рассмеялась.

— Мадам... — успел сказать Хантер, появившись на поверхности, и снова ушел под воду.

Через мгновение он вынырнул, беспорядочно молотя руками и ногами. Женщина взглянула на него с беспокойством. Она протянула руку, и Хантер, поднимая тучи брызг, двинулся к ней.

Он схватил женщину и рванул на себя так, что она перелетела через его голову. Женщина завопила, плюхнулась плашмя, больно ударилась спиной о поверхность воды, снова завизжала и ушла под воду. Когда она вынырнула, Хантер расхохотался и помог ей выбраться на теплый камень.

— Вы самый настоящий ублюдок, мерзавец, головорез и развратный подлый негодяй! — с жаром выпалила она.

— К вашим услугам, — отозвался Хантер и поцеловал ее.

Женщина оттолкнула его.

— И наглец к тому же!

— Совершенно верно, — согласился Хантер и снова поцеловал ее.

— Вы что, собираетесь меня изнасиловать как уличную женщину?

— Полагаю, в этом не будет необходимости, — отозвался Хантер, стягивая с себя мокрую одежду.

И ее действительно не было.

— Как, среди бела дня? — с ужасом спросила миссис Хэкетт, и это были ее последние членораздельные слова.

Глава 11

В середине дня мистер Роберт Хэкетт предстал перед сэром Джеймсом Элмонтом с тревожными новостями.

— Город кишит слухами о том, что капитан Хантер, тот самый, с которым мы недавно ужинали, снаряжает пиратскую вылазку против каких-то испанских владений, возможно даже Гаваны, — сообщил секретарь.

— И вы верите этим историям? — спокойно поинтересовался Элмонт.

— Ваше превосходительство! — изрек Хэкетт. — На лицо несомненный факт. Капитан Хантер загружает на свой шлюп «Кассандра» провизию для плавания.

— Возможно, — согласился Элмонт. — И в чем тут состав преступления?

— Ваше превосходительство! — негодуя отозвался Хэкетт. — При всем уважении к вам я вынужден сообщить, что ходят слухи о том, будто вы поддерживаете эту вылазку, возможно даже в финансовом плане.

— Вы хотите сказать, что я оплатил эту экспедицию? — с легким раздражением поинтересовался Элмонт.

— Коротко говоря, возникает именно такое впечатление, сэр Джеймс.

Губернатор вздохнул и заявил:

— Мистер Хэклетт, когда вы поживете здесь чуть подольше — ну, скажем, хотя бы с неделю,— то узнаете, что слухи о том, будто бы я поддерживаю какую-то вылазку и оплачиваю ее, ходят постоянно.

— Так, значит, эти сплетни беспочвенны?

— До определенной степени. Я выдал капитану Хантеру бумаги на право заготавливать кампешевое дерево в любом месте, какое он сочтет удобным. Вот мера моей заинтересованности в этом вопросе.

— И где же он будет заготавливать это дерево?

— Понятия не имею,— сказал Элмонт.— Возможно, на Москитном берегу в Гондурасе. Обычно все плывут туда.

— Ваше превосходительство,— не унимался Хэклетт,— позвольте со всем почтением напомнить вам, что в нынешний период мира между нами и Испанией заготовка кампешевого дерева вызовет раздражение, которого с легкостью можно было бы избежать.

— Напомнить можете,— отозвался Элмонт.— Но я считаю ваше мнение неверным. Испания объявила своими многие земли в этих краях, однако же они остаются необитаемыми. Там нет ни городов, ни колонистов, вообще никакого населения. В отсутствие подобных доказательств владения землей я нахожу заготовку древесины вполне возможной.

Ваше превосходительство,— гнул свое Хэклетт,— не согласитесь ли вы с тем, что предприятие, начинающееся как экспедиция за кампешевым деревом, даже принимая во внимание мудрость ваших слов, с легкостью может обернуться в пиратскую вылазку?

С легкостью? Отнюдь, мистер Хэклетт.

*Его священнойшему величеству Карлу
милостью Божьей королю Великобритании
и Ирландии, защитнику веры,
и прочая, прочая, прочая*

*Смиренная петиция от помощника губернатора
его величества плантаций и земель
на Ямайке, что в Вест-Индии*

*Смиренно объяснив, что я, вернейший из подданных
Вашего Величества, был послан Вашим Величеством для
распространения воззрений и желаний двора в том, что
касается пиратских авантур в Вест-Индии, и, сообщив
эти воззрения и желания сэру Джеймсу Элмонту, губер-
натору вышеупомянутой колонии Ямайка, путем вруче-
ния послания и словесно, я вынужден сообщить, что в
здешних краях уделяют мало внимания прекращению и
подавлению пиратства. Напротив, я вынужден честно,
хоть и с печалью заявить, что сэр Джеймс сам перенял
обычаи преступников и негодяев, что он поддерживает
словом, делом и деньгами продолжение трусливых и крово-
пролитных налетов на испанские земли, что он позволяет
использовать Порт-Ройял в качестве места сбора всех
этих головорезов и подлецов и для проматывания их бары-
шей, добытых нечестным путем, что он не выказывает
никаких угрызений совести за их действия и никаких при-
знаков того, что в дальнейшем намеревается эти дейст-
вия пресечь, что он сам не соответствует своей высокой
должности по причине плохого здоровья и нетвердой мо-
рали, что он прикрывает все пороки и моральное разложе-
ние именем Вашего Величества. В силу всех этих причин и
доказательств я смиреннейше прошу и умоляю Ваше Вели-
чество снять этого человека с занимаемой им должности
и, в неизреченной мудрости Вашего Величества, избрать
ему более подходящего преемника, который не станет*

каждодневно выставлять корону на осмеяние. Я смиреннейше умоляю Ваше Величество одобрить это скромное прошение и буду молиться о том.

С тем остаюсь, Ваш покорный и верный слуга,

Роберт Хэкетт

Боже, храни короля!

Хэкетт перечитал письмо, счел результат удовлетворительным и позвонил в колокольчик.

На вызов явилась Энни Шарп.

— Дитя,— заявил Хэкетт,— позаботься о том, чтобы это письмо было отправлено в Англию с ближайшим судном.

Он дал девушке монету.

— Да, милорд,— присев в реверансе, отозвалась Энни.

— Обращайся с ним бережно,— велел Хэкетт и намурился.

Девушка спрятала монету за пазуху.

— Не желает ли господин еще чего-нибудь?

— А? — переспросил секретарь, захваченный врасплох.

Игривая девчонка улыбнулась ему и облизнула губы.

— Нет,— отрезал он.— Теперь иди.

Энни ушла.

Хэкетт вздохнул.

Глава 12

Хантер допоздна, уже при свете факелов, следил за погрузкой припасов на свой корабль.

За хранение грузов на пристани в Порт-Ройяле взимали высокий сбор. Обычное торговое судно не могло себе позволить встать к причалу больше чем на несколько часов под погрузку или разгрузку, но «Кассандра», небольшой шлюп Хантера, проторчала там полных двенадцать часов, и с капитана не взяли ни пенни. Напротив, Сайрес Питкин, владелец пристани, заявил, что с удовольствием предоставит Хантеру место, и, дабы сделать щедрое предложение еще заманчивее, бесплатно снабдил его пятью бочками воды.

Хантер вежливо принял предложение. Он знал, что по сути своей Питкин не великодушен. Этот делец будет ждать какого-нибудь подарка по возвращении «Кассандры» и получит его.

Точно так же капитан принял бочонок солонины от мистера Оутса, местного фермера, и еще один, с порохом, от мистера Ренфри, оружейного мастера. Все это было проделано с тщательно отработанной любезностью и тонким нюхом на полученные и ожидаемые ценности.

В промежутках между этими обменах взаимной вежливостью Хантер поговорил с каждым членом команды и отправил мистера Эндерса проверить, нет ли у кого бо-

лезней, чтобы быть уверенным в том, что все здоровы душой и телом, прежде чем допускать их на борт корабля. Также Хантер оглядел все припасы, заглянул в каждый бочонок с солониной, понюхал содержимое, а потом еще и покопался в каждом, чтобы не сомневаться, что тот до самого дна загружен тем, чем требуется. Он попробовал воду в каждой бочке и лично убедился, что запасенные пилеты свежие и без долгоносиков.

При длительном плавании капитан не смог бы все так проверить лично. Для перехода через океан требовались буквально тонны воды и пищи для пассажиров, а значительная часть мяса, загружаемого на борт, кудахта и мычала.

Но каперы путешествовали иначе. Их небольшие корабли были битком забиты людьми, а вот в том, что касается припасов, они шли налегке. Капер не ждал, что во время плавания он будет хорошо питаться. Иногда припасы вообще не загружались, и экипаж отправлялся в поход, рассчитывая разжиться съестным при налете на голюд или другой корабль.

Точно так же каперы и не вооружались до зубов. На «Кассандре», семидесятифутовом шлюпе, стояло четыре фальконета, орудия, крепящиеся на вертлюге. Размещались они по всей длине судна. Это было единственное вооружение «Кассандры», не способное тягаться с пятью, а то и шестью десятками пушек военного судна. Вместо этого каперы полагались на скорость, маневренность и малую осадку, чтобы обойти своих более опасных противников. Они могли идти круче к ветру, чем более крупные корабли, заходить в мелководные бухты и проливы, где крупное судно уже не способно было их преследовать.

В Карибском море, где повсюду невдалеке находился тот или иной остров с его коралловыми рифами и мелководьем, каперы чувствовали себя достаточно уверенно.

Хантер разбирался с погрузкой судна почти до рассвета. Время от времени, когда на пристани собирались

любопытствующие зеваки, он отряжал кого-нибудь разогнать их. Порт-Ройял кишел соглядателями. За своевременные вести о готовящемся налете власти испанских поселений платили не скупясь. В любом случае капитан не желал, чтобы кто-то видел, какие необычные припасы он берет на борт — все эти веревки, «кошки» и странные бутылки, которые Еврей рассовал в ящики. Они, в свою очередь, были упакованы в мешки из промасленной кожи и размещены в трюме, подальше от глаз команды. Это был, как объяснил Чарльз дону Диего, «наш маленький секрет».

Когда занялась заря, появился мистер Эндерс, все той же энергичный, подпрыгивающий на ходу, и сказал:

— Прошу прощения, капитан, но возле пакгауза чуть ли не всю ночь ошивался какой-то одноногий нищий.

Хантер посмотрел в сторону склада, темнеющего в рассветном сумраке. Пристани были не самым прибыльным местом для побирушки.

— Вы его знаете?

— Нет, капитан.

Хантер нахмурился. При других обстоятельствах он отправил бы этого типа к губернатору и попросил, чтобы нищего на несколько недель упекли в Маршаллси. Но в этот час сэр Джеймс еще спал и не обрадовался бы, если бы его побеспокоили.

— Басса!

Рядом с капитаном возникла могучая фигура Мавра,

— Видишь того нищего на деревянной ноге?

Немой кивнул.

— Убей его.

Басса ушел. Хантер повернулся к Эндерсу. Тот вздохнул.

— Полагаю, капитан, так будет в самый раз. Лучше начинать плавание с крови, чем заканчивать ею, — припомнил он старую поговорку.

— Боюсь, у нас ее будет предостаточно,— сказал Хантер и вернулся к прерванной работе.

Через полчаса «Кассандра» отплыла. Лазю стояла на палубе и высматривала в утренних сумерках мели на Пеликаньей косе. Хантер оглянулся на пристани и Порт-Ройял. Город безмятежно спал. Фонарщики гасили факелы на причале. Несколько доброжелателей, приходивших попрощаться, шагали прочь от пристаней.

Потом капитан увидел труп одноногого нищего, плавающий в воде лицом книзу. Прилив покачивал тело, и деревянная нога тихо постукивала о сваю.

Чарльз подумал, что это какое-то предзнаменование, но не смог решить, дурное оно или хорошее.

Глава 13

— «Перенял обычаи преступников и негодяев!» — в гневе произнес сэр Джеймс. — «Поддерживает... продолжение трусливых и кровопролитных налетов на испанские земли!» Боже милостивый! «Трусливых и кровопролитных». Да этот человек сумасшедший! «Дозволяет использовать Порт-Ройял в качестве места сбора для всех этих головорезов и подлецов... не соответствует своей высокой должности... прикрывает все пороки и моральное разложение...» Да чтоб ему пусто было!

Сэр Джеймс Элмонт, все еще облаченный в халат, взмахнул письмом.

— Я ему покажу преступников и негодяев! — прошипел он. — Когда он дал тебе это письмо?

— Вчера, ваше превосходительство, — отозвалась Энни Шарп. — Я подумала, ваше превосходительство, что вы захотите на него взглянуть.

— Это верно, — согласился Элмонт и вручил девушке монету за усердие. — Если такие письма появятся еще, то и награда тоже увеличится, Энни. — Губернатор подумал, что это вот дитя оказалось на редкость умным. — Он с тобой заигрывал?

— Нет, ваше превосходительство.

— Как я и думал, — сказал сэр Джеймс. — Ну что ж, мы изыщем способ пресечь интриги мистера Хэкетта раз и навсегда.

Губернатор подошел к окну спальни и выглянул на улицу. «Кассандра», освещенная лучами рассветного солнца, уже огибала Лайм-Кей, подняла грот и двинулась на посток, набирая скорость.

Подобно всем каперским судам, «Кассандра» зашла поначалу в небольшую бухту, именуемую Бычьей и расположенную в нескольких милях от Порт-Ройяла. Там мистер Эндерс лег в дрейф, и, пока паруса слегка полоскались под утренним бризом, капитан Хантер произнес речь.

Эти церемонии были известны всем, кто находился на борту. Во-первых, Хантер предложил избрать капитана и выдвинул свою кандидатуру. Согласный хор подтвердил ее. Затем он перешел к правилам, обязательным на время плавания. Никакой выпивки, блуда, грабежа без его приказа. Наказание за нарушение — смерть. Правила тоже были обычными, и люди приняли их без размышлений.

Далее Хантер изложил, как будет делиться добыча. Ему, капитану, причиталось тринадцать долей. Саснону — семь. Некоторые, заслышав эту цифру, заворчали. Мистеру Эндерсу — полторы. Лазю, как и Черному Глазу, предстояло получить по доле с четвертью. Все прочее поровну делилось между остальными членами команды.

Кто-то из экипажа подал голос:

— Капитан, вы ведете нас на Матансерос? Это опасно?

— Верно, — согласился Хантер. — Но добыча велика. Хватит каждому. Всякий, кто считает опасность чрезмерной, может сойти на берег здесь, в этом заливе, и я не стану меньше уважать его из-за этого. Но уйти можно только до того, как я сообщу, что там за сокровище.

Чарльз сделал паузу. Никто не шелохнулся и не произнес ни слова.

— Ладно, — продолжил он. — В гавани Матансероса стоит испанский нао с сокровищами. Мы собираемся захватить его.

Команда радостно взревела. Хантеру понадобилось несколько минут, чтобы заставить людей замолчать. Когда моряки снова уставились на него, капитан увидел в их глазах блеск, подогреваемый мечтами о золоте.

— Идете вы со мной?! — выкрикнул Хантер, и ответом ему был дружный рев. — Тогда на Матансерос!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧЕРНЫЙ КОРАБЛЬ

OFFICE OF THE

182

182

Глава 14

Со стороны «Кассандра» представляла собою приятное зрелище. Паруса ее туго надувал утренний бриз. Она шла, слегка накренившись, и с шипением испарывала ногтем прозрачную голубую воду.

Однако же на борту корабля было тесно и неудобно. Шестдесят воинственных мужчин, раздраженных и дурно пахнущих, теснились, воюя за местечко, где можно было бы посидеть, поиграть или поспать на солнышке. Они облегались прямо за борт, без всяких церемоний. Взгляду капитана часто представала занятная картина — полдюжины голых задниц, нависающих над планширом.

Пища людям не раздавалась, равно как и вода. В первый день вообще ничего не принято было выдавать. Команда, зная это, наелась и напилась до отвала в последний вечер в Порт-Ройяле.

(Останавливаться на отдых Хантер тоже не стал. Среди корсаров было принято вечером бросать якорь в какой-нибудь бухточке, чтобы дать команде возможность спать на берегу. Но в первую ночь капитан плыл без остановки. У него было две причины спешить. Во-первых, он боялся соглядатаев, которые могли отправиться на Матансерос и предупредить тамошний гарнизон. Во-вторых, Чарльз не хотел терять времени, потому что нао с сокровищами мог в любой момент покинуть гавань.

В конце второго дня они, держа курс по ветру, шли на северо-восток по опасному проходу между Эспаньолой и Кубой. Команда «Кассандры» хорошо знала этот район, потому что всего в дне плавания отсюда находилась Тортуга, давний пиратский оплот.

Так же прошел и третий день, а вечером Хантер встал на ночевку, чтобы дать отдохнуть уставшей команде. На следующий день должен был начаться длинный океанский переход мимо Инагуа, а оттуда — уже непосредственно на Матансерос. Впереди не оставалось мест для безопасной высадки на берег. За двадцатой широтой начинались опасные испанские воды.

Экипаж пребывал в хорошем настроении. Моряки расцелись вокруг костров, смеялись и перешучивались. За последние три дня всего одного человека обуяли видения чертей, ползающих по нему. Этим иногда сопровождалось отсутствие рома. Теперь он уже стал поспокойнее, прекратил трястись и вздрагивать.

Довольный Хантер сидел и смотрел в пламя костра. Откуда-то вынырнул Сансон и присел рядом.

- О чем задумались?
- Да так, ни о чем.
- Может, о Касалье?
- Нет.
- Я знаю, что он убил вашего брата, — сказал Сансон.
- Да, так и есть.
- И вас это не злит?

Хантер вздохнул.

- Уже нет.

Сансон посмотрел на капитана, на лице которого играли отсветы пламени.

- Какой смертью он умер?
- Это не важно, — ровным тоном произнес Чарльз.

Сансон немного помолчал, потом сказал:

- Я слышал, что Касалья захватил вашего брата вместе с торговым кораблем. Люди говорили, что Касалья

связал его, отрезал ему яйца и запихнул в глотку, так что он задохнулся и умер.

Хантер отозвался не сразу.

— Так говорят,— произнес он в конце концов.

— А вы в это верите?

— Да.

Сансон взглянул ему в лицо.

— Хитроумный англичанин. Где же ваш гнев, Хантер?

— На месте,— сказал капитан.

Сансон кивнул и встал.

— Когда найдете Касалью, убейте его быстро. Не позволяйте ненависти туманить вам разум.

— Мой разум не затуманен.

— Да, я вижу.

Сансон ушел, а Хантер еще долго сидел и смотрел на огонь.

Поутру они вошли в опасный Наветренный пролив между Кубой и Эспаньолой. Здесь были непредсказуемые течения и бурные воды, но «Кассандра» преодолела его лихо, показав отличное время. Где-то в ночи они прошли мимо западной оконечности Эспаньолы, оставив мыс Ле Моис по правому борту. На рассвете береговая линия разделилась, и впереди показался остров Тортуга.

«Кассандра» продолжала идти дальше.

Они находились в море уже четвертый день, но погода стояла хорошая, и море было спокойное, лишь с легкой рябью. Ближе к вечеру все увидели по левому борту остров Инагуа, а вскоре после этого Лазю углядела на горизонте, прямо по ходу, темную полосу — Каикские острова. Это было важно, поскольку к югу от них на несколько миль тянулась вероломная отмель.

Хантер приказал повернуть восточнее, в сторону островов Теркс, все еще остающихся невидимыми. Погода по-

прежнему держалась хорошая. Экипаж распевал песни и дремал на солнышке.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Лазю встряхнула сонную команду криком:

— Вижу парус!

Хантер вскочил на ноги, всмотрелся в горизонт, но ничего не увидел. Эндерс, мастер морского дела, поднес к глазам подзорную трубу.

— Чтоб я сдох,— заявил он и передал трубу Хантеру. — Они на траверзе.

Хантер посмотрел в окуляр. Сквозь изгибающуюся радугу и разноцветные круги он разглядел у самого горизонта белый прямоугольник. Прямо у него на глазах тот развернулся и превратился в два треугольника, перекрывающих друг друга.

— Что вы об этом скажете? — спросил Эндерс.

Хантер покачал головой.

— А вы как думаете?

С такого расстояния определить национальность приближающегося судна было невозможно, но здешние воды неоспоримо принадлежали Испании. Хантер оглядел горизонт. Инагуа остался далеко позади. До него было добрых пять часов ходу, но особой защиты остров все равно предоставить не мог. На севере манили к себе Каикские острова, но рулевому пришлось бы держать слишком круто к северо-восточному. На хорошую скорость нечего было и рассчитывать. На востоке располагался остров Гранд-Теркс, все еще невидимый. Именно с той стороны приближался парус.

Нужно было принимать решение, а все варианты выглядели не слишком радующими.

— Меняем курс,— приказал в конце концов Хантер. — Идем на Каикские острова.

Эндерс прикусил губу и кивнул.

— К повороту! — скомандовал он, и матросы кинулись к фалам.

«Кассандра» повернула на другой галс и двинулась на север.

— Так держать, — сказал Хантер, глядя на паруса. — Прибавьте ходу.

— Есть, капитан, — отозвался Эндерс.

Мастер-мореход недовольно нахмурился. У него действительно были на то причины, потому что паруса на горизонте были уже отчетливо видны невооруженным глазом. Чужой корабль нагонял их. Его брам-стенги уже поднялись над линией горизонта, и стали видны паруса на фок-мачте.

Капитан поднес к глазам подзорную трубу. Три мачты почти наверняка означали, что перед ними чей-то военный корабль.

— Черт поberi!

На глазах у Хантера три паруса слились в один квадратный, потом снова разделились.

— Они свернули в нашу сторону, — заявил он. — Рано или поздно этот корабль нас нагонит.

Эндерс крепко сжал румпель и нервно пристукнул ногой.

— Капитан, на этом галсе нам от них не уйти.

Как и на любом другом, — мрачно отозвался Хантер. — Молитесь о штиле.

Преследователь уже был менее чем в пяти милях от них. При ровном ветре он неизбежно должен был нагнать «Кассандру». Корсарам оставалось надеяться лишь на то, что ветер может стихнуть. Тогда шлюп, куда более легкий, мог бы оторваться от преследования.

Иногда случалось, что на закате наступал штиль, но обычно в это время ветер усиливался. Вскоре Хантер почувствовал, что дуновение, касающееся его щек, посвежело.

— Не везет нам сегодня, — заметил Эндерс.

Теперь им уже были видны паруса на грот-мачте преследующего их судна, розовые в закатном свете и туго натянутые крепчающим ветром.

До Каикских островов, а с ними и до безопасного убежища было все еще далеко.

— Капитан, может, нам развернуться да пуститься наутек? — спросил Эндерс.

Хантер покачал головой. По ветру «Кассандра» пошла бы быстрее, но все равно это лишь отсрочило бы неизбежный конец. Ничего нельзя было сделать. Хантер в бессильной ярости стиснул кулаки, глядя, как увеличиваются паруса чужого корабля. Им уже стал виден край его корпуса.

— Корабль линейный, это точно, — сказал Эндерс. — Но нос я никак не разгляжу.

Очертания носа позволяли почти наверняка определить национальность судна. У испанских судов они были более притупленными, чем у английских или голландских.

Тут к румпелю подошел Сансон.

— Вы собираетесь драться? — поинтересовался он.

Вместо ответа Хантер просто указал на чужой корабль. Очертания корпуса уже ясно виднелись над линией горизонта. Преследователь имел больше ста тридцати футов в длину и две батарейные палубы. Орудийные порты были уже открыты, оттуда торчали тупые рыла пушек. Хантер даже не стал трудиться считать их. По правому, повернутому к нему борту их было самое меньшее двадцать, а то и все тридцать.

— На мой взгляд, корабль испанский, — заявил Сансон.

— На мой тоже, — согласился Хантер.

— Вы будете драться?

— Чем? — поинтересовался Хантер.

Стоило ему произнести эти слова, как чужой корабль лег на другой галс и дал первый залп по «Кассандре». Расстояние все еще было слишком велико. Ядро с плеском упало вдали от левого борта, не причинив никакого вреда. Но предупреждение оказалось совершенно недвусмысленным.

ленным. Еще тысяча ярдов, и военный корабль окажется на дистанции обстрела.

Хантер вздохнул.

- Спустить паруса,— спокойным тоном приказал он.
- Простите, капитан? — переспросил Эндерс.
- Я сказал — спустить паруса. Мы ложимся в дрейф.
- Есть, капитан,— отозвался Эндерс.

Сансон сверкнул глазами на Хантера и с топаньем удалился. Тот не обратил на его уход никакого внимания. Он смотрел, как его маленький шлюп разворачивался по ветру. Паруса шумно заполоскали, судно остановилось. Экипаж столпился по левому борту, глядя на приближающийся военный корабль. Его корпус был полностью черным, и лишь на корме сверкало позолотой украшение, львы, оставшиеся на дыбы,— герб Филиппа.

Мы можем устроить недурное представление, когда они подойдут, чтобы захватить нас,— вымолвил Эндерс.— Вы только скажите, капитан.

- Нет,— отозвался Хантер.

На корабле такого размера может оказаться самое меньшее две сотни матросов плюс столько же вооруженных солдат на палубе. Шестьдесят человек на шлюпе против четырех сотен на куда более крупном судне? Стоит оказать хоть малейшее сопротивление, военный корабль просто отойдет и примется палить по «Кассандре», пока не поглотит ее.

Лучше умереть с палашом в руках, чем с папистской поревкой на шее. Не хочу жариться на костре у чертовых дюнов! — заявил Эндерс.

- Мы подождем,— отозвался Хантер.
- Чего?

Капитан не ответил. Он смотрел на испанский корабль. Тот подошел уже настолько близко, что тень от грота «Кассандры» упала ему на борт. В сгущающейся темноте звучали отрывистые команды на испанском.

Хантер взглянул на свой корабль. Сансон торопливо заряжал пистолеты и засовывал их за пояс.

Чарльз подошел к нему.

— Я собираюсь драться! — заявил тот. — Хотите сдавайтесь, как пугливые бабы, а я буду драться!

Внезапно Хантера озарило.

— Тогда сделайте вот что. — Он шепотом изложил Сансону на ухо свою идею.

Через мгновение француз крадущейся походкой двинулся прочь.

Испанцы продолжали вопить. На «Кассандру» полетели веревки. На верхней палубе военного корабля встал плотный строй солдат с мушкетами. Первый испанец вскарабкался на палубу «Кассандры». Хантера с его людьми подталкивая мушкетами, одного за другим погнали по веревочной лестнице на вражеское судно.

Глава 15

После стольких дней на битком набитой «Кассандре» военное судно казалось пленникам огромным. Верхняя палуба, раскинувшаяся перед ними, была бескрайней, словно равнина. Солдаты согнали каперов к грот-мачте. Тот самый экипаж, из-за которого шлюп был переполнен, выглядел здесь малочисленным и ничтожным. Хантер хорошо видел своих людей. Они отводили взгляды и старались не смотреть ему в глаза. На их лицах читались страх, бессилие и разочарование.

Высоко над головами полоскались на ветру огромные паруса.

Шум стоял такой, что смуглому испанскому офицеру, стоящему против Хантера, приходилось кричать, чтобы быть услышанным.

— Это вы есть капитан? — проорал испанец.

Тот кивнул.

— Как вы себя звать?

— Хантер! — крикнул он в ответ.

— Англичанин?

— Да!

— Вы идет наш капитан, — заявил испанец, и двое вооруженных солдат погнались Хантера вниз.

Судя по всему, его повели к капитану испанского судна. Хантер оглянулся и бросил последний взгляд на своих несчастных людей. Им уже связали руки за спиной. Команда военного корабля свое дело знала.

Спотыкаясь, Хантер спустился по узкой лестнице на батарейную палубу. Он успел заметить длинный ряд пушек и стоящие наготове артиллерийские расчеты, а потом его грубо пихнули в сторону кормы. В открытые оружейные порты, мимо которых шел Хантер, был виден его маленький шлюп, борт о борт принайтовленный к военному кораблю. На палубе «Кассандры» кишели испанские солдаты, а матросы из призовой команды разбирались с такелажем, собираясь поднять паруса.

Но мешкать у орудийного порта Хантеру не позволили. Тычок мушкетом в спину послал его вперед. Они подошли к двери, у которой стояли на страже два охранника зловещего вида, вооруженные до зубов. Капитан обратил внимание, что эти стражи были не в мундирах, зато напускали на себя вид особого превосходства. На пленника они посмотрели с жалостливым презрением. Один из них постучался и быстро произнес несколько слов по-испански. В ответ донеслось неразборчивое ворчание.

Стражники втокнули Хантера внутрь. Один зашел следом за ним и закрыл за собой дверь.

Капитанская каюта была необыкновенно большой и пышно обставленной. Повсюду красовались свидетельства простора и роскоши. Здесь был обеденный стол с красивой льняной скатертью, на нем — золотые тарелки, расставленные для вечерней трапезы при свечах. Еще удобная кровать под парчовым покрывалом с золотыми кружевами. В углу, над пушкой, высывающейся в открытый орудийный порт, висел красочный холст с изображением распятого Христа. В другом углу была закреплена лампа, заливавшая каюту теплым золотистым светом.

В дальней части каюты находился еще один стол, заваленный картами. За ним, в кресле, обитом красным бархатом, расположился сам капитан.

Он сидел спиной к Хантеру и наливал себе вина из граненого хрустального графина. Отсюда пленник заметил

лишь то, что капитан оказался здоровяком. Спина у него была широкой, как у быка.

— Ну что ж,— произнес капитан на безупречном английском.— Не согласитесь ли вы выпить со мной бокал этого прекрасного кларета?

Прежде чем Хантер успел ответить, испанец повернулся. Взгляду Чарльза предстало лицо с крупными чертами, внушительным носом, черной бородой и недобрыми пристальными глазами.

У пленника невольно вырвалось:

— Касалья!

Испанец от души расхохотался.

— А вы кого ожидали увидеть — короля Карла?

Хантер лишился дара речи. Он смутно осознавал, что шевелит губами, но с них не слетало ни звука. При этом разум его заполонило множество вопросов. Почему Касалья здесь, а не в Матансеросе? Означает ли это, что галсион ушел? Или испанец оставил крепость на какого-то толкового заместителя?

Быть может, он получил приказ от вышестоящего начальства? Ведь его корабль вполне мог идти в Гавану.

В то же самое время, когда рассудок его затопили все эти вопросы, все существо Хантера захлестнул леденящий страх. Его едва хватило на то, чтобы не дрожать всем телом, глядя на Касалью.

— Англичанин, твое беспокойство мне льстит,— заявил испанец.— Но мне как-то неловко, что я, в свою очередь, не знаю твоего имени. Присаживайся и будь как дома.

Хантер не шелохнулся. Солдат грубо толкнул его в кресло, стоящее напротив Касальи.

— Вот так будет лучше,— сказал хозяин каюты.— Ну так как, теперь ты выпьешь кларета?

Он протянул Хантеру бокал.

Тот взял его, невероятным усилием воли заставив руки не дрожать, но пить не стал, а сразу же поставил вино на стол.

Касалья улыбнулся.

— Твое здоровье, англичанин,— произнес он и сделал глоток.— Надо же мне выпить за это, пока еще есть смысл. Ну так как, ты не составишь мне компанию? Нет? Давай, англичанин. Даже у его превосходительства командующего гарнизоном Гаваны не найдется такого хорошего кларета. Это французское вино, называется «о-брион».— Он на миг умолк.— Пей.

Хантер взял бокал и отпил немного. Он словно был загипнотизирован или впал в транс. Но вкус кларета разрушил колдовство. Обычное движение — поднести бокал к губам и сделать глоток — помогло Хантеру прийти в себя. Потрясение развеялось, и пленник принялся осознавать множество мелких деталей. Он услышал дыхание солдата, торчащего за ним, и подумал, что тот, пожалуй, стоит в двух шагах, заметил неровные края бороды Касальи и решил, что тот, вероятно, уже несколько дней в море.

Чарльз почувствовал запах чеснока, исходящий от Касальи, когда тот подался вперед и спросил:

— Итак, англичанин, как твое имя?

— Чарльз Хантер,— ответил тот куда более твердым и уверенным тоном, чем смел надеяться.

— Что, правда? Тогда я о тебе слышал. Ты тот самый Хантер, который сезон назад захватил «Консепсьон»?

— Да,— ответил пленник.

— Возглавил налет на Монте-Кристо на Эспаньоле и содрал выкуп с Рамоны, хозяйина плантации?

— Да.

— Свинья этот Рамона. Тебе так не показалось? — Касалья рассмеялся.— И ты тот самый Хантер, который захватил невольничье судно де Рюйтера, когда оно стояло на якоре в Гваделупе, и удрал со всем его грузом?

— Да.

— Тогда я просто счастлив с тобою познакомиться англичанин. Ты знаешь свою цену? Нет? Так вот, она повышалась с каждым годом и, возможно, поднялась еще

Когда я об этом слышал в последний раз, король Филипп предлагал за тебя двести золотых дублонов и еще восемьсот за твою команду — любому, кто сумеет вас схватить. Возможно, сейчас цена уже выше. Указы меняются, за всем не уследишь. Раньше мы отсылали пиратов в Севилью, чтобы инквизиция могла побудить вас раскаяться в своих грехах и ереси одним махом. Но это так утомительно! Теперь мы отправляем туда только головы и бережем место в трюмах для более прибыльных товаров.

Хантер ничего на это не ответил.

— Возможно, ты думаешь, что двести дублонов — слишком скромная сумма. Легко можно догадаться, что в данный момент я с тобою согласен, — продолжал Касалья. — Но ты можешь наслаждаться тем, что оказался самым высоко оцененным пиратом в этих водах. Ты доволен?

— Видимо, я должен быть польщен? — отозвался Хантер.

Касалья улыбнулся.

— Я вижу, ты прирожденный джентльмен, — заявил он. — Хочу заверить, что тебя повесят со всем почтением, причитающимся джентльмену. Даю слово.

Хантер, не вставая, слегка поклонился. Касалья перенулся через стол и взял небольшую стеклянную чашу с плотно прилегающей крышкой. В ней лежали широкие жевательные листья. Касалья достал один и принялся задумчиво его жевать.

— Что смотришь так озадаченно, англичанин? Не видел такого? Индейцы Новой Испании называют эти листья кокой. Они растут на высокогорье, придают энергии и сил. А женщинам обещают большую страсть, — добавил он и хохотнул. — Хочешь попробовать? Нет? Я смотрю, ты не рвешься воспользоваться моим гостеприимством, англичанин.

Несколько мгновений испанец молча жевал лист, глядя на Хантера, потом спросил:

— Мы не встречались прежде?

— Нет.

— Твое лицо мне кажется странно знакомым. Может, мы виделись раньше, когда ты был помоложе?

У Хантера сильно забилося сердце.

— Не думаю.

— Наверняка ты прав,— сказал Касалья и задумчиво взглянул на картину, висящую на дальней стене.— Для меня все англичане на одно лицо. Я их не различаю.— Он снова перевел взгляд на Хантера.— И все же ты меня узнал. Откуда бы?

— Твой вид и манеры хорошо известны в английских колониях.

Касалья прожевал вместе со своими листьями кусочек лайма, улыбнулся, потом хохотнул и заявил:

— Несомненно. Так оно и есть.

Внезапно он резко развернулся в кресле и с силой хлопнул по столу.

— Довольно! Нам есть что обсудить. Как называется твой корабль?

— «Кассандра»,— отозвался Хантер.

— Кто хозяин?

— Я и владелец, и капитан.

— Откуда вы вышли в море?

— Из Порт-Ройяла.

— И что вас побудило отправиться в путешествие?

Хантер замаялся. Если бы он мог придумать правдоподобную причину, то немедленно изложил бы ее. Но объяснить присутствие их корабля в здешних водах было нелегко.

В конце концов пленник сказал:

— Нам сообщили, что в этих водах можно будет найти невольничье судно, идущее из Гвинеи.

Касалья снова хохотнул и покачал головой:

— Англичанин, англичанин...

Хантер старательно изобразил печальное раздумье, потом произнес:

— Мы шли на Августин.

Этот город был самым многолюдным в испанской колонии Флорида. Особым богатством он не славился, но решение английских каперов напасть на него было по меньшей мере понятно.

— Вы выбрали странный, не самый быстрый путь.— Касалья побарабанил пальцами по столу.— Почему вы не обогнули Кубу с запада, по Багамскому проливу?

Хантер пожал плечами.

— У нас были основания полагать, что там будут испанские военные суда.

— А здесь — нет?

— Здесь риск был меньше.

Касалья надолго задумался, шумно пожевал лист и глотнул вина.

— В Августине можно найти только болота и змей,— сказал он.— Рисковать и идти Наветренным проливом нет никакого смысла. А в такой близости...— Касалья пожал плечами.— Все окрестные поселения слишком хорошо защищены для вашего суденышка и его жалкой команды.— Он нахмурился.— Англичанин, почему ты здесь оказался?

— Я говорю правду,— уперся Хантер.— Мы шли на Августин.

— Эта правда меня не удовлетворяет,— произнес Касалья.

Тут раздался стук в дверь. Какой-то матрос просунул голову в каюту и быстро произнес что-то по-испански.

Хантер испанского не знал, но немного владел французским. Благодаря своим познаниям он сумел кое-что разобрать. Матрос сообщил своему капитану о том, что шлюп укомплектован призовой командой и готов поднять паруса.

Касалья кивнул и встал.

— Мы следуем дальше,— произнес он.— Ты пойдешь со мной на палубу. Возможно, среди твоей команды найдутся такие люди, которые не разделяют твоего нежелания говорить.

Глава 16

Связанных каперов выстроили в две неровные шеренги. Перед ними расхаживал взад-вперед Касалья. В одной руке у него был нож. Он повернул лезвие плашмя и хлопывал им по другой ладони. На мгновение воцарилась полнейшая тишина. Слышно было лишь ритмичное постукивание стали.

Хантер смотрел в сторону, на такелаж военного корабля. Тот шел на восток, возможно в Ястребиное Гнездо, якорную стоянку с южной стороны острова Гранд-Теркс. В сумерках пленник видел «Кассандру», идущую тем же курсом невядалеке от большого судна.

Касалья оторвал его от размышлений.

— Ваш капитан не говорит мне, куда вы шли, — громко заявил испанец. — Мол, вашей целью был Августин, — с сарказмом добавил он. — Надо же! Ребенок и то соврал бы убедительнее! Но я вам говорю, что узнаю, куда и зачем вы шли. Кто из вас выйдет и скажет это мне?

Касалья взглянул на каперов, выстроенных в шеренги. Те смотрели на него с непроницаемым видом.

— Что, вас надо подбодрить? Да? — Касалья шагнул к одному из матросов. — Ты! Говорить будешь?

Матрос не шелохнулся, не произнес ни слова и даже не моргнул. Через мгновение Касалья снова принялся расхаживать взад-вперед.

— Ваше молчание ничего не значит,— заявил он.— Вы все, еретики и разбойники, в свое время будете болтаться в петле. До этого момента каждый может жить с удобством, а может, и нет. Каждый, кто заговорит, доживет до назначенного дня безбедно — ручаюсь своим словом.

Но никто так и не шелохнулся.

Касалья остановился.

— Глупцы. Вы недооцениваете мою решимость.

Теперь испанец стоял перед Тренчером, одним из членов экипажа «Кассандры», по которому сразу было видно, что он здесь самый младший. Юнца била дрожь, но голову он держал высоко поднятой.

— Парень,— произнес Касалья, смягчив голос,— ты не из этих бандитов. Давай скажи мне, куда вы направлялись.

Тренчер открыл было рот и снова закрыл. У него дрожали губы.

— Говори,— негромко произнес Касалья.— Ну же, быстрее!..

Но момент миновал. Тренчер сжал губы.

Касалья несколько мгновений смотрел на него, а потом одним быстрым взмахом перерезал парню горло. Это произошло так быстро, что Хантер едва успел заметить само движение. Кровь алым полотнищем хлестнула на рубашку парня. Глаза Тренчера расширились от ужаса. Он медленно качнул головой, не веря в происходящее, опел на колени и застыл так на мгновение, склонив голову и глядя на собственную кровь, что капала на доски палубы и носки туфель Касальи.

Испанец выругался и отступил.

Казалось, будто Тренчер простоял на коленях целую вечность. Потом парень поднял голову и несколько мучительных мгновений смотрел в лицо Хантера. Взгляд его был полон мольбы, замешательства и страха. Потом

глаза парня закатились. Он рухнул ничком на палубу, и тело содрогнулось в конвульсии.

Моряки смотрели, как умирает Тренчер, но никто не шелохнулся. Парень извивался, его башмаки скребли по доскам палубы. Кровь собралась в лужу у лица. В конце концов он затих.

Касалья неотрывно наблюдал за предсмертной агонией. Теперь же он шагнул вперед, поставил ногу на шею умершего и с силой надавил. Послышался треск ломающихся костей.

Испанец оглядел две шеренги каперов и заявил:

— Я узнаю правду. Клянусь, так оно и будет.

Он развернулся к своему первому помощнику.

— Отведи их вниз и запри! — скомандовал испанец, потом кивком указал на Хантера: — Этого отправь с ними.

Он размашистой походкой направился к кормовой надстройке. Хантера связали и тоже погнали вниз.

Испанский линейный корабль имел пять палуб. Верхние две были батарейными. Часть команды спала прямо там, в гамаках, натянутых между пушками. На следующей квартировали солдаты. Четвертая палуба была отведена под хранение ядер, такелажа, инструментов и запасов провианта. Здесь же держали живой скот. Пятую, самую нижнюю палубу вообще трудно было назвать таковой. Расстояние от пола до потолка, лежащего на массивных балках, составляло всего четыре фута. Поскольку эта палуба находилась ниже ватерлинии, вентиляции здесь не было никакой. В затхлом воздухе стоял запах фекалий и трюмной воды.

Сюда и поместили экипаж «Кассандры». Всех заставили сесть на грубо обтесанные доски, на некотором расстоянии друг от друга. По углам была расставлена охрана, двадцать солдат. Время от времени кто-нибудь из них с фонарем в руках обходил помещение и проверял, хорошо ли связаны пленники, не ослабели ли веревки.

Разговаривать каперам не позволяли, равно как и спать. Любого, кто пытался шептаться или задремывал, солдаты пинали. Шевелиться пленным тоже не разрешали. Если кому-то требовалось облегчиться, он вынужден был ходить под себя. В тесном непроветриваемом помещении, куда загнали шестьдесят пленных и двадцать солдат, вскоре воцарились духота, жара и зловоние. Даже охранники обливались потом.

Ничто не позволяло отследить ход времени. Единственными звуками, доносящимися сюда, было топание скакалки палубой выше да бесконечное, монотонное журчание воды. Испанский корабль шел своим курсом.

Хантер сидел в углу, пытаясь сосредоточиться на шуме воды и ожидая, когда тот прекратится. Он старался отрезвиться от безнадежности своего положения. Капитан и его команда были похоронены глубоко в недрах мощного военного корабля, окружены сотнями вражеских солдат и полностью находились в их власти. Если Касалья не остановится, то они обречены. Хантеру оставалось надеяться лишь на то, что испанский корабль встанет на носовую

Время шло. Хантер ждал.

Постепенно он осознал, что журчание воды и скрип такелажа стали звучать по-иному. Хантер выпрямился, внимательно прислушиваясь. Сомнений быть не могло. Судно сбросило скорость.

Солдаты, сбившиеся в кучу и негромко переговаривавшиеся, тоже это заметили и принялись обсуждать между собой. Через несколько мгновений шум воды окончательно стих, и Хантер услышал дребезжание высвобожденной якорной цепи. За ним последовал громкий плеск. Чарльз мысленно сделал пометку, что их разместили где-то возле носа судна. Иначе этот звук не прозвучал бы настолько отчетливо.

Прошло еще некоторое время. Корабль тихонько покачивался, стоя на якоре. Должно быть, они находились в

какой-то небольшой бухте, раз море здесь было настолько спокойным. Однако же осадка у судна была глубокая. Касалья не повел бы его на ночевку ни в какую бухту, если бы не знал этого места хорошо.

Хантеру хотелось знать, где они сейчас. Он надеялся, что возле острова Гранд-Теркс. Там было несколько подветренных бухт, достаточно глубоких для корабля таких габаритов.

Покачивание судна на якоре действовало на пленника успокаивающе. Хантер не раз ловил себя на том, что начинает задремывать. Солдаты неустанно пинали моряков, не давая им спать. В полутьме тесного трюма то и дело раздавались ворчание и стоны тех, кто получил такое угощение.

Хантер думал о своем плане. Что сейчас происходит?

Еще через некоторое время вниз спустился испанский солдат и прорычал:

— Всем встать! Приказ Касальи! Быстро все встали!

Моряки, подгоняемые пинками, один за другим поднимались на ноги. Из-за низкого потолка им приходилось стоять согнувшись, что было мучительно неудобно.

Прошло еще некоторое время. Стража сменилась. Новые солдаты, войдя, принялись зажимать носы и отпускать шуточки насчет здешней вони. Хантер посмотрел на них даже с каким-то удивлением. Он давно уже перестал замечать всякий запах.

Новые стражники оказались помоложе и относились к своим обязанностям небрежнее. Судя по всему, испанцы были убеждены в том, что пираты не в состоянии устроить им никаких неприятностей. Новая смена охраны быстро уселась играть в карты. Хантер на них не смотрел. Он наблюдал за каплями собственного пота, падающими на пол, думал о несчастном Тренчере, но не мог пробудить в своей душе ни гнева, ни негодования, ни даже страха. У него все внутри оцепенело.

В трюм вошел еще один испанец. Он, похоже, был из офицеров, и ему явно не понравилось подобное послабление дисциплины. Этот тип рыкнул, и охранники поспешно отложили карты.

Офицер обошел трюм, вглядываясь в лица каперов. В конце концов он выбрал одного и забрал с собой. Услышав приказ выходить, тот попытался сделать шаг, но занемевшие ноги отказались повиноваться, и он рухнул. Солдаты подобрали его и выволокли из трюма.

Дверь закрылась. Стражники некоторое время — не долго, впрочем, — изображали бдительность, потом снова расслабились, но в карты играть уже не стали. Двое из них решили устроить состязание — кто сумеет дальше пустить струю. Мишенью они выбрали одного капера, сидящего в дальнем углу. Остальные стражники сочли эту игру отличной потехой. Они хохотали и делали вид, будто ставят на исход состязания огромные суммы.

Хантер смутно осознавал происходящее. Он очень устал, ноги словно жгло огнем, спина мучительно болела. Он даже начал недоумевать насчет того, отчего отказался назвать Касалье цель их путешествия. Сейчас это казалось ему бессмысленным жестом.

Но тут размышления пленника прервало появление еще одного офицера, рывкнувшего:

– Капитан Хантер!

И его вывели из трюма.

Когда пленника, то и дело подталкивая, вели через палубы, заполненные спящими моряками, которые показывались в своих гамаках, Хантер отчетливо расслышал странный и печальный звук, доносящийся откуда-то из недр корабля.

Где-то плакала женщина.

Глава 17

Поразмыслить над значением этого странного звука у Хантера возможности не было, поскольку его поспешно выпихнули на верхнюю палубу. Там, под звездами и зарифленными парусами, он заметил, что луна висит уже над горизонтом, а значит, до рассвета осталось не более нескольких часов.

Его пронзило отчаяние.

— Англичанин! А ну иди сюда!

Хантер огляделся и увидел Касалью. Испанец стоял возле грот-мачты, окруженный кольцом факелов. У его ног лежал капер, которого увели из трюма чуть раньше Хантера. Несчастный был распялен и крепко привязан к палубе. Вокруг него стояли испанские солдаты, скалясь во все зубы.

Сам Касалья, похоже, был сильно возбужден, дышал часто и неглубоко. Хантер заметил, что испанец снова жует листья коки.

— Англичанин, англичанин, — быстро произнес Касалья. — Ты как раз вовремя. Мы тут собрались немного позабавиться. Ты знаешь, что мы обыскали твой корабль? Нет? Ну так мы это сделали и нашли множество интересных вещей.

«Господи, — только и смог подумать Хантер. — Нет!..»

— У тебя много веревок, англичанин, занятные складывающиеся «кошки», какие-то странные штуки из па-

русины. Мы так и не поняли, для чего они. Но больше всего, англичанин, мы не поняли вот этого.

У Хантера заколотилось сердце. Если они нашли гриппос, то все кончено. Но Касалья поднял клетку, по которой метались и нервно пищали четыре крысы.

— Можешь ты себе представить, англичанин, до чего мы изумились, обнаружив, что ты везешь на своем корабле крыс? «Зачем это надо?» — спросили мы себя. Чего ради англичанину везти этих тварей в Августин? Там есть свои крысы, флоридские, просто отличные. Верно? И мне стало очень интересно. Как же это объясняется?

Хантер увидел, что один из солдат склонился над пленником, привязанным к палубе. Сперва ему не видно было, что же там творится. Потом капитан разглядел, что лицо моряка было чем-то намазано, и понял, что испанцы натерли его лицо сыром.

— Итак, — заявил Касалья, помахивая клеткой. — Я вижу, ты плохо обращаешься со своими друзьями, крысами. Они голодны, англичанин. Зверушки хотят есть. Видишь, как они волнуются? Эти милашки учуяли запах еды. Из-за нее они так взволнованы. Думаю, мы должны их покормить. Верно?

Касалья поднес клетку почти к самому лицу моряка. Крысы принялись кидаться на прутья, пытаясь добрат-ся до источника соблазнительного запаха.

— Ты понял, что я имею в виду, англичанин? Твои крысы очень голодны. Как ты думаешь, стоит нам их покормить?

Хантер посмотрел на крыс, потом на перепуганное лицо привязанного моряка.

— Может быть, этот твой друг станет говорить? — поинтересовался Касалья.

Моряк не мог оторвать взгляда от крыс.

— Или, может, англичанин, ты сам все скажешь вместо него?

— Нет, — устало произнес Хантер.

Касалья наклонился над моряком и постучал его по груди.

— А ты? Ты будешь говорить?

Второй рукой испанец прикоснулся к задвижке на дверце клетки. Моряк уставился на нее. Он смотрел, как Касалья медленно, дюйм за дюймом, отодвигал защелку. В конце концов она оказалась убрана. Касалья лишь придерживал дверь пальцем.

— Твой последний шанс, мой друг.

— Нон! — пронзительно завизжал моряк. — Же парль! Же парль!

— Отлично, — отозвался Касалья, тут же перейдя на французский.

— Матансерос! — выдохнул моряк.

Касалья побагровел от гнева.

— Матансерос?! Идиот! Ты что, и вправду ждешь, что я тебе поверю?! Напасть на Матансерос?!

Внезапно он отпустил дверцу клетки.

Моряк закричал, пронзительно и страшно. Крысы прыгали ему на лицо. Он пытался трясти головой, но четыре мохнатые твари впились ему в щеки, подбородок и кожу черепа. Крысы пищали, словно бы переговариваясь. Одна отлетела было в сторону, но тут же вскарабкалась по тяжело вздымающейся груди и впилась в щеку бедняги. Моряк кричал, задыхаясь от ужаса. Этот монотонный звук повторялся раз за разом. В конце концов несчастный впал в шоковое состояние и остался лежать недвижно, пока крысы, попискивая, жрали его лицо.

Касалья встал.

— Почему вы все считаете меня таким глупцом? — спросил он. — Клянусь тебе, англичанин, я узнаю, куда вы шли!

Он повернулся к стражникам.

— Отведите его вниз.

Хантера погнали прочь с палубы. Когда его вели вниз по узкому трапу, он успел заметить «Кассандру». Шлюп стоял на якоре в нескольких ярдах от военного корабля.

Глава 18

Шлюп «Кассандра» был, по сути, совсем небольшим судном с единственной верхней палубой, открытой всем стихиям, и небольшими отсеками для хранения грузов, протянувшимися от носа до кормы. После захвата солдатами и призовая команда обыскали эти отсеки. Они нашли боевые припасы и особые приспособления, которые так озадачили Касалью.

Солдаты, наводнившие шлюп, обшарили его с величайшей тщательностью. Они даже заглянули в кормовой люк и носовой люки, ведущие к кильсону*. Испанцы повесили туда фонарями, увидели воду, доходящую почти до самой палубы, и позвонили насчет лени пиратов, которые даже собственный трюм осушить не могут.

Когда «Кассандра» зашла в бухту и встала на якорь в тени военного корабля, призовая команда — десять матросов — несколько часов пила и хохотала при свете факелов. Наконец, в ранний предрассветный час, они уснули, устроившись прямо на одеялах, расстеленных на палубе, ибо ночной воздух был теплым. Сон их оказался тяжелым из-за выпитого рома. Невзирая на полученный приказ,

* Кильсон — брус, накладываемый поверх киля, обеспечивающий общую продольную прочность деревянных судов и связь между шпангоутами.

часового испанцы не поставили, сочтя, что военный корабль, расположенный рядом, уже сам по себе — достаточная защита.

Поэтому ни один из испанских моряков, лежащих на палубе, не услышал негромкого бульканья в трюмном отсеке и не увидел, как из маслянистой, зловонной воды выбрался какой-то человек, державший во рту стебель тростника.

Сансон, дрожащий от холода, просидел все это время рядом с мешком из промасленной кожи, в котором лежали драгоценные гранадос. Ни его, ни мешок никто не заметил. Теперь же он едва сумел высунуть голову из воды и тут же стукнулся макушкой о доски палубы. В трюме было темно, хоть глаз выколи, и совершенно невозможно сориентироваться. Сансон прижался спиной к корпусу и по его изгибу решил, что находится у левого борта. Он медленно, тихо двинулся к осевой линии. Потом француз беспрдельно осторожно принялся пробираться к носу. Он крался, пока не ударился легонько головой о прямоугольное углубление, обратную сторону кормового люка. Подняв голову, Сансон увидел свет, пробивавшийся сквозь щели между досками крышки. В небе горели звезды. Не слышно было ни звука, кроме храпа моряков.

Сансон задержал дыхание и на несколько дюймов приподнял крышку люка. Стала видна палуба. Сансон обнаружил, что смотрит прямо в лицо какому-то моряку, спящему в каком-нибудь футе от него. Испанец громко храпел.

Сансон опустил крышку и двинулся через трюм. Ему потребовалась почти четверть часа, чтобы, лежа на спине и цепляясь о доски палубы, одолеть пятьдесят футов отделяющих носовой люк «Кассандры» от кормового. Он поднял крышку кормового люка и снова огляделся. В пределах десяти футов никого не было.

Сансон медленно, осторожно снял крышку люка, положил ее на палубу, выбрался из воды и встал, дыша све-

жим ночным воздухом. Он промок насквозь. Бриз был холодным, но Сансон не обращал на это ни малейшего внимания. Ум его был занят лишь одним — призовой командой, спящей на палубе.

Француз насчитал десять человек. Он решил, что так примерно и должно было быть. «Кассандрой» могли бы управлять три человека, хотя и с трудом, а пятеро делали бы это с легкостью. Так что десять — более чем достаточно.

Сансон изучил расположение людей на палубе, прикидывая, в какой очередности заняться ими. Убить человека тихо нетрудно, но прикончить его совершенно бесшумно — это уже не так просто. Из этих десяти важнее всего первые четыре-пять. Если хоть кто-то из них зашумит, то остальные поднимут всеобщую тревогу.

Сансон развязал тонкую веревку, служившую ему поясом, скрутил ее, намотал на кулаки и с силой дернул. Француз удостоверился в том, что она достаточно крепкая, подобрал кофель-нагель*, валявшийся на палубе, и двинулся вперед.

Первый солдат не храпел. Сансон приподнял его так, чтобы тот сел. Испанец сонно заворчал, но тут же получил кофель-нагелем по голове. Удар был свирепый, но шума не наделал. Послышался лишь глухой стук. Сансон пустил моряка обратно на палубу.

Он в темноте ощупал голову испанца. В черепе появилась глубокая вмятина. Возможно, удар убил этого человека, но Сансон предпочитал не рисковать. Он обмотал веревку вокруг шеи моряка и затянул ее. Вторую ладонь француз положил на грудь бедолаги, слушая сердце. Через минуту биение стихло.

* Кофель-нагель — деревянный или металлический стержень с ручкой на верхнем конце, вставляемый в гнездо кофель-планки для закрывания на него снастей бегучего такелажа.

Сансон, скользя над палубой словно тень, перешел к следующему и повторил процедуру. Ему потребовалось не более десяти минут, чтобы перебить всех испанцев, оказавшихся на шлюпе. Он оставил их лежать на палубе в позах спящих.

Последним умер часовой, в пьяном оцепенении навалившийся на румпель. Сансон перерезал ему горло и столкнул за борт. Тот свалился в воду с негромким всплеском, но караульный на палубе военного корабля услышал этот звук.

Он перегнулся через борт, посмотрел на шлюп и окликнул:

— Квеста ста бене?

Сансон, занявший место часового на носу, помахал караульному. Он был мокрым насквозь, и вообще не в мундире, но знал, что в такой темноте с военного корабля никто ничего толком не разглядит.

— Ста бене,— сонным голосом ответил француз.

— Бассера,— бросил караульный и отвернулся.

Сансон подождал минутку, потом переключил внимание на линейный корабль. Тот стоял в нескольких сотнях ярдов от шлюпа — достаточно для того, чтобы, поворачиваясь на якоре под воздействием ветра или прилива, не разнести борт «Кассандры». Сансон, к своему удовольствию, заметил, что испанцы не потрудились задрать оружейные порты. Те так и остались открытыми.

Он скользнул за борт и быстро поплыл к военному кораблю, надеясь, что испанцы не успели за ночь набросать в бухту кухонных отбросов. Они могли привлечь акул, а эти твари относились к тем немногим существам, которых Сансон боялся. Но он добрался до цели без приключений и вскоре уже покачивался на легких волнах у борта.

Самые нижние оружейные порты располагались в двенадцати футах над ним. Сансон слышал перешучивание

часовых на верхней палубе. Веревочная лестница все еще болталась на борту, но француз не посмел ею воспользоваться. Стоит лишь повиснуть на ней, как она зашевелится и заскрипит. Часовые могут это услышать.

Вместо этого он двинулся вперед, к якорному канату, и взобрался на ходовые концы, отходящие от бушприта. Эти деревяшки торчали из корпуса всего на четыре дюйма, но Сансон умудрился использовать их как опору и добраться до такелажа фок-мачты. Потом он уже запросто повис на веревке и сумел заглянуть в один из передних орудийных портов.

Француз внимательно прислушался и различил ровный, размеренный шаг часового. Судя по этим звукам, он там был один и безостановочно обходил палубу по периметру. Сансон подождал, пока часовой пройдет над ним, потом проскользнул сквозь орудийный порт и опустился в тень пушки, тяжело дыша от напряжения и волнения. Даже для него это ощущение было возбуждающим. Он оказался один среди четырех сотен врагов, половина из которых сейчас покачивалась в гамаках у него над головой. Француз подождал, обдумывая следующий свой шаг.

Хантер тоже ждал в зловонном трюме, скорчившись в узком пространстве. Он был измотан до предела. Если Сансон не появится в ближайшее время, то каперы так ослабеют, что их сил уже не хватит на побег. Стражники, которые принялись зевать и снова вернулись к картам, не обращали на пленных ни малейшего внимания. Это бесило и вводило в искушение капитана. Если бы только ему удалось освободить своих людей сейчас, когда все обитатели корабля спят, то у них мог бы появиться шанс. Но когда стража сменится, а это могло произойти в любой момент, или экипаж корабля проснется на рассвете, ни малейшей возможности бежать уже не будет.

В трюм вошел какой-то испанский солдат, и Хантер на миг захлестнуло отчаяние.

Стража меняется. Все погибло. Но через мгновение он осознал, что ошибся. Это был всего один человек, даже не офицер. Прочие стражники поздоровались с ним вразнобой. Новоприбывший держался надменно, неприкрыто важничая. Он принялся обходить трюм, проверяя, надежно ли связаны пираты. Хантер почувствовал рывок, когда этот тип подергал веревки у него на руках, а потом прикосновение чего-то холодного — лезвия ножа! — и пу- ты оказались разрезаны.

Испанец, стоявший у него за спиной, прошептал:

— Это будет стоить тебе еще две доли.

Сансон!..

— Обещай,— прошипел Сансон.

Хантер кивнул. Его одновременно одолевали гнев и ли- кование. Но он ничего не сказал и лишь молча смотрел, как Сансон обошел всех, а потом встал у дверей, перекры- вая выход.

Француз посмотрел на моряков и очень тихо прика- зал по-английски:

— Давайте, но чтоб тихонько.

Потрясенные испанцы успели лишь поднять головы, как каперы накинулись на них. Пленных было втрое боль- ше, чем стражников. Все завершилось в мгновение ока. Моряки тут же принялись сдирать с солдат мундиры и переодеваться.

Сансон подошел к Хантеру.

— Я не расслышал твоего обещания.

Тот кивнул, потирая запястья.

— Обещаю. Две доли твои.

— Хорошо,— отозвался Сансон.

Он отворил дверь, прижал палец к губам и повел моря- ков прочь из трюма.

Глава 19

Касалья пил вино и смотрел на лицо умирающего Господа, размышляя о страдании, телесных муках. С самых ранних лет он видел изображения этой боли, терзаний плоти, бессильно обвисшее тело, запавшие глаза, кровь, струящуюся из раны в боку, сочащуюся из-под гвоздей, посеивших в руках и ногах.

Эта картина, висящая в каюте капитана, была подарком от самого Филиппа. Она принадлежала кисти любимого придворного художника его величества, некоего Веласкеса, недавно скончавшегося. Такой дар считался весьма почетным, и получение его буквально окрылило Касалью. С тех пор он не расставался с картиной. Это было самое ценное его сокровище.

Этот самый Веласкес не нарисовал нимб вокруг головы Господа. Тело на картине было серовато-белым, цвета смерти. Это выглядело вполне реалистично, но о нимбе Касалья часто сожалел. Его удивляло, что такой благочестивый человек, как король Филипп, не настоял на этой детали. Возможно, его величеству не понравилась эта картина, потому он и отослал ее одному из своих военачальников в Новую Испанию.

В тяжелые минуты Касалью посещала иная мысль. Он слишком хорошо осознавал, какая пропасть лежит между пышной жизнью при дворе короля Филиппа и тяжелой

долей людей, доставляющих ему из колоний золото и серебро на поддержание роскошеств. Когда-нибудь он, Касалья, вернется ко двору — богатый человек на склоне дней. Иногда ему казалось, что придворные будут потешаться над ним. В мечтах он частенько убивал их всех на кровопролитных дуэлях.

От размышлений Касалью отвлекло покачивание судна. Должно быть, прилив закончился. Значит, до рассвета уже недалеко. Скоро настанет день, и пора будет двигаться в путь. Еще надо прикончить следующего английского пирата. Касалья намеревался убивать их одного за другим, пока кто-нибудь не скажет наконец правду.

Корабль продолжал покачиваться, но в его движении было нечто неправильное. Касалья чувствовал это нутром. Судно не вращалось вокруг якоря. Оно смещалось вбок. Что-то было сильно не так. Тут Касалья услышал громкий треск. Корабль содрогнулся и застыл недвижно.

Капитан выругался, вылетел на верхнюю палубу и чуть не уткнулся носом в ветки пальмы, даже нескольких, растущих вдоль берега. Его корабль сел на мель. Касалья завопил от ярости. Вокруг заматались перепуганные моряки.

К нему подбежал первый помощник, дрожащий от страха.

— Капитан, они перерезали якорный канат!

— Они?! — заорал Касалья.

В минуты гнева голос у него делался высоким и тонким, словно у женщины. Он кинулся к противоположному борту и увидел «Кассандру». Шлюп, накренившись под свежим ветром, выходил в открытое море.

— Пираты сбежали, — доложил бледный первый помощник.

— Сбежали?! Как они могли?!

— Не знаю, капитан. Все стражники мертвы.

Касалья с силой ударил первого помощника в лицо так, что тот отлетел и растянулся на палубе. Он пришел в

кую ярость, что почти лишился способности думать, и усталился на уходящий шлюп.

— Как они могли сбежать?! — повторил он. — Проклятье! Как они могли сбежать?!

Появился офицер, командующий солдатами.

— Капитан, вы сели на мель. Может быть, мне высадить часть своих людей на берег, чтобы они попытались толкнуть корабль с мели?

— Уже начался отлив, — сказал Касалья.

— Да, капитан.

— Недоумок! Мы не сможем сняться с мели до следующего прилива!

Касалья громко выругался. Это займет двенадцать склянок. Лишь через шесть часов они примутся за освобождение массивного судна, но даже и тогда могут потерпеть неудачу, если судно село крепко. Луна убывала, значит, каждый следующий прилив будет слабее предыдущего. Если судно не снимется с мели за время следующего прилива или еще одного за ним, то оно застрянет тут самое меньшее на три недели.

— Идиоты! — пронзительно взвизгнул Касалья.

Вдалеке «Кассандра» изящно сменила галс, направилась на юг и исчезла из виду.

На юг?

Они идут на Матансерос, — простонал Касалья, и его потрясло от гнева, который испанец не в силах был обуздать.

Хантер стоял на корме «Кассандры» и прокладывал курс. К немалому своему удивлению, он обнаружил, что не чувствует ни малейшей усталости, хотя не спал уже два дня. Вокруг вповалку валялась его команда. Почти все были мертвецким сном.

— Хорошие ребята, — заметил Сансон, глядя на моряков.

- Верно,— согласился Хантер.
- Кто-нибудь заговорил?
- Один человек.
- И Касалья ему поверил?
- Тогда — нет,— ответил Чарльз.— Но теперь он может и передумать.

- Мы опережаем их самое меньшее на шесть часов.
- На восемнадцать, если повезет.

Хантер кивнул. До Матансероса было два дня ходу при попутном ветре. С таким раскладом каперы могли обогнать военное судно и прийти к крепости первыми.

- Мы будем плыть и по ночам,— сказал Хантер.

Сансон кивнул.

- Подтянуть кливер! — гаркнул Эндерс.— А ну пошевеливайтесь!

Парус натянулся, и «Кассандра», озаренная утренним солнцем, понеслась над волнами. Ее подгонял свежий восточный ветер.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАТАНСЕРОС

Глава 20

После полудня небо начало затягивать облаками. К сумеркам они потемнели и сделались серыми. Стало сыро и неуютно. Тогда-то Лазю и заметила первые обломки.

Подойдя к этому месту, «Кассандра» оказалась среди множества изломанных досок и обломков корабля. Матросы принялись забрасывать линь и кое-что подняли на борт.

— Похоже, английское, — сказал Сансон, когда на палубу вытащили кусок транца*, крашенный красной и синей краской.

Хантер кивнул. Где-то здесь затонул корабль изрядного размера.

— Недавнее, — отозвался Чарльз и огляделся вокруг, выискивая, не уцелел ли кто, но выживших было не видеть. — Должно быть, здесь поохотились наши испанские друзья.

Обломки постукивали о корпус судна еще минут пятнадцать. Команда беспокоилась. Моряки никогда не любили смотреть на следы чьей-то гибели. На палубу вытащили обрывки браса**. Осмотрев их, Эндерс высказал предположение, что корабль был торговый, а если воен-

* Транец — брус, образующий корму судна.

** Брас — снасть бегучего такелажа, служащая для поворота рея в горизонтальной плоскости.

ный, то бриг или фрегат, примерно ста пятидесяти футов в длину.

Никаких следов экипажа они не нашли.

С наступлением ночи небо стало затягивать все сильнее, поднялся порывистый ветер. Теплый дождь в темноте забарабанил по палубе «Кассандры». Все промокли и до утра чувствовали себя паршиво. Однако же рассвет выдался ясным и солнечным. Чуть позже на горизонте, прямо по курсу, каперы увидели цель своего плавания.

С изрядного расстояния западный берег острова, именующийся Лерес, смотрелся на редкость негостеприимно. Склоны горы, бывшего вулкана, выглядели и обрывистыми. Если не считать небольшой полосы растительности, протянувшейся вдоль берега, остров выглядел засушливым, бурым и бесплодным. На поверхности то и дело проглядывали красновато-серые выходы камня. Дожди здесь шли редко. Ветры Атлантики непрерывно хлестали одинокую гору, расположенную слишком далеко на восток от Карибов.

Экипаж «Кассандры» смотрел на приближающуюся землю без малейшего воодушевления.

Эндерс, стоявший у штурвала, нахмурился.

— Сейчас сентябрь, — сказал он. — Это что же, он всегда такой зеленый и гостеприимный?

— Угу, — отозвался Хантер. — Здесь гавани нет. Но восточный берег покрыт лесом, и вода там в изобилии.

— Как и папистские мушкетеры, — сказал Эндерс.

— И папистское золото, — ответил Хантер. — Сколько времени вам потребуется, чтобы подойти к берегу?

— Ветер хороший. Будем там самое позднее к середине дня. В этом я твердо уверен.

— Правь вон к той бухточке, — велел Хантер и указал в нужном направлении.

С этого расстояния уже стала видна единственная нырялка в западном берегу, узкий маленький заливчик, именующийся бухтой Слепца.

Хантер отправился собирать все, что предстояло взять с собой их маленькому десантному отряду. Но оказалось, что дон Диего уже вытаскивал снаряжение на палубу.

Еврей подслеповато уставился на капитана.

— Как это тактично со стороны испанцев,— заметил он.— Они все осмотрели, но ничего не забрали.

— Кроме крыс.

— Мы обойдемся любым мелким зверьком, Хантер. Хоть опоссумом, хоть кем угодно.

— Придется так и сделать,— сказал Хантер.

Сансон стоял на носу и смотрел вперед, на вершину горы Лерес. Издалека она казалась абсолютно отвесной — извилистый полукруг из голого красного камня.

— А обойти никак нельзя? — поинтересовался француз.

— Везде, где можно хоть как-то шагнуть, будет стоять охрана,— ответил Хантер.— Нам придется пройти через поршину

Сансон ответил легкой улыбкой. Хантер вернулся обратно на корму, к Эндерсу. Он распорядился, чтобы после того, как их отряд высадится, «Кассандра» сразу же уходила на юг, на соседний остров Раномос. Там можно было стоять в небольшой бухте. На берегу имелись источники минеральной воды. В этом месте шлюпу не грозило нападение.

— Знаете, где это?

— Угу,— отозвался Эндерс.— Знаю. Мы там прятались с недельку несколько лет назад вместе с одноглазым капитаном Льюишэмом. Славное местечко. И сколько нам там ждать?

— Три полных дня. На четвертый после обеда выходите из бухты и встаньте на якорь на глубоководье. В полдень поднимайте паруса, чтобы перед рассветом пятого дня подойти к Матансеросу.

— А дальше?

— С восходом солнца заходите прямиком в гавань и высаживайте людей на галеон.

- Как насчет прохождения мимо пушек форта?
- Утром пятого дня они вас не побеспокоят.
- Молиться я как-то не привык, — произнес Эндерс.

Но очень надеюсь...

Хантер хлопнул его по плечу.

- Бояться нечего.

Эндерс посмотрел в сторону острова и не улыбнулся.

В полдень, при душной дневной жаре, Хантер, Сансон, Лазю, Мавр и дон Диего стояли на узкой полосе белого песка и смотрели на уходящую «Кассандру». У их ног лежало больше ста двадцати фунтов снаряжения — веревки «кошки», полотняные мешки, мушкеты, бочонки с водой.

Несколько мгновений они стояли в молчании, дыша горячим воздухом.

Потом Хантер повернулся и скомандовал:

- Уходим!

Они двинулись прочь от полосы прибоя.

За ней выстроились пальмы и мангровые деревья. Их переплетение выглядело таким же непроходимым, как и каменная стена. Высадившиеся каперы по собственному горькому опыту знали, что прорубиться через эту преграду они не смогут. Люди, которые пытались это сделать, продвигались на несколько сотен ярдов в день ценой отчаянных усилий. Чтобы проникнуть в глубь острова, обычно искали ручей и поднимались по его течению.

Хантер и его подчиненные знали, что где-то здесь должен быть такой ручей. Само существование бухточки это подразумевало. Такие вот заливчики появлялись отчасти потому, что во внешних рифах существовал проем, через который с острова текла пресная вода. Каперы двинулись вдоль берега и через час отыскивали скудную струйку, проложившую илстую ложбинку под листовным пологом. Русло ручья было таким узким, что растительность смыкалась над ним, образуя тесный, жаркий туннель. Путь обещал быть нелегким.

— Может, поискать что-нибудь получше? — спросил Сансон.

Еврей покачал головой.

— Здесь мало дождей. Сомневаюсь, что тут есть что-нибудь получше.

Похоже, с этим были согласны все, и каперы двинулись вверх по ручью, прочь от моря. Почти сразу же жара сделалась невыносимой, а воздух — знойным и удушливым. Как выразилась Лазю, это было все равно что дышать тряпкой.

После первых нескольких минут люди уже шли в молчании, не тратя силы на разговоры. Слышны были лишь удары абордажных сабель по листве да щебетание птиц и писк мелких зверушек в древесных кронах над головами путников. К концу дня их успехи были невелики. Когда каперы оглянулись назад, синий океан внизу выглядел невероятно близким.

Все торопились и задерживались лишь ради того, чтобы раздобыть пищу. Сансон мастерски владел арбалетом и подстрелил по пути обезьяну и несколько птиц. Путники приободрились, заметив у ручья помет дикой свиньи. Лазю собирала съедобные растения.

Ночь застала их в джунглях, на середине пути между океаном и скалами горы Лерес. Воздух сделался прохладнее, но под пологом листвы было почти так же жарко, как и прежде. Кроме того, появились москиты.

Они оказались серьезным врагом, вились тучами, такими плотными, что их можно было потрогать, и загораживали обзор. Насекомые жужжали, вились вокруг путников, впивались повсюду, лезли в уши, нос и рот. Люди окрылись слоем грязи, но это мало помогло. Разжечь костер они не смели, поэтому съели добычу сырой, а потом поспали урывками, сидя под деревьями, под монотонное жужжание москитов.

Поту они проснулись, посмотрели друг на друга и захохотались. С затекших тел осыпалась засохшая грязь.

Все изменились до неузнаваемости, лица до безобразия распухли и покраснели от укусов moskitov. Хантер проверил воду. Четверть запаса уже разошлась, и он объявил, что им придется пить меньше. Путники двинулись дальше. Все они были голодны, надеялись наткнуться на дикую свинью, но ни одной им так и не повстречалось. Обезьяны, тараторящие в пологе листвы, словно бы насмехались над ними. Их постоянно было слышно, но Сансону не удалось подстрелить ни единой.

Ближе к концу второго дня стал слышен шум ветра. Поначалу это был тихий, низкий стон, звучащий где-то в отдалении. Но когда люди добрались до края джунглей, где заросли поредели и идти стало легче, этот звук сделался громче. Вскоре путники почувствовали ветер. Он был желанным, но каперы с беспокойством переглянулись. Они знали, что на скалистом склоне Лереса ветер будет еще сильнее.

Уже вечерело, когда они наконец-то добрались до каменистого основания утеса. К этому моменту ветер превратился в вопящего демона, который дергал и трепал их одежду, бил по лицу, визжал в уши. Чтобы быть услышанным, приходилось кричать.

Хантер посмотрел на каменную стену, вставшую перед ними. Она была отвесной, как и казалось издали, но выше, чем он думал, — четыре сотни футов голого камня, по которому хлестал ветер, столь сильный, что обломки камня то и дело сыпались сверху.

Хантер жестом подозвал Мавра. Тот подошел.

— Басса! — крикнул капитан, подавшись поближе к здоровяку. — Станет ли ветер меньше ночью?

Басса пожал плечами и изобразил пальцами небольшую щелочку — мол, незначительно.

— Ты сможешь взобраться на скалу ночью?

Негр покачал головой — нет. Потом он жестом изобразил, будто кладет голову на подушку.

— Ты хочешь взбираться поутру?

Басса кивнул.

— Он прав,— подал голос Сансон.— Нам следует подождать до утра. К тому времени мы отдохнем.

— Я не знаю, можем ли мы ждать,— сказал Хантер.

Он взглянул на север. В нескольких милях, за спокойным морем, над водой протянулась широкая серая полоса, а над нею — мрачно-черные тучи. Совсем недалеко бушевала буря и двигалась в их сторону.

— Тем более! — крикнул Чарльзу Сансон.— Надо подождать. Пускай она пройдет.

Хантер отвернулся. Здесь, у подножия утеса, они находились в пятистах футах над уровнем моря. На юге, милях в тридцати, виднелся Рамонас. «Кассандру» капитан не заметил. Шлюп давно уже укрылся в бухте.

Хантер снова посмотрел на бурю. Если бы они пережидали ночь, то буря могла бы и успокоиться за это время. Но вдруг она окажется достаточно обширной и медленной? Если капитан и его спутники потеряют хотя бы один день, то все их расчеты времени рухнут. Через три дня «Кассандра» поплывет к Матансеросу, неся пятьдесят человек к верной смерти.

— Поднимаемся сейчас,— решил Хантер.

Он повернулся к Мавру. Тот кивнул и отправился собирать свои снасти.

Это было невероятное ощущение — держать веревку и время от времени чувствовать рывки и покачивания, пока чернокожий гигант поднимался по скале. Веревка, которую держал Чарльз, была толщиной в полтора дюйма, однако же высоко наверху она превращалась в тонкую нить, а массивная фигура Мавра — в пятнышко, едва видимое в тающем свете.

Сансон подошел вплотную и заорал на ухо Хантеру:

— Ты чокнулся! Мы не переживем этого подъема!

— Боишься? — крикнул в ответ капитан.

— Я ничего не боюсь! — заявил Сансон, ударив себя в грудь. — Но посмотри на остальных!

Хантер посмотрел. Лазю дрожала. Дон Диго был белым как мел.

— Они не справятся! — выкрикнул Сансон. — А что ты сделаешь без них?

— У них нет другого выхода! — возразил Хантер. — Им придется!

Он посмотрел на приближающуюся бурю. Она была милях в двух от них. Воздух уже сделался более влажным. Внезапно веревка в руках у Хантера дернулась. За первым рывком последовал второй.

— Он добрался до верха, — сказал Чарльз, поднял голову, но так и не смог рассмотреть Мавра.

Через мгновение на землю упал конец второй веревки

— Скорее! — скомандовал Хантер. — Снаряжение!

Они привязали к веревке провизию, загрузенную мешки из парусины, и Хантер дернул за нее, подавая сигнал. Мешки поползли вверх, стучаясь о скалу. Пару раз порывы ветра относили их от скалы футов на десять.

— Кровь Господня!.. — простонал Сансон, увидев эту картину.

Хантер посмотрел на Лазю. Лицо ее было напряжено. Хантер надел ей полотняную петлю на плечи, вторую — на бедра и подогнал понадежнее.

— Матерь Божья, Матерь Божья, Матерь Божья, — монотонно повторяла раз за разом Лазю.

— А теперь слушай! — крикнул Хантер, когда веревка спустилась снова. — Цепляйся за канат и не мешай Баску поднимать тебя. Держись лицом к скале и не смотри вниз!

— Матерь Божья, Матерь Божья...

— Ты меня слышишь?! — гаркнул Хантер. — Не смотри вниз!

Лазю кивнула, не прекращая своего бормотания. Полотняные петли тут же повлекли ее наверх. Некоторое время женщина извивалась и цеплялась за вторую веревку, но потом, похоже, сумела взять себя в руки, и подъем прошел без происшествий.

Следующим был Еврей. Пока Хантер давал ему наставления, тот смотрел на него запавшими глазами, но, похоже, ничего не слышал. Он походил на лунатика, когда шагнул в полотняную петлю и Басса потащил его наверх.

Буря приближалась. Начали падать первые крупные капли.

— Ты следующий! — крикнул Сансон.

— Нет, — возразил Хантер. — Я последний.

Тем временем полил дождь. Ветер усилился. Когда туча спустилась снова, парусина была мокрой насквозь. Сансон вступил в петлю и дернул за веревку, давая сигнал к началу подъема.

Двинувшись вверх, он крикнул Хантеру:

— Если ты умрешь, я заберу твои доли!

Француз расхохотался, но смех его заглушил ветер.

С приближением бури вокруг вершины утеса закружился серый туман. Сансон вскоре исчез из виду. Хантер ждал. Казалось, что прошло очень много времени. Потом он услышал неподалеку влажный шлепок петли, упавшей на землю. Капитан надел ее и подогнал по себе. Порывы ветра, несущего дождь, хлестали его по лицу и телу. Чарльз дернул за веревку, и подъем начался.

Этот подъем Хантер запомнил на всю жизнь. Он не понимал, где находится, потому что мир со всех сторон был темно-серым. Капитан не видел ничего, кроме поверхности скалы в нескольких дюймах от своего лица. Ветер тряс его, то и дело относя от утеса, а потом с силой прижимая к камню. И веревки, и камень — все было мокрым и скользким. Хантер держался за направляющий канат и старался оставаться лицом к скале. Но он часто

терял опору и начинал вращаться вокруг собственной оси, больно стучаясь спиной и плечами о камень.

Ему казалось, что это тянется вечно. Хантер совершенно не понимал, одолел ли он половину расстояния, небольшую его часть или же был уже у вершины. Он напрягал слух, стараясь расслышать голоса своих спутников, но слышал лишь безумный визг ветра и стук дождя.

Хантер почувствовал, что буксировочный трос дрожит ровно, размеренно. Он поднимался вверх на несколько футов, потом останавливался, потом опять двигался. Снова пауза и короткий подъем.

Внезапно последовательность нарушилась. Дрожь веревки изменилась. Она передавалась телу через плотную петлю. Сперва Хантер подумал, что это какой-то обман чувств, но потом понял, что это такое. После пяти спусков и подъемов веревка истерлась и теперь медленно, мучительно рвалась.

Перед мысленным взором Хантера предстала картина истончающегося каната, и он крепко вцепился в направляющую веревку. В тот же миг несущий трос лопнул и обрушился, извиваясь, на голову и плечи капитана, мокрый и тяжелый.

Хватка Хантера ослабела. Он съехал по направляющей веревке на непонятное расстояние, а затем попытался здраво оценить ситуацию. Чарльз лежал, прижимаясь животом к скале. Мокрая петля обвивалась вокруг его ног, висела на нем мертвым грузом, заставляя напрячься и так уже заболевшие руки. Капитан задергался, пытаясь выпутаться из петли, но у него ничего не получилось. Это было ужасно. С петель на ступнях он был буквально стреножен, не мог воспользоваться ногами, чтобы упереться в скалу. Хантер понял, что так и будет тут висеть, пока изнеможение в конце концов не заставит его разжать руки. Тогда он рухнет к подножию утеса. Запыхавшись и пальцы у него уже горели от боли. Капитан почув-

твовал легкое подергивание направляющей веревки, но поднимать его Басса почему-то не стал.

Хантер снова принялся отчаянно брыкаться, а потом внезапный порыв ветра отнес его от скалы. Чертова петля сработала как парус, поймала ветер и поволокла человека прочь. Хантер увидел, как каменная стена исчезает в тумане. Его отнесло на десять, потом на двадцать футов от утеса.

Он снова задергал ногами, и внезапно тяжесть исчезла. Петля свалилась. Хантера понесло обратно к скале. Он напрягся, готовясь к столкновению, но удар оказался такой силы, что вышиб из него дух. Хантер невольно вскрикнул и повис, хватая воздух ртом.

Потом он героическим усилием подтянулся так, чтобы ладони, сжимающие веревку, оказались прижаты к груди. Он перехватил трос ногами и оперся на него, на миг давняя отдых рукам. Дыхание понемногу восстановилось. Капитан уперся ступнями в скалу и перехватил веревку повыше. Ноги соскользнули со скалы. Чарльз больно ударился коленями, но подтянулся.

Он повторил это еще раз.

И еще.

И еще.

Его разум перестал функционировать, тело действовало автоматически, само по себе. Окружающий мир сделался безмолвным, не существовало ни шума дождя, ни шума ветра, вообще ничего, даже его собственного судорожного дыхания. Мир был серым, и Хантер затерялся в этом бесконечном мрачном пространстве.

Хантер даже ничего не почувствовал, когда сильные руки подхватили его под мышки, втащили через край, и он рухнул ничком на ровную поверхность. Чарльз не слышал голосов, ничего не видел. Позже ему рассказали, что даже после того, как его положили на землю, тело продолжало ползти вперед, постоянно сгибаясь и выпрямляясь,

прижимаясь исцарапанным в кровь лицом к камням, пока капитана не удержали силой. Некоторое время Чарльз не осознавал ничего, даже того, что остался жив.

Он проснулся от громкого щебета птиц, открыл глаза и увидел зеленую листву, пронизанную солнечным светом. Хантер лежал не шевелясь, двигались лишь глаза. Он увидел каменную стену и понял, что находился в пещере, недалеко от входа. До него донесся невероятно вкусный запах готовящейся еды. Капитан попытался сесть, но каждый уголок его тела завопил от боли. Он задохнулся и рухнул обратно.

— Помедленнее, дружище, — произнес чей-то голос.

Сзади к Хантеру очень неспешно подошел Сансон, нагнулся и помог сесть.

Прежде всего Чарльз увидел свою одежду. Брюки оказались изорваны до неузнаваемости. Сквозь прорехи видно было, что и кожа на ногах не в лучшем состоянии, впрочем, как и на груди, и на руках. Хантер осмотрел свое тело словно какой-то чужой, незнакомый предмет.

— Да и на лицо ты сейчас тоже не красавчик, — сообщил Сансон и рассмеялся. — Как думаешь, поешь сможешь?

Капитан попытался было заговорить. Лицо его было заостренным, словно деревянное, превратившееся в маску. Хантер потрогал щеку, почувствовал под пальцами корку засохшей крови и покачал головой.

— Что, не хочешь есть? Тогда попей.

Сансон достал бочонок и помог Чарльзу напиться. Хантер, к радости своей, обнаружил, что глотать ему не больно, но губы тоже занемели, и он не чувствовал прикосновения бочонка.

— Только немного, — сказал Сансон.

Тут подошли все остальные.

Еврей улыбался до ушей.

— Вам непременно нужно взглянуть, какой отсюда вид.

Хантер ощутил прилив радостного возбуждения. Он действительно хотел это видеть, протянул больную руку Сансону, и тот помог ему подняться. Первые мгновения в вертикальном положении были мучительны. У Хантера закружилась голова, а руки и ноги пронзила острая боль. Потом ему стало лучше. Опираясь на Сансона, он сделал шаг и скривился. Внезапно ему вспомнился губернатор Элмонт, тот вечер, когда они заключили сделку на счет этого налета на Матансерос. Каким уверенным в себе и непринужденным он был тогда — бесстрашный искатель приключений. При этом воспоминании Хантер приятно улыбнулся. Делать это было больно.

Потом он увидел открывшийся перед ним вид и мгновенно позабыл и про Элмонта, и про боль, и про собственное ноющее тело.

Они стояли у входа в маленькую пещеру, над восточным краем горы Лерес. Под ногами у них изгибались зеленые склоны вулкана, а в тысяче футов внизу начинался густой тропический лес. За ним виднелась широкая река, вход в гавань и крепость Пунта Матансерос. На водной глади бухты играли солнечные блики. Галеон с сокровищами стоял на якоре под защитой крепости и сверкал под солнцем. Все это лежало перед ним, и Хантер подумал, что ему открылось прекраснейшее зрелище на свете.

Глава 21

Сансон дал Хантеру еще попить из бочонка, а потом дон Диего заявил:

— Вам надо бы кое на что взглянуть, капитан.

Небольшой отряд поднялся по пологому холму к краю утеса, на который они взобрались вчера ночью. Люди шли медленно — ради Хантера, страдавшего от боли при каждом шаге. Он взглянул в ясное, без единого облачка, голубое небо и ощутил боль иного рода. Капитан понял, что совершил серьезную ошибку, едва не ставшую роковой, когда велел штурмовать утес во время бури. Надо было подождать и подняться на следующее утро. Он перестраховался, сваял дурака и теперь выругал себя за ошибку.

Когда все приблизились к обрыву, дон Диего припал к земле и осторожно глянул через край, на запад. Остальные последовали его примеру. Сансон помог Хантеру. Тот не понимал, отчего они так осторожничают, пока не посмотрел поверх лиственного полога джунглей на бухту, лежащую внизу.

Там стоял корабль Касальи.

— Чтоб я сдох,— прошептал Хантер.

Сансон, присевший рядом с ним, кивнул.

— Нам повезло, дружище. Корабль вошел в бухту ни на рассвете, с тех пор так там и стоит.

Присмотревшись, Хантер увидел баркас, перевозающий солдат на берег. Десятки людей в красных испанских мундирах обыскивали побережье. Сам Касалья в желтом наряде бурно жестикулировал, отдавая приказы.

— Испанцы осматривают берег,— сказал Сансон.— Они разгадали наш план.

— Но буря...— протянул Хантер.

— Да. Она смыла всякие следы нашего присутствия.

Хантер подумал о полотняной петле, свалившейся с его ног. Теперь она лежит где-то у подножия утеса, но солдаты могут никогда ее и не найти. Чтобы добраться до утеса, уйдет целый день тяжелого пути через густые джунгли. Испанцы не отправятся туда, если не обнаружат никаких свидетельств высадки отряда.

Хантер заметил, как от корабля отвалил второй баркас, забитый солдатами.

— Испанцы высаживаются все утро,— сказал дон Диего.

— Наверное, сейчас на берегу уже добрая сотня солдат.

— Касалья намерен оставить их здесь,— заметил Чарльз.

Дон Диего кивнул.

— Тем лучше для нас,— сказал Хантер, подумав о том, что войска, находящиеся на западном берегу острова, не смогут принять участие в бою в Матансеросе.— Будем надеяться, что он оставит тут тысячу.

Когда они вернулись к пещере, дон Диего приготовил для Хантера жидкую кашку, а потом Сансон затушил костерок. Лазю тем временем смотрела в подзорную трубу и описывала все, что видит, капитану, сидящему рядом с ней. Сам он мог рассмотреть внизу лишь смутные очертания и полагался на острое зрение Лазю.

— Сперва расскажи мне про пушки,— приказал Чарльз.— Те, которые в крепости.

Некоторое время Лазю, беззвучно шевеля губами, смотрела в подзорную трубу.

— Их двенадцать,— сказала она в конце концов.— Две батареи по три пушки смотрят на восток, в сторону открытого океана. Шесть орудий другой батареи направлены на вход в бухту.

— Это кулеврины?

— Стволы длинные. Думаю, да, кулеврины.

— Можешь ты определить их возраст?

Лазю немного помолчала, потом ответила:

— Слишком далеко. Может, попозже, когда мы двинемся вниз, я смогу рассмотреть побольше.

— А лафеты какие?

— Станки. Кажется, деревянные, на четырех колесах. Хантер кивнул. Похоже, это были обычные корабельные лафеты, перевезенные на береговые батареи.

Подошел дон Диего с кашей.

— Хорошо, что лафеты деревянные,— сказал он.— Я боялся, что испанцы поставят пушки на каменные. Тогда нам было бы гораздо труднее.

— Мы взорвем лафеты? — спросил Хантер.

— Конечно,— отозвался дон Диего.

Каждая кулеврина весила больше двух тонн. Если уничтожить лафеты, то пушки станут бесполезны. Их нельзя будет наводить на цель. Даже если в крепости и найдутся запасные лафеты, потребуются десятки людей и не один час, чтобы переставить на них орудия.

— Но сперва мы их зарядим,— с улыбкой произнес дон Диего.

Хантеру не приходила в голову эта мысль, но он мгновенно осознал ценность идеи. Кулеврины, как и все прочие орудия, заряжались с дула. Расчет поначалу забивал в пушку мешочек пороха, за ним — ядро. Потом через запальное отверстие в казеннике мешок протыкался, и в него вставлялся фитиль. Его поджигали, он воспламенял порох, и взрыв выбрасывал ядро из ствола.

Этот метод стрельбы был достаточно надежен — до тех пор, пока запальное отверстие оставалось маленьким. Но после множества выстрелов горящий фитиль и взрывающийся порох разъедали его, и оно расширялось до тех пор, пока не превращалось в отводной клапан для расширяющихся газов. Как только это происходило, дальность пушки серьезно страдала. В конце концов ядро вообще переставало вылетать из ствола. Кроме того, такая пушка становилась очень опасна для собственного расчета.

Мастера, вынужденные считаться с этим неизбежным износом, снабжали казенник заменяющейся металлической пробкой, расширяющейся к одному концу, а в ней уже высверливали запальное отверстие. Она вставлялась внутри пушки, и расширяющиеся пороховые газы при каждом выстреле забивали ее все плотнее. Когда запальное отверстие становилось слишком широким, металлическую затычку вынимали, а на ее место вставляли новую.

Но иногда пробку просто вышибало, и в казеннике образовывалась здоровенная дыра. Пушка делалась абсолютно бесполезной до тех пор, пока не удавалось подогнать новую пробку. На это уходил не один час.

— Уж поверьте,— сказал дон Диего.— Когда мы разберемся с этими пушками, они будут годиться разве что на балласт в трюм торгового судна.

Хантер снова повернулся к Лазю.

— Можешь разглядеть, что там внутри крепости?

— Палатки. Много.

— Должно быть, гарнизон,— заметил Хантер.

Погода в Новом Свете почти всегда была настолько теплой, что для войск и не требовалось основательного укрытия. Особенно верно это было для таких островов, как Лейтес, где дожди шли крайне редко. Хотя Хантер мог себе представить, в каком ужасе сейчас пребывают солдаты, которым из-за вчерашней бури пришлось спать в грязи.

— А склад боеприпасов?

— Севернее, под защитой стен, стоит деревянная постройка. Возможно, это он.

— Хорошо,— сказал капитан, которому не хотелось тратить время на розыски склада, когда они проникнут за укрепления.— В пределах крепостных стен есть еще какие-нибудь оборонительные сооружения?

Лазю осмотрела территорию.

— Ничего не вижу.

— Хорошо. Теперь корабль. Что там?

— Экипаж сокращенного состава,— отозвалась Лазю.

Видю пять-шесть человек на баркасах, привязанных у берега, возле поселка.

Хантер тоже заметил жилье. Оно оказалось неожиданностью. Ряды грубых деревянных домов протянулись вдоль берега на некотором расстоянии от крепости. Очевидно, их построили, чтобы разместить на суше команду галеона. Видимо, эти люди должны были остаться в Матансеросе на длительный срок, возможно до следующего года, до нового плавания Золотого флота.

— Солдаты в городе?

— Вижу несколько красных мундиров.

— Охрана у баркасов?

— Нет.

— Они прямо облегчают нам жизнь,— заметил Хантер.

— Пока что,— бросил Сансон.

Отряд собрал вещи и уничтожил все следы своего пребывания в пещере. Потом все двинулись в долгий путь вниз по отлогому склону горы, к Матансеросу.

При спуске они столкнулись с проблемой, прямо противоположной той, что препятствовала их подъему днями суток назад. В верхней части восточного склона горы Лерес было мало деревьев, следовательно, и укрытий. Пуникам приходилось понезаметнее пробираться от одной купы колючей растительности до другой, и продвижение оказалось медленным.

К полудню их ждал сюрприз. У входа в бухту появился черный военный корабль Касальи, спустил паруса и встал на якорь рядом с крепостью. От него отвалил баркас. Лазю посмотрела в подзорную трубу и сообщила, что на корме сидит сам Касалья.

— Это может все погубить! — сказал Хантер, глядя на размещение военного корабля.

Он стоял параллельно берегу, так, что артиллерия одного борта могла прочесать пролив.

— А если он там и останется? — спросил Сансон.

Капитан размышлял именно об этом, и ему приходило в голову всего один ответ.

— Мы его сожжем, — сказал он. — Если корабль так и будет стоять на якоре, то нам придется так поступить.

— Поджечь у берега баркас и пустить его дрейфовать? Хантер кивнул.

— Ненадежно, — заметил Сансон.

Тут Лазю, продолжавшая глядеть в подзорную трубу, сообщила:

— Там женщина.

— Что? — переспросил Хантер.

— В баркасе с Касальей сидит женщина.

— Дай-ка взглянуть.

Хантер с нетерпением принял подзорную трубу, но сумел рассмотреть лишь белый расплывчатый силуэт. Рядом с Касальей кто-то стоял и смотрел на крепость. Детали Чарльзу разобрать не удалось. Он вернул подзорную трубу Лазю.

— Опиши ее.

— Белое платье и зонтик или большая шляпа. В общем, кто-то закрывает голову. Смуглое лицо. Возможно, негринка.

— Его любовница?

Лазю покачала головой. Баркас уже привязывали у крепости.

— Она сходит, сопротивляется...

- Может, женщина споткнулась и чуть не упала?
- Нет,— твердо сказала Лазю.— Она сопротивляется. Ее держат трое мужчин, заставляют войти в крепость.
- Ты говоришь, лицо смуглое? — переспросил озадаченный Хантер.

Касалья мог захватить пленницу, но любая женщина, стоящая выкупа, явно будет светлокожей.

— Смуглое, да,— сказала Лазю.— Но на самом деле больше я ничего не вижу.

— Что ж, подождем,— сказал капитан.

Недоумевая, они продолжили спуск.

Три часа спустя, в самое жаркое время суток, каперы сделали привал в зарослях колючих кустов акара, чтобы выпить свои порции воды. Женщина заметила, что баркас отвалил от крепости. На этот раз на нем был мужчина, которого Лазю описала как сурового, очень худощавого, весьма красивого и с хорошей выправкой.

— Боске,— сказал Хантер.

Этот тип был заместителем Касальи, французом-реингатором, пользующимся репутацией хладнокровного и безжалостного командира.

— Касалья с ним?

— Нет,— отозвалась Лазю.

Баркас пришвартовался к военному судну, и Боске поднялся на борт. Через несколько мгновений матросы принялись втаскивать баркас наверх. Это могло означать только одно.

— Они отплывают,— сказал Сансон.— Удача тебя не покинула, дружище.

— Пока не факт,— отозвался Хантер.— Давай посмотрим, не пойдут ли они на Ранамос.

В этой гавани пряталась «Кассандра» со всем экипажем. Она стояла на мелководье. Там Боске не смог бы атаковать ее, зато он вполне сумел бы запереть пиратский

шлюп в бухте, а без «Кассандры» нападать на Матансерос не имело смысла. Капитану нужен был экипаж, чтобы вывести галеон с сокровищами из гавани.

Военный корабль вышел из гавани южным галсом, но здесь это было необходимо, чтобы выбраться на глубокую воду. Однако же, выйдя из пролива, он так и продолжил двигаться на юг.

— Черт! — выругался Сансон.

— Нет, они просто набирают скорость, — возразил Хантер. — Подожди.

Стоило ему это сказать, как испанский корабль развернулся по ветру и пошел правым галсом на север. Хантер облегченно качнул головой.

— Я прямо уже чувствую золото в руках, — сказал Сансон.

Через час черный корабль исчез из виду.

К вечеру им осталось не более четверти мили до испанского лагеря. Растительность сделалась куда более густой. Они выбрали рощу деревьев махагуа и обосновались в ней на ночь. Огонь не разжигали и, прежде чем улечься на сырую землю, поели лишь немного съедобных растений, не готовя их. Все устали, но были возбуждены из-за того, что с их стоянки слышна была болтовня на испанском, доносились запахи от костров, на которых готовились еда. Каперы лежали под звездами. Эти звуки и запахи напоминали им, что приближающаяся битва уже совсем рядом.

Глава 22

Хантер проснулся и мгновенно осознал, что что-то не так. До него доносилась испанская речь, но на этот раз голоса звучали слишком близко. Еще он слышал шаги и шорох листвы. Капитан сел и скривился, потому что тело пронзила боль. Пожалуй, сегодня у него все болело даже сильнее, чем вчера.

Он взглянул на свой маленький отряд. Сансон уже был на ногах и вглядывался сквозь переплетение пальмовых ветвей в ту сторону, откуда доносились голоса. Манр тихо поднимался. Тело его было напряжено, движения скупы и расчетливы. Дон Диего приподнялся на локти, глаза его расширились.

Лишь Лазю по-прежнему лежала навзничь, абсолютно неподвижно. Хантер жестом велел ей вставать. Женщина качнула головой и одними губами произнесла: «Нет». Она не шевелилась. Лицо ее покрывала испарина. Хантер двинулся было к ней.

— Тихо! — сдавленным голосом прошептала Лазю.

Капитан остановился и взглянул на нее. Она лежала на спине, слегка разведя ноги. Тело ее странно оцепенело. Потом Чарльз заметил змеиный хвост в красно-черной желтую полоску, исчезающий у нее в штанине.

Это была коралловая змея. Ее привлекло тепло человеческого тела. Хантер взглянул в лицо Лазю. Оно было напряжено, словно женщина сдерживала сильнейшую боль.

Голоса испанцев, звучащие за спиной Хантера, сделались громче. Теперь капитан слышал, как несколько человек с треском ломаются через подлесок. Он жестом велел Лазю подождать и повернулся к Сансону.

— Шестеро,— шепотом сообщил тот.

Хантер увидел отряд. Испанские солдаты, вооруженные мушкетами и несущие с собой подстилки и еду, поднимались по склону холма в их сторону. Все они были молоды и явно воспринимали этот поход как повод позавеселиться, смеялись и перешучивались.

— Это не патруль,— прошептал Сансон.

— Пусть идут,— сказал Хантер.

Француз пристально взглянул на него. Капитан указывал на Лазю. Та по-прежнему лежала на земле, словно оцепенев. Сансон мгновенно все понял. Они подождали, пока испанские солдаты пройдут мимо и двинутся вверх по склону, потом повернулись к Лазю.

— Где она сейчас? — спросил Хантер.

— Колено,— негромко отозвалась женщина.

— Ползет?

— Угу.

Тут подал голос дон Диего.

— Высокое дерево,— произнес он, озираясь.— Нам нужно найти высокое дерево! Вон там! — Он постучал Мавра по плечу.— Идем со мной.

Они нырнули в кусты и двинулись к нескольким деревьям махагуа, растущим чуть поодаль.

Хантер посмотрел на Лазю, потом перевел взгляд на испанских солдат. Они были хорошо видны, находились на какой-нибудь сотне ярдов выше по склону. Если хоть один из них решит обернуться, то они мгновенно увидят отряд.

— Сезон спаривания уже закончился,— сказал Сансон, шмыгнул и посмотрел на Лазю.— Но может, нам подойдет еще раз, и мы найдем птенца.

Он посмотрел на Мавра. Тот уже взбирался на дерево, а дон Диего ждал внизу.

— Где она? — спросил Хантер.

— Выше колена.

— Постарайся расслабиться.

Лазю закатила глаза.

— Чтоб ты сдох со своей экспедицией! — бросила она. — Чтоб вы все сдохли!

Хантер посмотрел ей на ноги. Штанина слегка шевелилась. Змея ползла вперед.

— Матерь Божья, — произнесла Лазю и закрыла глаза.

— Если они не найдут птенца, то нам придется погнаться за ней и встряхнуть, — шепнул Хантеру Сансон.

— Тогда змея укусит.

Они оба знали, что это означает.

Каперы были людьми закаленными и выносливыми. Укус скорпиона, «черной вдовы» или мокасиновой змеи у них проходил по разряду докучливых неудобств. Подсунуть скорпиона товарищу в сапог считалось доброй мужской шуткой. Но два ядовитых существа внушали трепет и ужас всем. С ямкоголовой гадюкой не шутили, а коралловая змейка была хуже всего. После укуса ее крохотных зубов не выживал никто. Хантер мог себе представить, как страшно было Лазю, ожидавшей, не ощутит ли она легкий щипок, возвещающий о роковом укусе. Что за этим последует, знали все. Сперва человека бросает в пот, потом начинало трясти, тело постепенно немеет. Смерть наступила бы еще до заката.

— Где теперь?

— Высоко, очень.

Голос Лазю был настолько тих, что Хантер едва разобрал слова.

Он посмотрел на ее штаны и заметил легкое шевеление ткани в паху.

— Боже! — простонала Лазю.

Тут Хантер услышал негромкий писк, почти что чирикание. Он обернулся и увидел, что Мавр и дон Диего возвращаются. Оба улыбались до ушей. Мавр держал что-то в ладонях, сложенных коробочкой. Это был крохотный птенец. Он пищал и трепыхался.

— Скорее, дайте какую-нибудь веревочку,— приказал Еврей.

Хантер принес кусок бечевки и привязал птенца за ногу. Его посадили у края штанины Лазю и привязали к земле. Бедняжка продолжал пищать и трепыхаться, пытаясь вырваться из уз.

Каперы ждали.

— Чувствуешь что-нибудь? — спросил Хантер.

— Нет.

Они посмотрели на птенца. Малыш сражался, выбиваясь из сил.

Хантер повернулся к Лазю.

— Ничего,— произнесла она, и тут ее глаза внезапно округлились.— Сворачивается...

Все посмотрели на штаны. Ткань шевелилась. Под ней медленно образовался изгиб — и исчез.

— Пошла вниз,— сказала Лазю.

Все ждали. Вдруг птенец заволновался и запищал еще сильнее. Он учуял коралловую змею.

Еврей достал пистолет, вытряхнул пулю и порох, зажал ствол в кулаке и взял оружие на изготовку, словно пивинку.

Они ждали, следили за тем, как змея медленно, дюйм за дюймов, ползла вниз — мимо колена, вдоль икры. Им казалось, что это будет тянуться вечно.

Потом из штанины внезапно показалась голова. Змея высунула язычок. Птенец забился в ужасе и закричал. Коралловая змея двинулась вперед. Дон Диего прыгнул и ударом рукояти вколотил ее голову в землю. В тот же миг Лазю с криком вскочила на ноги.

Дон Диего не переставая молотил змею, вбивая ее в мягкую землю. Женщина отвернулась, и ее стошнило. Но Хантеру было не до того. Когда Лазю закричала, он тут же развернулся в ту сторону, куда ушли испанцы.

Сансон и Мавр последовали его примеру.

— Они услышали? — спросил капитан.

— Не знаю, но рисковать нельзя, — отозвался Сансон.

Последовало длительное молчание, нарушаемое лишь звуками рвоты. Лазю продолжало тошнить.

— Ты заметил, они несли подстилки и еду?

Хантер кивнул. Картина была ясна. Касалья послал солдат на гору в качестве дозорных. Они должны были следить, нет ли пиратов на суше, заодно осматривать горизонт, не приближается ли «Кассандра». Одного-единственного выстрела из мушкета будет достаточно, чтобы гарнизон крепости насторожился. С наблюдательного поста испанцы увидят «Кассандру» за много миль.

— Я все улажу, — сказал Сансон и чуть заметно улыбнулся.

— Возьми с собой Мавра, — велел Хантер.

Двое мужчин неслышно двинулись прочь, вверх по склону, следом за испанцами.

Чарльз повернулся к Лазю. Женщина, белая как мел, вытирала рот.

— Я готова идти, — кое-как проговорила она.

Хантер, дон Диего и Лазю взвалили снаряжение на плечи и зашагали вниз.

Теперь они шли вдоль реки, впадающей в бухту. Когда каперы только натолкнулись на нее, этот узкий ручей можно было без труда перешагнуть. Но вскоре он сделался шире, а джунгли на его берегах стали густыми и непролазными.

На первый патруль они наткнулись ближе к вечеру. Восемь испанцев, все при оружии, бесшумно подними

лись вверх по реке на баркасе. Эти военные люди, изго-
товившиеся к схватке, были серьезны и мрачны.

Когда сгустилась ночь, высокие деревья, растущие
вдоль реки, сделались иссиня-зелеными, а вода в реке —
черной и гладкой, словно зеркало, не считая ряби, кото-
рую время от времени оставлял проплывающий кроко-
дил. Но патрули теперь были повсюду. Они размеренно
двигались, неся с собой факелы. Вверх по реке поднялось
еще три баркаса, нагруженные солдатами. Пламя их фа-
келов отражалось в воде.

— Касалья не дурак,— заметил Сансон.— Нас ждут.

До крепости Матансерос оставалось всего несколько
сотен ярдов. В темноте вырисовывались высокие камен-
ные стены. Внутри крепости и снаружи кипела бурная
деятельность. Внешний периметр обходили воору-
женные отряды по двадцать солдат в каждом.

— Ждут нас или нет, но придется следовать плану,—
отозвался Хантер.— Атакуем нынешней ночью.

Глава 23

Эндерс, цирюльник, хирург и истинный мастер морского дела, стоял у штурвала «Кассандры» и смотрел на небольшие буруны. Они делались серебряными и разбивались о риф Бартонс-кей в сотне ярдов от гавани. На горизонте маячила громада Матансероса.

С кормы подошел матрос и сообщил:

— Склянка перевернута.

Эндерс кивнул. С наступления сумерек прошло пятнадцать склянок, то есть сейчас было около двух часов ночи. С севера дул ветер, довольно свежий, в десять узлов. С этим попутным ветром Эндерс мог довести «Кассандру» до острова за час.

Он прищурился и взглянул на силуэт горы Лерес. Эндерс не мог отсюда увидеть гавань Матансерос. Ему требовалось обогнуть южную оконечность острова. Лишь после этого стали бы видны крепость и галеон, который, как надеялся Эндерс, все еще стоит в гавани.

Но тогда он окажется и в пределах досягаемости пушек Матансероса, если только Хантер с отрядом не заставят их умолкнуть.

Эндерс посмотрел на экипаж, стоящий на открытой палубе «Кассандры». Никто не разговаривал. Все молча смотрели на приближающийся остров. Каперы знали, что поставлено на карту и чем они рискуют. Через час каждый

станет либо невообразимо богатым, либо почти наверняка мертвым.

В сотый раз за ночь Эндерс подумал о том, что же случилось с Хантером и его отрядом. Где они сейчас?

В тени каменных стен Матансероса Сансон куснул золотой дублон и передал его Лазю. Та тоже сжала зубами монету, потом передала ее Мавру. Хантер наблюдал за безмолвным ритуалом, который, как верили каперы, должен был принести им удачу в налете. В конце концов дублон дошел до него. Капитан укусил мягкий металл, а потом, под взглядами спутников, швырнул монету через правое плечо.

Не говоря ни слова, все пятеро разошлись в разные стороны.

Хантер с доном Диего крадучись направились на север вдоль периметра крепости, часто останавливаясь, чтобы пропустить патрули. С плеча у каждого свисали мотки веревки и «кошки». Чарльз взглянул на высокие каменные стены Матансероса. Их верхний край был намеренно сделан гладким, закругленным, чтобы труднее зацепиться крюком. Но строительное искусство испанцев оставляло желать лучшего, и Хантер был уверен в том, что его «кошки» опору найдут.

Добравшись до северной стены крепости, дальше всего отстоящей от моря, они остановились. Через десять минут мимо прошел патруль, позвякивая в ночной тишине доспехами и оружием.

Хантер с доном Диего подождали, пока солдаты скроются из виду. После этого капитан рванул вперед и швырнул «кошку» через стену. Послышалось негромкое звяканье. Металл обо что-то ударился внутри. Чарльз дернул веревку, крюк вылетел обратно и упал на землю рядом с ним. Хантер выругался и стал ждать, прислушиваясь.

Не слышно было ни звука. Ничто не указывало на то, что его кто-то заметил. Чарльз снова забросил «кошку» так, чтобы та пролетела над стеной повыше, дернул и вынужден был отскочить, когда железяка полетела обратно.

Хантер предпринял третью попытку. На этот раз «кошка» зацепилась, но вслед за этим он услышал шум другого патруля. Капитан поспешно вскарабкался на стену, тяжело дыша и хватая воздух ртом. Его подгонял шум, поднимаемый солдатами в доспехах. Чарльз добрался до парашюта, перевалился через него и втянул веревку за собой. Дон Диего спрятался обратно в подлесок.

Патруль прошел мимо.

Хантер сбросил веревку, и дон Диего вскарабкался наверх, что-то бормоча и ругаясь по-испански. Силой он не отличался. Ему казалось, что подъем продолжался бесконечно. Однако же в конце концов он добрался до верха. Капитан перетащил его через край, потом втянул веревку. Двое мужчин прижались к холодному камню и огляделись по сторонам.

Матансерос был погружен в темноту и безмолвие. Во мраке вырисовывались ряды палаток, где спали сотни человек. Близость такого количества врагов вызывали странное нервное возбуждение.

— Стражники? — шепотом спросил Еврей.

— Не вижу никого, — отозвался Хантер. — Кроме воинов.

На противоположной стороне крепости у пушек стояли двое часовых. Но они обязаны были наблюдать за морем, не приближаются ли какие корабли.

Дон Диего кивнул.

— Должна быть охрана у склада боеприпасов.

— Наверное.

Они находились почти точно над деревянной постройкой, которая, как предположила Лазю, и была тем самым складом, но с этого места не видели входа.

— Нам сперва туда,— сказал Еврей.

У них не было с собой взрывчатки — только запалы.

Порох они намеревались позаимствовать прямо в складе крепости.

Хантер бесшумно соскользнул в темноте на землю. Дон Диего, подслеповато щурясь, последовал за ним. Они обошли здание.

Никакой охраны у входа было не видеть.

— Внутри? — прошептал Еврей.

Хантер пожал плечами, на мгновение застыл, прислушиваясь, сбросил сапоги и осторожно приоткрыл дверь. Он оглянулся и увидел, что дон Диего тоже разувается. Затем капитан проскользнул внутрь.

Изнутри склад был обшит медными листами. Несколько тщательно защищенных свечей заливали его теплым рыжеватым светом. Помещение выглядело странно призрачным, несмотря на ряды бочонков с порохом и мешков, уложенных штабелями. В них тоже был порох, но особый, запальный, о чем свидетельствовали подобные красные ярлыки. Хантер беззвучно двинулся вперед по медному полу. Он никого не увидел, но услышал шепот, доносящийся неизвестно откуда.

Капитан тихо двигался между бочонками, осматриваясь и в конце концов увидел солдата, который спал, прислонившись к бочке с порохом. Хантер врезал ему по голове, испанец всхрипнул и затих.

Неслышно подошел Еврей, оглядел помещение и прошептал:

— Великолепно.

Они немедленно принялись за работу.

Если обитатели крепости спали и безмолвствовали, то команда галеона, разместившаяся в поселке из грубых каменных бараков, буйствовала. Сансон, Мавр и Лазю проскользнули в городку. Через открытые окна в желтом свете фона-

рей они видели, как солдаты пьянствуют и играют. Какой то пьяный, спотыкаясь, вышел на улицу, налетел на Сансона, извинился, и его стошнило прямо на деревянную стену. Каперы двинулись дальше, к баркасу, привязанному у берега реки.

Днем пристань не охранялась, но теперь там оказались трое солдат. Они негромко переговаривались в темноте и выпивали. Солдаты сидели на краю пристани, свесив ноги в воду. Их тихие голоса сплетались с плеском воды о сваи. Испанцы расположились спиной к пиратам, но приблизиться к ним бесшумно было невозможно из-за скрипа досок.

— Давайте я, — предложила Лазю, снимая блузу.

Она спрятала кинжал за спину и, обнаженная до пояса, зашагала по пристани, насвистывая веселенький мотивчик.

Один солдат обернулся.

— Кве паса ка? — возмутился он и поднял фонарь.

Когда он как следует разглядел то, что ему, должно быть, показалось видением, то есть женщину с голой грудью беззаботно шагающую к нему, глаза у него округлились.

— Мадре де диос, — пробормотал испанец.

Женщина улыбнулась ему. Он ответил ей тем же — мгновение до того, как ее оружие прошло между ребрами и вонзилось ему в сердце.

Остальные два солдата уставились на женщину с окровавленным кинжалом. Они были настолько потрясены, что почти не оказали сопротивления, когда Лазю убила их. Кровь испанцев брызнула на ее голую грудь.

Сансон и Мавр перебежали пристань, перепрыгнув через трупы. Лазю натянула блузу. Сансон забрался в баркас и тут же погреб к корме галеона. Мавр перерезал канавки у остальных лодок, оттолкнул их от пристани, и они принялись тихонько дрейфовать по бухте. Потом Мавр и Лазю сели в лодку и поплыли к носу корабля с сокровищами. Никто из них не произнес ни слова.

Лазю поплотнее запахнула блузу. Ткань промокла от крови солдат. Женщину бил озноб. Она стояла в баркасе и смотрела на приближающийся галеон, а Мавр греб, быстро и сильно.

Корабль был большим, почти сто сорок футов в длину, поэтому значительная его часть терялась в темноте. Лишь несколько факелов обозначали контуры судна. Лазю взглянула вправо и увидела Сансона, гребущего в противоположную от них сторону, к корме. Его силуэт вырисовывался на фоне огней буйного поселка. Лазю повернулась, посмотрела налево, на серую полосу крепостных стен, и подумала, как там Хантер с Евреем. Они уже забрались в крепость или еще нет?

Хантер смотрел, как Еврей осторожно наполнял пороком кишки опоссума. Процесс казался бесконечным, но Диго отказывался поторопиться. Он присел на корточки посреди склада, рядом со вскрытым мешком пороха, и негромко напевал что-то себе под нос.

— Долго еще? — спросил Хантер.

— Совсем нет, — отозвался Еврей с беззаботным видом. — Это будет очень красиво, — сообщил он. — Вот увидите. Все получится просто прекрасно.

Набив кишки, он нарезал их на куски разной длины и прятал в мешочек.

— Ну вот. Теперь можно начинать.

Через мгновение они вышли из склада, согнувшись под тяжестью прихваченных пороховых зарядов, крадучись пересекли главный двор крепости и остановились под массивным каменным парапетом, на котором были размещены пушки. Оба наблюдателя по-прежнему находились там.

Еврей ждал внизу с порохом. Хантер взобрался на парапет и убил испанцев. С одним он справился совсем бесшумно, второй лишь испустил тихий стон, опускаясь на землю.

— Диего! — прошипел Хантер.

Еврей появился на парاپете, оглядел пушки, потыкал в ствол банником.

— Восхитительно, — прошептал он. — Они уже заряжены. Мы получим редкостное удовольствие. Ну-ка, помогите мне.

Дон Диего засунул в жерло второй мешок с порохом.

— Теперь ядро, — скомандовал он.

Хантер нахмурился.

— Но они же добавят еще одно, когда решат стрелять.

— Именно. Два пороховых заряда, два ядра. Пушки разорвет прямо у них на глазах.

Они быстро переходили от одной кулеврины к другой. Еврей добавлял второй заряд пороха, а Хантер совал в жерло ядро. Опускаясь по стволу, оно тихо погромыхиало, но услышать этот шум было некому.

Когда они покончили с этим делом, Еврей сказал:

— Теперь у меня есть еще дела. А вы добавьте в ствол песок.

Хантер соскользнул с парапета, на ощупь отыскал песчаный участок и бросил в жерло каждой пушки по пригоршне песка. Еврей был умен. Даже если по какой-то случайности пушка выстрелит, песок собьет прицел и так изувечит ствол изнутри, что из этого орудия никогда уж нельзя будет целиться точно.

Капитан покончил с этим делом и увидел, что Еврей склонился над лафетом одной из пушек и копошился под стволом.

Потом он разогнулся и сообщил:

— Это последняя.

— Что вы сделали?

— Заложил туда фитили. От жара выстрела огонь перекинется по ним на заряд под лафетом. — Он улыбнулся в темноте. — Это будет изумительно.

Ветер изменился, и корма галеона развернулась к Сансону. Француз привязал баркас к золоченому брусу транца и полез по переборке к капитанской каюте. До него доносилось негромкое пение. Сансон услышал непристойные куплеты на испанском, но не смог определить, откуда исходит песня. Она словно плыла по воздуху, ускользающая и расплывчатая.

Сансон пробрался через оружейный порт в капитанскую каюту, оказавшуюся пустой. Он вышел на батарейную палубу и спустился через люк на другую, спальную. Там тоже никого не было. Француз взглянул на пустые гамаки, тихонько раскачивавшиеся в такт движению судна. Десятки гамаков и ни следа экипажа.

Сансону это не понравилось. Отсутствие охраны заставило его подумать о том, что здесь нет и сокровищ. Сейчас он боялся того же, чего и все каперы, хотя они никогда не говорили об этом вслух. Испанцы могли снять с корабля все ценности и спрятать их где-то в другом месте, возможно в крепости. Если это и вправду так, то все их планы тщетны.

Сансон надеялся застать на борту сокращенный, но все-таки многочисленный экипаж и охрану. Он прошел на корму, в камбуз, и приободрился. Здесь тоже было пусто, но имелись следы недавней готовки — тушеная говядина в большом котле, какие-то овощи, надрезанный лимон, катавшийся взад-вперед по деревянной столешнице.

Сансон покинул камбуз и двинулся дальше. В отдалении послышался возглас часового, приветствовавшего Лазю и Мавра.

Они привязали свой баркас у трапа, спущенного посередине борта галеона.

Часовой, стоявший на палубе, перегнулся через борт и помахал рукой.

— Квеста файре? — крикнул он.

— Мы привезли ром, — негромко отозвалась Лазю. — Подарок от капитана.

- Неужели?
- У него сегодня день рождения.
- Браво!

Часовой улыбнулся и отступил назад, давая Лазю подняться. Потом он заметил кровь на ее волосах и блузу и на миг в глазах его вспыхнул ужас. Нож тут же пронесся по воздуху и вонзился ему в грудь. Часовой в изумлении вцепился в его рукоятку. Он силился было что-то сказать, но не смог и рухнул на палубу.

Мавр поднялся на борт и крадучись двинулся вперед к четверем солдатам, игравшим в карты. Лазю за ним не следила, она отправилась вниз. В переднем отсеке спали десять солдат. Женщина тихонько прикрыла дверь и заперла на засов.

В соседней каюте сидели еще пятеро солдат. Они пили и пили. Лазю осторожно заглянула внутрь и увидела, что они вооружены пистолетами. Ее собственные были заткнуты за пояс. Она не собиралась стрелять, кроме как при крайней необходимости.

Лазю подождала под дверью, через несколько мгновений рядом с ней возник Мавр. Женщина указала на каюту, чернокожий гигант покачал головой. Они остались у двери.

Через некоторое время один солдат заявил, что у него сейчас лопнет мочевой пузырь, и вышел из каюты. Стоило ему шагнуть за порог, как Мавр огрел его по голове кофель-нагелем. Испанец с глухим стуком рухнул на палубе всего в нескольких шагах от каюты.

Остальные солдаты услышали шум, оглянулись и увидели ноги сотоварища в пятне света, падающем из двери.

— Хуан!

Упавший не шевелился.

— Выпил лишку,— сказал кто-то.

Испанцы вернулись к игре в карты, но вскорости один из них начал беспокоиться о Хуане и пошел взглянуть

на него. Лазю перерезала ему глотку, а Мавр ворвался в палату и принялся размашисто работать кофель-нагелем. Солдаты попадали, не успев издать ни звука.

Тем временем в кормовой части Сансон покинул камбуз, двинулся дальше и налетел напрямиком на испанского солдата. Тот оказался пьян, в руке у него был кувшин с ромом. Он расхохотался, столкнувшись с французом в темноте.

— Ты меня здорово напугал! — сказал солдат на родном языке. — Я думал, тут никого нет.

Потом он придвинулся, разглядел мрачное лицо Сансона и не узнал его. Испанец успел удивиться, прежде чем руки противника сомкнулись на его горле.

Сансон спустился по другому трапу на спальную палубу, добрался до кладовых и обнаружил, что все они накрепко заперты и закрыты на засовы. Все замки были печатаны. Француз нагнулся, чтобы хоть что-то разглядеть в темноте. На желтом воске отчетливо виднелась печать монетного двора города Лимы, корона и якорь. Так, значит, здесь находилось серебро из Новой Испании. Сердце Сансона забилося быстрее.

Он вернулся на верхнюю палубу, к кормовой рубке, туда, где был установлен штурвал. До него вновь донеслось приглушенное пение, но по-прежнему нельзя было определить, откуда же оно раздавалось. Он застыл и прислушался.

Тут пение прервалось, и кто-то с беспокойством спросил:

— Кэ паса? Кэ эста ву?

Сансон поднял голову. Конечно! В «вороньем гнезде» на грот-мачте стоял человек и смотрел на него сверху вниз.

— Кэ эста ву? — сердито повторил он.

Сансон знал, что наблюдатель не может оттуда толком разглядеть его. Он отступил в тень.

— Кэ? — переспросил испанец, сбитый с толку.

Француз в темноте извлек свой арбалет, натянул стальную лучок, вставил стрелу и прицелился. Испанец, раздраженно ругаясь, лез вниз по вантам.

Сансон выстрелил.

Сила удара сшибла испанца с вант. Тело отлетело на дюжину ярдов в темноту и свалилось в воду. Негромкий плеск — и ни звука более.

Сансон крадучись прошел через пустую корму, удостоверился в том, что он здесь один, и взялся за штурвал. Через мгновение на носу появились Лазю с Мавром. Они заметили Сансона, помахали ему и улыбнулись.

Корабль принадлежал им.

Хантер с доном Диего вернулись на склад и приделали длинный фитиль к бочонкам с порохом. Теперь они работали быстро, ибо к тому моменту, как каперы покинули пушки, небо над их головами уже начало светлеть.

Дон Диего расставил бочонки небольшими группами по всему складу.

— Так лучше, — шепотом объяснил он. — Иначе буди только один взрыв, а это не то, что нам нужно.

Он разбил два бочонка, рассыпал черный порошок на полу, а потом, удовлетворившись содеянным, поджег фитиль.

Тут снаружи, с крепостного двора донесся крик, и ним — еще один.

— Что там? — спросил Диего.

Хантер нахмурился.

— Возможно, они нашли мертвого часового, — отозвался он.

Через мгновение во дворе раздались новые вопли, за ними — топот.

Одно слово повторялось раз за разом: «Пираты! Пираты!»

— Наверное, наш корабль вошел в пролив,— сказал капитан и бросил взгляд на фитиль, который шипел и потрескивал в углу склада.

— Может, затушить его? — спросил Диего.

— Не надо. Пусть горит.

— Нам нельзя здесь оставаться.

— Через несколько минут во дворе начнется полная паника. Тогда мы скроемся.

— Тогда лучше пускай этих минут будет поменьше,— пробормотал Диего.

Крики во дворе сделались громче. Теперь там топотали буквально сотни ног, как будто по тревоге поднялся весь гарнизон.

— Они проверят склад,— с тревогой заявил Диего.

— В конце концов — да,— согласился Хантер.

Тут дверь распахнулась, в помещение вступил Касалья со шпагой в руке и увидел пиратов.

Хантер схватил палаш из стойки у стены. Там их было множество.

— Диего, беги! — шепотом скомандовал он.

Едва клинки Касальи и Хантера соприкоснулись, Еврей опрометью вылетел за дверь. Противники принялись кружить по складу.

Капитан пятился.

— Англичанин! — со смехом произнес Касалья.— Я полюблю тебя на куски и скормлю собакам!

Хантер не ответил. Он взвешивал палаш в руке, приравливаясь к непривычному весу, примерялся к гибкости клинка.

— Твои яйца подадут на ужин моей любовнице,— не вынимался Касалья.

Они продолжали настороженно кружить. Чарльз уволок противника прочь из склада, подальше от шипящего и потрескивающего фитиля. Испанец так его и не заметил.

— Тебе страшно, англичанин?

Хантер отступил почти к самой двери. Касалья ринулся вперед. Капитан отбил удар, продолжая отступать. Испанец повторил выпад. Хантер попятился и шагнул наружу.

— Англичанин, ты — вонючий трус!

Теперь они оба находились во дворе. Чарльз наконец то вступил в ближний бой, и его противник расхохотался от удовольствия. Несколько мгновений они дрались молча, но Хантер продолжал уводить врага прочь от склада.

Вокруг бегали и орали солдаты гарнизона. Каждый из них в любое мгновение мог убить Хантера сзади. Опасность была огромна, а Касалья внезапно осознал, что именно он делал его противник.

Он прервал схватку, отступил на шаг и оглянулся на склад.

— Ах ты английский сукин сын!..

Касалья кинулся к складу. В этот самый миг раздался первый взрыв. Склад поглотило клубящееся белое пламя и испепеляющий жар.

Экипаж «Кассандры», идущей по узкому проливу, увидел этот взрыв и разразился радостными воплями. Но Эндес, стоявший у штурвала, нахмурился. Пушки Митансероса по-прежнему были на месте. Он видел их длинные стволы, торчащие из бойниц, проделанных в каменной стене. В красном свете пожара было отчетливо видно, как артиллеристы суетятся у пушек, готовят их к стрельбе.

— Господи, помоги! — взмолился Эндерс, когда «Кассандра» находилась напротив береговой батареи. — По мортам, парни! — крикнул он. — Сейчас нам испанцы влетят!

Лазю и Мавр, стоявшие на баке галеона, тоже увидели этот взрыв и «Кассандру», идущую по проливу против ветра, прямо напротив крепости.

— Матерь Божья! — выдохнула Лазю. — Они не упривились с пушками. Орудия уцелели!

В этот момент Еврей уже выбрался за пределы крепости и мчался к воде. Он не остановился, когда склад взорвался с ужасающим грохотом, не подумал, не остался ли Хантер внутри. Дон Диего вообще сейчас ни о чем не думал, мчался к воде, и его легкие разрывались от боли.

Хантер оказался заперт в крепости. Испанские патрули, находившиеся снаружи, потоком хлынули в западные ворота, и этот путь бегства был закрыт для него. Касалья исчез. Капитан помчался на восток от склада, к невысокому каменному зданию, намереваясь взобраться на его крышу и оттуда перелезть через стену.

Когда он добежал до этого здания, на него напали четверо солдат. Орудуя палашами, они загнали его к двери. Хантер заскочил внутрь и заперся. Дверь была массивной. Как солдаты по ней ни колотили, все было безрезультатно.

Хантер огляделся, выясняя, куда его занесло. Это были уютно обставленные покои, принадлежавшие Касалье. В кровати лежала темноволосая девушка. Она натянула покрывало до подбородка и в ужасе уставилась на Хантера, когда тот метнулся через комнату к заднему окну.

Он находился на полпути, когда девушка спросила по-английски:

— Вы кто?

Хантер в изумлении остановился. У этой девицы был резкий аристократический выговор.

— А вы сами кто такая, черт подери?

— Я — леди Сара Элмонт, недавно прибывшая из Лондона, — ответила она. — Я пленница здесь.

У Хантера отвисла челюсть.

— Э-э... оденьтесь, мадам, — попросил он.

Но тут оконное стекло разлетелось вдребезги, и на пол прыгнул Касалья со шпагой в руках. От последствий удара он сделался серо-черным. Девушка закричала.

— Одежда, мадам! — бросил Хантер, скрестив клинки испанцем.

Он успел заметить, как девушка торопливо натягивала пышное белое платье.

Касалья тяжело дышал. Им владело безрассудство ярости и что-то еще, быть может страх.

— Англичанин! — выплюнул он, намереваясь бросить очередное ругательство.

В этот самый момент Хантер метнул свой палаш. Клинок вонзился Касалье в горло. Испанец закашлялся и отлетел в кресло, стоявшее у тяжелого резного стола. Он наклонился, схватился за рукоять палаша. Со стороны казалось, будто он рассматривал карты, лежащие на столе и заливаемые кровью. Касалья издал булькающий звук и рухнул.

— Идем, — произнесла женщина.

Хантер помог ей выбраться из окна. На труп Касальи он даже не оглянулся.

Они встали на северном парапете. До земли — твердой, поросшей редким кустарником — было тридцать футов. Леди Сара вцепилась в Хантера.

— Здесь слишком высоко! — воскликнула она.

— А что делать? — отозвался капитан и толкнул ее.

Женщина взвизгнула и рухнула вниз. Хантер оглянулся и увидел, что «Кассандра» вошла в пролив и находится ровно напротив главной батареи крепости. Артиллерийские расчеты изготовились к стрельбе. Капитан спрыгнул со стены. Девушка все еще лежала на земле, держа за лодыжку.

— У вас что-то с ногой?

— Надеюсь, ничего серьезного.

Хантер помог ей подняться и закинул ее руку себе на плечо. Так, поддерживая девушку, он побежал с ней к воде. Они услышали, как испанцы начали стрелять по «Кассандре».

Пушки Матансероса палили друг за дружкой, с промежутком в секунду. Одна за другой, с минимальным перерывом, они выстрелили, выплюнув в воздух горячий по

рох и обломки бронзы и заставив артиллеристов нырнуть куда попало в поисках укрытия. Одна за другой огромные пушки откатывались назад от отдачи и застывали.

Артиллеристы медленно поднялись на ноги и в изумлении приблизились к пушкам. Они оглядели взорванные запальные отверстия и принялись взволнованно переговариваться.

Потом пушечные лафеты один за другим взорвались, разметав в разные стороны щепки и сбросив орудия на борт.

В каких-нибудь пятистах футах от берега «Кассандра», целая и невредимая, вошла в гавань.

Дон Диего, вопя во все горло, забежал в воду, навстречу шлюпу, идущему к нему. Несколько ужасных мгновений ему казалось, что его не заметят, но затем нос судна развернулся влево. Кто-то перегнулся через борт, и сильные руки вытащили его, мокрого до нитки, на палубу. Какой-то капер сунул ему фляжку с ромом, другой хлопнул его по спине и расхохотался.

Диего огляделся.

— А где Хантер? — спросил он.

Капитан тем временем в свете утренней зари бежал вместе с девушкой к берегу, к восточной оконечности Матансероса. Сейчас они находились под самыми крепостными стенами. Прямо над ними располагались стволы нескольких пушек, торчащие в небо под странными углами, разноразной.

Беглецы остановились у кромки воды, чтобы перевести дыхание.

— Вы плавать умеете? — спросил Хантер.

Девушка покачала головой.

— Совсем-совсем?

— Клянусь.

Чарльз взглянул на корму «Кассандры», идущей по приливу к галеону.

— Бежим,— велел он, и они метнулись к гавани.

Эндерс, мастер морского дела, изящно поставил «Кассандру» бок о бок с галеоном. Тут же почти все каперы перепрыгнули на борт более крупного судна. Эндерс и сам перешел на галеон, где увидел Лазю и Мавра, державшихся за леерное ограждение.

Сансон стоял у штурвала.

— Прошу, сэр,— с поклоном произнес француз и передал управление Эндерсу.

— Надеюсь, ты не против, дружище? — поинтересовался тот и тут же задрал голову, глядя наверх, на ванты, по которым уже карабкались моряки.

— Поднять фор-марс! Поставить кливер!

Паруса развернулись, и большой корабль начал двигаться.

Небольшая команда, оставшаяся на «Кассандре», привязала нос шлюпа к корме галеона и привела паруса к ветру.

Эндерс не обратил никакого внимания на маленькое судно, двинувшееся следом за трофейным. Он думал только о галеоне.

Моряки налегли на кабестан, подняли якорь. Огромный корабль зашевелился.

Эндерс покачал головой.

— Вот ведь тяжелый в управлении сучий сын,— заметил он.— Двигается как корова.

— Но он поплывет,— сказал Сансон.

— Да, поплывет, если это можно так назвать.

Галеон шел на восток, к выходу из гавани. Эндерс теперь смотрел на берег, выискивая Хантера.

— Вон он! — крикнула Лазю.

Капитан и в самом деле стоял на берегу, рядом с какой-то женщиной.

— Можешь остановить корабль? — взволнованно спросила Лазю.

Эндерс покачал головой.

— Тогда мы потеряем ветер,— отозвался он.— Бросай веревку.

Мавр уже сделал это. Конец каната упал на берег. Хантер и девушка ухватились за него. Их тут же сбило с ног и поволокло в воду.

— Поднимайте-ка этих голубчиков побыстрее, пока они не утонули,— велел Эндерс, но на лице его играла ухмылка.

Девушка и вправду чуть не утонула. Потом она еще несколько часов не могла прокашляться. Но Хантер пребывал в превосходном настроении. Он немедленно принял командование и вывел судно с сокровищами, связанное с «Кассандрой», в открытое море.

К восьми утра дымящиеся развалины Матансероса остались далеко за кормой. Чарльз, успевший изрядно напиться, размышлял над тем, что теперь он прославится как командир самой невероятной каперской вылазки со времен нападения Дрейка на Панаму, состоявшегося столет назад.

Глава 24

Каперы все еще находились в испанских водах и быстро шли на юг под всеми парусами, сколько их удалось поставить, до единого дюйма. Обычно галеон нес целую тысячу человек, из них две сотни, а то и больше составляла команда. У Хантера же их было всего семьдесят, включая пленных.

Почти все испанские солдаты были пехотинцами из гарнизона, а не моряками. Им не только нельзя было доверять — они еще и ничего не умели. Команде Хантера пришлось трудиться не покладая рук, чтобы управиться с парусами и такелажем.

Капитан допросил пленных на своем ломаном испанском. К середине дня он уже достаточно много знал о судне, которым теперь командовал. Это был нао «Нуэстра Сеньора де лос Ревес, Сан-Фернандо и Сан-Франциско де Паула», водоизмещением в девятьсот тонн, построенный в Генуе. Капитаном его прежде являлся Хосе дель Виллар де Андраде, а владельцем — Маркес де Канада. Подобно всем испанским галеонам, которым давалось чрезвычайно громоздкое имя, у этого корабля имелось еще и прозвище — «Эль Тринидад». Происхождение оно было неясным.

«Эль Тринидад» строился с таким расчетом, чтобы он мог нести пятьдесят пушек. Но после официального от-

плытия из Гаваны, случившегося в прошлом августе, корабль остановился у кубинского побережья, и значительную часть орудий с него сняли, чтобы он мог нести больше груза. Сейчас на галеоне имелось всего тридцать две двенадцатидюймовые пушки.

Эндерс задумчиво обошел корабль и объявил его годным для плавания, но отвратительно грязным. Теперь группа пленных очищала трюмы от мусора.

— А еще он течет, — добавил капитан.

— Сильно?

— Не очень, но корабль старый, и за ним глаз да глаз нужен. О нем не очень-то заботились.

— Как он на ходу?

— Как беременная корова, но мы доберемся, если погода будет хорошей и обойдется без неприятностей. По правде говоря, могло бы быть и лучше.

Хантер кивнул. Он прошелся по палубе и взглянул на паруса. Полностью оснащенный «Эль Тринидад» нес четырнадцать разных типов парусов. Даже самая простая задача — скажем, отдать рифы на топселе — требовала почти дюжину пар крепких рук.

— Если море будет бурное, то нам придется убрать все паруса до единого, — сказал Эндерс, покачав головой.

Хантер знал, что тот прав. В шторм ему не останется ничего иного, как убрать на галеоне все паруса и нестись по воле волн, хотя для такого крупного судна это было опасно.

Но еще сильнее его беспокоила возможность подвергнуться атаке. Кораблю, на который напали, требуется маневренность, а Хантеру отчаянно не хватало людей, чтобы управляться с «Эль Тринидадом».

Кроме того, имелась проблема с артиллерией.

Тридцать две двенадцатидюймовые пушки галеона были датскими, довольно новыми, все в хорошем состоянии. Совокупно они представляли собою вполне прием-

лемое — если не сказать грозное — средство обороны. Такая огневая мощь приравнивала «Эль Тринидад» к линейному кораблю третьего класса. Можно было ожидать, что галеон управится с кем угодно, кроме более крупных вражеских кораблей. То есть мог бы управиться, будь у Хантера люди, умеющие обращаться с этими пушками, а их-то у него и не было.

Эффективный артиллерийский расчет, способный во время сражения за одну минуту зарядить пушку, выкатить ее на позицию, прицелиться и выстрелить, состоял из пятнадцати человек, не считая командира орудия. С учетом возможных потерь и обычной усталости — люди быстро утомляются, когда им приходится толкать две с половиной тонны горячей бронзы! — каждый ствол обычно обслуживали от семнадцати до двадцати человек. Даже если одновременно будет стрелять только половина пушек, то Хантеру требовалось примерно двести двадцать человек только на то, чтобы управляться с ними. Ему было совершенно некого выделить на это. Людей не хватало даже на работу с парусами.

Итак, капитану предстояло иметь дело со следующими фактами. Под его началом находилась всего одна десятая часть той команды, которая требовалась ему для ведения морского сражения, и одна треть от того, что было нужно, чтобы пережить сильный шторм. Смысл был ясен. Беги от драки и ищи укрытие, прежде чем начнется буря.

Беспокойство выразил вслух Эндерс.

— Хотелось бы мне, чтобы мы могли идти под всеми парусами, — произнес он и взглянул наверх.

В данный момент на «Эль Тринидад» не были подняты бизани, четырехугольные шпринтовые паруса и брам-сели.

— Какая у нас скорость? — спросил Хантер.

— Не больше восьми узлов, хотя следовало бы идти вдвое быстрее.

— Да, убежать от другого корабля непросто,— заметил Хантер.

— Или от бури,— отозвался Эндерс.— Может, затопить шлюп? Вы об этом не думали?

Хантер уже размышлял над этой возможностью. Десять человек, остававшиеся сейчас на «Кассандре», стали бы подспорьем на более крупном судне, но не слишком большим. Нехватка рабочих рук на «Эль Тринидаде» все равно сохранилась бы. Кроме того, шлюп сам по себе представлял немалую ценность. Если сохранить свой корабль, то испанский галеон можно будет продать в Порт-Ройяле кому-нибудь из торговцев или капитанов, выручив на аукционе немалую сумму. Если же включить его в королевскую десятину, то тем самым удастся серьезно уменьшить количество слитков или других ценностей, которым предстоит отойти к Карлу.

— Нет,— в конце концов отозвался Хантер.— Я хочу сохранить свой корабль.

— Что ж, мы можем облегчить эту корову,— предложил Эндерс.— На борту куча мертвого груза. Нам не пригодится ни бронза, ни баркасы.

— Я знаю,— сказал Чарльз.— Но мне до тошноты не хочется видеть нас беззащитными.

— Но мы такие и есть,— возразил Эндерс.

— Я знаю,— повторил капитан.— Но в данный момент нам придется рискнуть и положиться на провидение. Авось оно дарует нам безопасное возвращение. Расклад на нашей стороне, особенно если нам удастся выйти в южные моря.

В этом и заключался план Хантера — спуститься до Малых Антильских островов, а потом плыть на запад, через обширное пустое пространство Карибского моря меж-

ду Венесуэлой и Санто-Доминго. Здесь вероятность встретить испанское военное судно была невелика.

— Я не из тех, кто полагается на провидение,— мрачно отозвался Эндерс.— Но будь по-вашему.

Леди Сару Элмонт разместили в каюте на корме. Хантер обнаружил ее в обществе Лазю, которая с нарочито невинным видом помогала девушке расчесывать волосы.

Хантер велел ей выйти. Та повиновалась.

— Но мы так приятно проводили время! — запротестовала леди Сара, когда дверь за Лазю закрылась.

— Мадам, я опасаюсь, что Лазю имеет виды на вас.

— Но он выглядит таким благовоспитанным,— отозвалась девушка.— У него такое нежное прикосновение.

— Внешность часто бывает обманчива,— заявил Хантер, усаживаясь.

— Воистину! Я давно в этом убедилась,— согласилась леди Сара.— Я плыла на торговом корабле «Энтрепид». Им командовал капитан Тимоти Уорнер. Его величество был чрезвычайно высокого мнения о воинских качествах этого человека. Представьте себе мое удивление, когда я обнаружила, что при столкновении с испанским судном у капитана Уорнера затряслись колени — сильнее, чем у меня. Короче говоря, он оказался трусом.

— Что же случилось с кораблем?

— Его потопили.

— Касалья?

— Он самый. Меня захватили в качестве добычи. А судно Касалья расстрелял и утопил вместе с командой.

— Что, перебили всех? — переспросил Хантер, приподняв брови.

На самом деле это известие его особо не удивило, но данное происшествие становилось тем самым предлогом, в котором так нуждался сэр Джеймс для оправдания нападения на Матансерос.

— Я лично этого не видела,— ответила леди Сара.— Но полагаю, что да. Меня заперли в каюте. Потом Касалья захватил еще одно английское судно. Мне неизвестно, что случилось с этими людьми.

— Я предполагаю, что им удалось бежать,— слегка поклонившись, заявил Хантер.

— Может быть,— не стала спорить леди Сара, не подав виду, что поняла суть сказанного капитаном.— И что же дальше? Что ваши проходимцы сделают со мной? Если не ошибаюсь, я в руках пиратов?

— Чарльз Хантер, вольный капер,— к вашим услугам. Мы держим путь в Порт-Ройял.

Девушка вздохнула.

— Этот Новый Свет так сложен. Я даже не знаю, кому верить. Вы уж простите, если я буду относиться к вам с подозрением.

— Конечно, мадам,— отозвался Хантер, хотя эта ершистая особа, которой он спас жизнь, раздражала его.— Я зашел лишь затем, чтобы осведомиться, как ваша нога.

— Благодарю, уже лучше.

— Еще хочу спросить, все ли с вами в порядке... э-э... в прочих отношениях.

— В каких же? — сверкнула глазами леди Сара.— Может быть, вы хотите узнать, не управился ли испанец со мной, чтобы вы могли последовать его путем?

— Мадам, я вовсе не...

— Ну так я вас уверяю в том, что этот испанец не лишил меня ничего такого, чего я не утратила бы.— Девушка горько рассмеялась.— Но он это сделал на свой манер.

Внезапно она отвернулась. На ней было платье испанского покроя, с глубоким вырезом на спине, которое каперам удалось найти на галеоне. Хантер увидел на плечах девушки несколько уродливых рубцов.

Леди Сара резко повернулась лицом к нему.

— На случай, если вы вдруг по своей простоте ничего не поняли,— заявила она.— У меня имеются и другие трофеи, полученные при внезапной встрече с приближенным короля Филиппа в Новом Свете.

Она чуть-чуть приспустила платье, обнажив круглую красную отметину на груди. Девушка проделала это так быстро и так бесстыдно, что Хантер оказался захвачен врасплох. Он не привык к обществу высокородных женщин, состоявших при дворе Веселого монарха, и уж тем более не думал, что они ведут себя в точности так же, как их сестры-простолюдинки. На что же это похожа нынешняя Англия, а?

Леди Сара указала на красное пятно.

— Это ожог,— сообщила она.— У меня имеются и другие. Боюсь, после них останутся шрамы. Всякий, кто ни женился бы на мне, быстро узнает правду о моем прошлом.

Она взглянула на Хантера с вызовом.

— Мадам, я счастлив, что прикончил этого негодяя и ради вас тоже.

— Ах, как это по-мужски! — воскликнула леди Сара и разрыдалась.

Она всхлипывала, а капитан стоял и не мог понять, что же ему делать.

— Мадам...— промямлил он.

— Грудь была моей гордостью,— шмыгнув носом, сквозь слезы сообщила девушка.— Мне завидовали все женщины из лондонского высшего света. Неужели вы не понимаете?

— Мадам, прошу вас...

Чарльз полез было за носовым платком, но, увы, такого не было. Он остался в той изорванной одежде, в какой капитан вышел из стычки. Хантер оглядел каюту, заметил столовую салфетку и вручил ее леди Саре.

Девушка громко высморкалась.

— Я заклеимена, словно какая-то преступница! — воскликнула она, продолжая всхлипывать. — Я никогда больше не смогу носить модные платья! Я погублена!

Нет, это положительно было выше понимания Хантера. Она жива, в безопасности, ее везут к дяде. Чего она рыдает? Ее положение сейчас куда лучше, чем было на протяжении долгого времени. Неблагодарная и совершенно непонятная женщина.

Капитан молча налил ей вина из графина.

— Леди Сара, пожалуйста, не мучайте себя подобными мыслями.

Девушка приняла бокал, осушила его одним махом, не отрываясь, потом шмыгнула носом и вздохнула.

— В конце концов, моде свойственно меняться, — добавил Чарльз.

Это его замечание снова повергло девушку в слезы.

— Эти мужчины! — простонала она. — И все из-за того, что я отправилась навестить дядю! Ах я несчастная!

Раздался стук, и в дверь просунул голову какой-то матрос.

— Прошу прощения, капитан, но мистер Эндерс говорит, что через одну склянку покажется земля.

— Я должен вернуться на палубу, — заявил Хантер и вышел из каюты.

Леди Сара снова залилась слезами. Прикрывая за собой дверь, Хантер слышал ее рыдания.

Глава 25

Тем же вечером, когда корабли встали на якорь в бухте Константина, в тени невысокого, поросшего кустарником острова, экипаж **выбрал шестерых** своих членов, чтобы те вместе с Хантером и Сансоном приступили к подсчету сокровищ. Такое дело следовало считать весьма серьезным. Все прочие моряки в стельку **нахлебались** испанского рома, но эти восемь человек не брали в рот ни капли до тех самых пор, пока подсчеты не были завершены.

На трофейном корабле имелось два хранилища с сокровищами. В первом, когда его вскрыли, **обнаружилось** пять сундуков. Первый был заполнен жемчугом, не безукоризненным, но все-таки весьма ценным. Во второй грудой лежали золотые эскудо, тускло поблескивавшие при свете фонаря. Монеты старательно посчитали аж два раза и лишь после этого вернули обратно в сундук. Золото в те времена было большой редкостью. Его видел лишь один испанский корабль из сотни, поэтому каперы преисполнились ликования. В остальных трех сундуках оказались серебряные слитки из Мексики. По прикидкам Хантера, общая стоимость содержимого всех этих пяти сундуков превышала десять тысяч **фунтов стерлингов**.

Глубоко взволнованная счетная группа взломала второе хранилище. Там они нашли десять сундуков. Вооду-

шевление каперов взлетело еще выше — до тех пор, пока в первом вскрытом сундуке не обнаружились слитки с клеймом Перу, якорем и короной. Их поверхность была шероховатой, с радужным отливом.

— Что-то мне не нравится такой вид,— заметил Сансон.

Тут же были торопливо вскрыты остальные сундуки. Во всех лежало то же самое — серебряные слитки, отливающие радугой.

— Зовите Еврея,— распорядился Хантер.

Дон Диего, подслеповато щурящийся в полумраке трюма и икающий от испанского рома, сразу нахмурился при виде этих слитков.

— Мне кажется, что это неважная новость,— медленно произнес он.

Еврей велел принести весы, бочонок воды и серебряный слиток из первой сокровищницы.

Когда все было готово, он на глазах у счетной группы положил мексиканский серебряный слиток на одну чашу весов, а на другую — слиток из Перу. Знаток ювелирного дела перебрал несколько штук их, пока не нашел такой, который точно соответствовал бы по весу мексиканскому.

— Итак, начнем,— заявил дон Диего и отложил равные по весу слитки в сторону.

Он поставил бочонок перед собой и сперва опустил в него мексиканский слиток. Уровень воды чуть поднялся. Еврей отметил его, проведя кинжалом черту на деревянной стенке бочонка.

Потом он вынул слиток и бросил в бочонок серебро из Перу. Уровень воды не дошел до отметки.

— Что это значит, дон Диего? Это серебро?

— Отчасти,— ответил дон Диего.— Но не совсем. Оно не чистое. В нем присутствует какой-то другой металл, того же цвета, что и серебро, но более тяжелый.

— Свинец?

— Возможно. Но свинец — он тусклый, чего про эти слитки не скажешь. Я уверен, что в этом серебре примесь платины.

Эта новость была встречена столами. Платина! Они же ничего не стоят!

— Дон Диего, и много здесь этой самой платины?

— Не знаю. Чтобы сказать точно, мне нужны хорошие весы. Но думаю, не меньше половины.

— Чертовы доны! — воскликнул Сансон. — Они не только грабят индейцев, но и друг дружку обворовывают! Несчастный король этот Филипп, раз его так неприкрыто дурят.

— Дурят всех, кто носит корону, — отозвался Хантер. — Такая уж их королевская судьба. Но эти слитки все-таки кое-чего стоят. Самое меньшее — десять тысяч фунтов. Так что мы все-таки захватили огромное сокровище.

— Ну да, — не стал спорить Сансон. — Но подумайте только, каким оно могло бы быть!

На галеоне были и другие ценности, требовавшие подсчета. В трюмах хранилась всяческая утварь, ткани, кампешевое дерево, табак и специи, красный острый перец и чеснок. Все это можно было выставить на торги на пристанях Порт-Ройяла и выручить в совокупности значительную сумму — может, целых две тысячи фунтов.

Подсчет продолжался до глубокой ночи, затем счетная команда присоединилась к пирушке с пьяными песнями. Но ни Хантер, ни Сансон в ней не участвовали. Вместо этого они отправились в каюту капитана.

Француз с ходу перешел к делу:

— Как там женщина?

— Вспыльчивая, — отозвался Хантер. — Плачет то и дело.

— Но она не пострадала?

— Осталась в живых.

— Ее следует засчитать как часть королевской десятины,— заявил Сансон.— Или доли губернатора.

— Сэр Джеймс этого не допустит.

— Я уверен, что вы сумеете его убедить.

— Сомневаюсь.

— Вы спасли его единственную племянницу.

— У сэра Джеймса отличная деловая хватка. Золото он из рук не выпустит.

— А я думаю, что вы, ради интересов всей команды, должны постараться и подсказать ему правильный образ мыслей,— не унимался Сансон.

Хантер пожал плечами. Он уже размышлял над этим и намеревался обсудить вопрос с губернатором.

Но Чарльз совершенно не желал что-либо обещать Сансону.

Француз налил вина.

— Ну что ж,— сердечно произнес он.— Мы отлично потрудились, дружище. Какие у вас планы насчет обратного пути?

Хантер в общих чертах изложил свои соображения. Он решил двигаться на юг, а там держаться открытого моря, пока не появится возможность идти на север к Порт-Ройялу.

— А вам не кажется, что было бы безопаснее, если бы мы разделили сокровища между двумя кораблями и вернулись разными путями? — спросил Сансон.

— Думаю, нам надо оставаться вместе. Два корабля — это уже внушительная сила, во всяком случае при взгляде со стороны. А если мы разделимся, на нас могут напасть.

— Пожалуй,— согласился Сансон.— Но эти воды патрулирует примерно дюжина испанских военных кораблей. Если мы разделимся, то очень маловероятно, что оба наших судна с ними столкнутся.

— Нам незачем бояться их. Мы — законопослушные испанские торговцы. Напасть на нас могут только французы или англичане.

Сансон улыбнулся.

— Вы мне не доверяете.

— Конечно нет,— с улыбкой же отозвался Хантер.— Я хочу, чтобы вы оставались у меня на глазах, а сокровища — под рукой.

— Значит, так тому и быть,— сказал Сансон, но взгляд у него был нехороший, и Чарльз пообещал себе этого не забывать.

Глава 26

Через три дня каперы увидели чудовище.

Они тихо-мирно шли вдоль цепи Малых Антильских островов. Ветер был попутный, море спокойное. Хантер знал, что его корабли уже почти в сотне миль южнее Матансероса, и с каждым прошедшим часом ему дышалось все свободнее.

Его команда трудилась, улучшая мореходные качества галеона, насколько это вообще было возможно. Испанцы содержали «Эль Тринидад» в плачевном состоянии. Такелаж был истрепан, паруса местами истончились, где-то прохудились, палубы оказались грязными, а трюмы провоняли отбросами. Так что команде Хантера было чем заняться, пока они шли на юг, мимо Гваделупы и Сан-Марино. В полдень третьего дня Эндерс, неизменно державшийся настороже, заметил, что вода изменилась, и указал за борт.

— Взгляните-ка! — окликнул он Хантера.

Капитан развернулся. Море было спокойным, по гладкой поверхности шла лишь легкая зыбь. Но в какой-нибудь сотне ярдов от корабля под водой что-то пенилось. Нечто крупное двигалось в их сторону, причем невероятно быстро.

— Какая у нас скорость? — тут же спросил Хантер.

— Десять узлов, — сообщил Эндерс. — Матерь Божья!..

— Если у нас сейчас десять, значит, эта штука делает двадцать,— сказал Чарльз.

— Это самое малое,— отозвался Эндерс и оглядел команду.

Пока что никто ничего не заметил.

— Правьте к берегу,— распорядился капитан.— Надо выйти на мелководье.

— Да, кракен мелководья не любит,— согласился Эндерс.

— Будем надеяться, что нет.

Силуэт, несущийся под водой, приблизился и проскользнул в пятидесяти футах от судна. Хантер успел заметить мертвенное, серо-белое пятно, намек на щупальца, и существо исчезло. Оно удалилось, описало круг и вернулось обратно.

Эндерс ударил себя по щеке.

— Я сплю,— заявил он.— Наверняка сплю. Скажите мне, что это все неправда.

— Это правда,— отозвался Хантер.

Лазю, сидевшая в «вороньем гнезде» и исполняющая работу впередсмотрящего, свистнула Хантеру. Она заметила тварь. Капитан взглянул вверх и покачал головой, веля ей помалкивать.

— Слава богу, что она не подняла крик,— сказал Эндерс.— Только этого нам сейчас и не хватает.

— Нам не хватает мелководья,— мрачно произнес Хантер.— И поскорее.

Он посмотрел на море. Буруны снова приближались.

Лазю, восседающая в «вороньем гнезде», находилась куда выше над поверхностью ясного голубого моря и отчетливо видела приближение кракена. У нее чуть сердце из груди не выпрыгнуло. Легендарное чудовище, герой моряцких песен и баек для детей! Но живьем эту тварь мало кто видел, и Лазю совсем не радовало то, что она попала в число этих избранных. Когда женщина увидела, что тварь опять приближается, с устрашающей скоростью вспахи-

вает морскую гладь, несясь к «Эль Тринидаду», ей показалось, что у нее сейчас сердце остановится.

Когда тварь оказалась совсем рядом, Лазю отчетливо ее разглядела. Кожа у кракена была мертвенно-серой, а рыло острым, напоминающим луковицу, длина которой составляла самое меньшее двадцать футов. Длинные щупальца клубились словно змеи на голове Горгоны. Кракен пронесся под кораблем, не коснувшись его, но от поднятой им волны галеон закачался. Потом Лазю увидела, как тварь показалась с другой стороны и ушла в синие глубины океана. Женщина вытерла пот со лба.

Леди Сара Элмонт вышла на палубу и обнаружила, что Хантер пристально вглядывается во что-то за бортом.

— Добрый день, капитан, — поздоровалась девушка.

Чарльз обернулся и слегка поклонился.

— Мадам!..

— Капитан, вы белый как мел. Что-то стряслось?

Хантер, не ответив, ринулся к другому борту и снова устоялся в воду.

Эндерс, стоявший у штурвала, поинтересовался:

— Ну что, видно его?

— Кого — его? — удивилась леди Сара.

— Нет, — отозвался Хантер. — Он нырнул.

— Под нами, должно быть, саженой тридцать, — сказал Эндерс. — Для такой твари это уже мелко.

Леди Сара капризно надула губки.

— Какой твари?

Хантер обернулся к ней.

— Он может вернуться, — заметил Эндерс.

— Угу, — согласился капитан.

Девушка взглянула сперва на него, потом на Эндерса. Оба они были в холодном поту и жутко побледнели.

— Капитан, я не моряк. Что все это значит?

— Кровь Господня! — взорвался Эндерс, напряженный как струна. — Женщина, мы только что видели...

— Дурную примету, — ровным тоном произнес Хантер и выразительно взглянул на рулевого. — Именно так дурную примету, миледи.

— Капитан, неужели вы суеверны?

— Да, он очень суеверен, — отозвался Эндерс, глядя куда-то на горизонт.

— Очевидно, вы не собираетесь мне объяснять, что стряслось?! — возмутилась леди Сара и топнула ножкой.

— Верно, — согласился Хантер и улыбнулся весьма обаятельно, даже невзирая на бледность.

Леди Сара подумала, что он бывает ну совершенно несносен.

— Я понимаю, что я женщина, — начала было она. Но все-таки вынуждена настаивать...

В этот момент раздался возглас Лазю:

— Вижу парус!

Напрягая зрение, Хантер разглядел в подозрную трубу квадратные паруса у самого горизонта, ровно за кормой. Он развернулся было к Эндерсу, но мастер-мореход уже выкрикивал приказы, требуя поднять все паруса, сколько их имелось у «Эль Тринидада». На брамсеях были отданы рифы, марселя подняты, и галеон прибавил ходу.

«Кассандру» предупредили выстрелом, с перелетом на четверть мили. Вскоре экипаж маленького шлюпа тоже поднял все паруса.

Хантер снова посмотрел в подозрную трубу. Паруса на горизонте не увеличились, однако же и не уменьшились.

— Кровь Господня! Не одно чудище, так другое! — воскликнул Эндерс. — Ну как мы?

— Держимся, — отозвался Хантер.

— Вскорости нам придется сменить курс, — сказал Эндерс.

Хантер кивнул. «Эль Тринидад» бодро бежал под восточным ветром, но этот курс уводил галеон слишком далеко на запад, к цепи островов, протянувшихся справа. Вскоре судно пригонит к мелководью, и курс придется из

менить. Для любого корабля это мероприятие означало потерю в скорости, хотя бы на время. А галеон с его нехваткой рабочих рук окажется особенно медлителен.

— Сможете сделать поворот через фордевинд? — спросил Хантер.

Эндерс покачал головой.

— Нет, капитан, не решусь. Слишком уж мало у нас народу.

— А в чем дело? — спросила леди Сара.

— Замолчите и идите вниз, — велел ей капитан.

— Я не...

— Вниз! — рявкнул Чарльз.

Девушка отступила, но никуда не пошла. Она стояла на некотором расстоянии и наблюдала за тем, что ей представлялось необычным зрелищем. Этот тип, Лазю, спустился по вантам с кошачьей, почти что женской грацией. Тут порыв ветра прижал блузу к его телу, и потрясенная леди Сара увидела грудь, четко обрисованную тканью. Так, значит, этот ласковый мужчина — на самом деле женщина! Впрочем, у леди Сары не было особого времени размышлять над этим, потому что между Хантером, Эндерсом и Лазю завязалась бурная беседа. Капитан показал на судно, преследующее их, на цепь островов, протянувшуюся справа, а потом — на безоблачное небо и солнце, уже покинувшее зенит, поскольку полдень миновал. Лазю хмурилась.

— Куда вы будете править? — спросила она.

— К Коту, — ответил Эндерс и указал на большой остров, самый близкий из всего архипелага.

— К Обезьяньей бухте? — уточнила Лазю.

— Угу, к ней самой, — подтвердил Эндерс.

— Вы ее знаете? — поинтересовался Хантер.

— Да, но лет прошло уже немало, а сторона наветренная. Что у нас сейчас с луной?

— Три четверти, — сообщил Хантер.

— И облаков нету, — заметила Лазю. — Жаль.

Собеседники дружно кивнули и мрачно покачали головой.

Потом Лазю поинтересовалась:

— Вы азартны, капитан?

— Ты же знаешь, что да, — ответил Хантер.

— Тогда смените курс. Посмотрим, сможем ли мы уйти от этого корабля. Если да — превосходно. Если нет — как-нибудь справимся.

— Я полагаюсь на твое зрение, — сказал Хантер.

— А то! — бросила Лазю и полезла по вантам обратно на свой наблюдательный пункт.

Леди Сара ничего для себя не вынесла из этого разговора, хотя и поняла, что момент напряженный и беспокойный. Она так и стояла у поручней и смотрела на горизонт. Паруса судна, преследующего их, уже были видны невооруженным глазом.

Вскоре к ней подошел Хантер. Теперь, когда решение было принято, он вроде как успокоился.

— Я не поняла ни единого слова, — сказала леди Сара.

— Все просто, — отозвался Хантер. — Видите корабль, который идет за нами?

— Вижу.

— А вон тот подветренный остров Кота?

— Да.

— Там есть гавань, Обезьянья бухта. Она станет нашим прибежищем, если только мы сможем туда добраться.

Девушка посмотрела сперва на корабль-преследователя, потом на остров.

— Но ведь берег совсем рядом. Какие могут быть проблемы?

— Солнце видите?

— Да.

— Оно садится на западе. Еще час, и вода под его лучами заблестит так, что смотреть больно будет. На пути в залив мы не сможем разглядеть препятствия, скрывающиеся под водой. В этих местах ни одному судну нель-

идти на заходящее солнце, если оно не желает напороться брюхом на кораллы.

— Но ведь Лазю уже заводи́ла корабль в эту бухту.

— Да, но она наветренная. Именно такие бухты открыты бурям и сильным океанским течениям. Они изменяются. Песчаные наносы способны возникнуть за считанные недели, если не за дни. Обезьянья бухта может оказаться совсем не такой, какой ее помнит Лазю.

— Вот как!

На миг воцарилось молчание.

— Тогда зачем идти в бухту? Прошлые три ночи вы не останавливались. Сделайте так же, и в темноте этот корабль вас потеряет,— предложила леди Сара, очень довольная собственным решением.

— Луна,— мрачно пояснил Хантер.— Три четверти. Она встанет не раньше полуночи. Но тому кораблю этого хватит, чтобы гнаться за нами. У нас будет всего четыре часа настоящей темноты. За такое короткое время мы от них не оторвемся.

— Тогда что же вы собираетесь делать?

Хантер поднес к глазам подзорную трубу и оглядел горизонт. Корабль-преследователь медленно нагонял их.

— Я пойду в Обезьянью бухту. Против солнца.

— К повороту! — скомандовал Эндерс.

Галеон развернулся по ветру, медленно, неуклюже меняя курс. Прошло целых пятнадцать минут, прежде чем нос судна снова взрезал воду. За это время паруса чужого корабля сделались заметно больше. Хантер снова припал к подзорной трубе. В парусах чужого корабля ему показалось что-то угнетающе знакомое.

— А вам не кажется?..

— Что, сэр?

— Лазю! — крикнул капитан и указал на горизонт.

Женщина, сидящая на мачте, тоже взялась за подзорную трубу.

— Как по-твоему, это кто?

— Наш старый приятель! — крикнула она вниз.

Эндерс застонал.

— Что, корабль Касальи? Тот, черный?

— Он самый.

— А кто им командует теперь? — спросил Эндерс.

— Да тот француз, Боске, — ответил Хантер, припоминая стройного, невозмутимого мужчину, которого он видел на борту этого корабля в Матансеросе.

— Я его знаю, — сказал Эндерс. — Надежный и знающий моряк, мастер в своем деле. — Он вздохнул. — Плюс, что у руля не какой-нибудь дон. Это, пожалуй, было бы нам больше на руку.

Все знали, что испанцы — паршивые мореходы.

— Далеко еще до берега?

— Час, — ответил Эндерс. — Может быть, больше. Если вход в бухту узкий, то нам придется убрать часть парусов.

То есть скорость галеона уменьшится еще больше. Но тут уж ничего не поделаешь. Если каперы хотят сохранить контроль над кораблем на узком пространстве, то паруса придется убавить.

Хантер оглянулся на преследователей. Их корабль менял курс, забирая на подветренную сторону. Его паруса накренились. На мгновение он сбавил ход, но вскоре уже вновь двигался с полной скоростью.

— Рисковое будет дело, — произнес Хантер.

— А то! — отозвался Эндерс.

Лазю, по-прежнему сидящая наверху, вытянула левую руку. Эндерс поворачивал руль до тех пор, пока она не опустила ее, а потом уже так и держал. Вскоре женщина подняла уже правую руку, на этот раз полусогнутую.

Эндерс снова изменил курс, чуть свернув вправо.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОБЕЗЬЯНЬЯ БУХТА

Глава 27

«Эль Тринидад» шел в Обезьянью бухту.

Сансон на борту «Кассандры» наблюдал за маневрами ~~полес~~ крупного корабля.

— Кровь Господня, они идут к берегу! — воскликнул он. — Против солнца!

— Да там все свихнулись! — простонал рулевой.

— Слушай меня! — скомандовал Сансон, повернувшись к нему. — Поворачивай, пристраивайся за этой жирной испанской свиньей и следуй за ней шаг в шаг. Понял? Шаг в шаг! Или мы висим у них на корме, или ты висишь на рее.

— Но как они могут пройти туда против солнца? — заныл рулевой.

— У них есть глаза Лазю, — ответил Сансон. — Возможно, этого хватит.

Лазю смотрела вперед очень внимательно. Еще она крайне тщательно следила за своими жестами, потому что даже самый невинный из них повлек бы за собой изменение курса. В данный момент женщина смотрела на запад, держа левую ладонь у кончика носа. Так она защищала глаза от сверкания солнца на воде, прямо под носом корабля. Лазю неотрывно глядела на пологие зеленые берега острова Кот, которые были сейчас для нее всего лишь контуром.

Она знала, что в какой-то момент, когда они подойдут поближе, очертания острова сделаются отчетливыми, станут различимы детали, и тогда она увидит Обезьянью бухту. До этого времени ее задача заключалась в том, чтобы прокладывать наилучший курс до той точки, где она надеялась отыскать вход в залив.

Высота была ей на руку. С этого наблюдательного пункта на верхушке мачты Лазю могла разглядеть цвет воды на мили вперед, причудливое переплетение оттенков синего и зеленого. В ее сознании эти изменения цвета соответствовали изменению глубины. Лазю читала их словно карту, где были обозначены все перепады.

Для этого никакого особого искусства не требовалось. Любой самый обычный моряк, знакомый с прозрачностью вод Карибского моря, конечно же, считал, что темно-голубой цвет воды означает приличную глубину, а зеленый — очень солидную. Лазю же знала больше. Если дно песчаное, то вода может оставаться светло-голубой, даже если глубина доходит до пятидесяти футов. Темно-зеленый цвет может означать, что глубина здесь всего десять футов, но дно заросло водорослями. Движение солнца по небосклону тоже могло играть всякие шутки. Раню утром или поздно вечером все цвета казались насыщеннее и темнее, чем днем, и это требовалось учитывать.

Но в данный момент Лазю не интересовалась глубинами. Она всматривалась в перепады цвета у берега, выискивая подсказку — где же находится вход в Обезьянью бухту? Женщина помнила, что залив располагался в устье небольшой речушки. Это вообще характерно для всех самых удобных небольших бухт. В Карибском бассейне было множество таковых, опасных для больших кораблей, поскольку в коралловых рифах, окружающих их, не имелось прохода. Он возникал только в том случае, если рядом было устье ручья или речушки — кораллы в пресной воде не растут.

Лазю, осматривавшая береговую линию, знала, что этот проход может располагаться и не рядом с самой речкой. В зависимости от того, как пролегали течения, несущие пресную воду в открытое море, проем в рифах мог находиться и в четверти мили севернее или южнее устья. Но в любом случае струи реки делали воду мутной, коричневатой, и цвет моря в этом месте изменялся.

Лазю всматривалась изо всех сил и в конце концов нашла то, что искала, южнее их нынешнего курса. Она проигнорировала об этом Эндерсу. Когда «Эль Тринидад» приблизился к нужному месту, Лазю порадовалась, что рулевой не догадывается, с чем имеет дело. Ему поплохело бы, знай он, насколько на самом деле узок здешний проход в рифах. Их верхушки с обеих сторон были вровень с поверхностью моря, между ними оставалось не более дюжины ярдов.

Убедившись в том, что новый курс проложен правильно, Лазю на несколько минут закрыла глаза. Она чувствовала розоватый свет солнца на веках, но не ощущала ни движения корабля, ни ветра в парусах, ни запаха океана. Женщина полностью сосредоточилась на глазах, давая им отдых. Сейчас значения не имело ничего, кроме них. Лазю дышала медленно и глубоко, готовясь к новому напряжению, собираясь с силами, сосредоточиваясь.

Она знала, как это будет, неизбежную последовательность событий. Легкое начало, потом первые признаки боли в глазах, усиление рези, слезы и жжение. К исходу часа Лазю будет измотана до полной потери сил. Она захочет спать с такой силой, будто не делала этого целую неделю, и, возможно, отключится сразу же, как только ее ноги коснутся палубы.

Вот к этому близящемуся грандиозному напряжению Лазю сейчас и готовилась, сидя с закрытыми глазами и медленно, глубоко дыша.

Эндерс, стоявший у руля, сосредоточивался совсем иначе. Глаза его были открыты, но этого человека мало интересовало то, что он видел. Эндерс ощущал сопротивление штурвала в руках, крен палубы под ногами, рокот воды, струящейся вдоль корпуса галеона, ветер на лице, дрожь такелажа, всю ту совокупность силы и напряжения, что составляет способность корабля действовать. На самом деле в этом состоянии полнейшей сосредоточенности Эндерс сам стал частью корабля, все равно как если бы физически с ним слился.

Он был мозгом этого тела, знал его состояние до мельчайших подробностей, чувствовал скорость корабля с точностью до узла, ощущал все погрешности в установке парусов, понимал, сдвигается ли груз в трюме и где именно. Рулевой знал, когда корабль идет легко, какой курс для него наилучший. Ему было ясно, когда корабль сходил с этого курса, как долго он мог продержаться за его пределами и насколько его удалось бы подтолкнуть.

Все это Эндерс мог сказать с закрытыми глазами. Он сам не мог бы объяснить, откуда это знает, — просто знал и все. Теперь же, работая вместе с Лазю, рулевой беспокоился потому, что частично передал контроль кому-то другому. Сигналы, подаваемые женщиной, никак не опирались на его непосредственное восприятие. Однако он подчинялся им безоговорочно, знал, что должен доверять ей. Все-таки Эндерс нервничал, стоя у руля. Он потел, сильнее обычного ощущал ветер на влажных щеках, снова и снова правил курс, когда Лазю протягивала руку.

Она направляла корабль на юг, видимо отыскав проход в рифе. Вскоре им предстоит пройти через брешь. От одной лишь мысли об этом Эндерса бросило в пот с новой силой.

Хантера же сейчас снедала совсем другая тревога. Он рассказывал взад-вперед, от носа до кормы и обратно, не обращая внимания ни на Лазю, ни на Эндерса. Испанской

военное судно приближалось с каждой минутой. Верхний край его гота уже явственно виднелся над линией горизонта. Испанец по-прежнему шел под всеми парусами, в то время как «Эль Тринидад», которому оставалась до острова всего миля, спустил значительную часть их.

Тем временем «Кассандра» следовала за более крупным кораблем, держась слева, чтобы флагман показывал путь в бухту. Маневр был необходимым, но паруса галеона перехватывали ветер у «Кассандры». Шлюп шел медленно и не мог увеличить скорость, пока не оказался бы ровно за кормой у «Эль Тринидада». Но и в этом положении ему пришлось бы идти за галеоном вплотную, или же он сделался бы крайне уязвим для испанского корабля.

Беспокойство внушал и сам заход в бухту. Двум кораблям требовалось пройти вплотную друг за дружкой. Но если у «Эль Тринидада» возникнут какие-то затруднения, то «Кассандра» может врезаться в него, и оба судна пострадают. Если это произойдет непосредственно на входе, то последствия будут кошмарными. Оба корабля потонут, разбившись о риф. Хантер был уверен в том, что Сансон осознает опасность. Точно так же он понимал, что француз просто не посмеет отстать от них слишком сильно.

От них требовался неимоверно искусный маневр. Хантер кинулся вперед и стал смотреть на Обезьянью бухту поверх воды, ослепительно блестящей под солнцем. Отсюда ему уже был виден длинный узкий мыс, отходящий от холмистого острова. Он выгибался, прикрывая собою бухту.

Брешь в рифе была невидимой для капитана. Она располагалась где-то впереди, скрытая покрывалом сверкающей, искрящейся воды.

Хантер взглянул на гот-мачту и увидел, что Лазю подала сигнал Эндерсу — ударила кулаком по поднятой ладони.

Тот немедленно рывкнул приказ убрать еще часть парусов. Чарльз знал, что это может означать лишь одно. Они

уже совсем рядом с проходом в рифе. Он сощурился, снова уставился на сверкающую воду, но так и не смог ничего разглядеть.

— По матросу с линиями на левый и правый борт! — выкрикнул капитан.

Вскоре после этого два человека устроились на носу галеона, по разные его стороны, и принялись поочередно выкрикивать результаты замеров. Первый же из них заставил Хантера занервничать.

— Пять ровно!

Пять сажений, то есть тридцать футов — это уже было мелководьем. Осадка «Эль Тринидада» составляла три сажени, так что у него оставалось совсем немного запаса. На мелководье кораллы вполне могли отстоять на какую-нибудь дюжину футов от поверхности воды. Росли они совершенно беспорядочно и были очень острыми, способными вспороть деревянный корпус корабля, как бумагу.

— Пять с половиной! — донесся следующий возглас. Это было уже лучше. Хантер ждал.

— Шесть с лишним!

Капитан немного перевел дух. Должно быть, они прошли внешний риф. Вокруг большинства островов их было по два, внутренний, на мелководье, и наружный, растущий на большей глубине. Теперь галеон шел по небольшому безопасному промежутку и вскоре должен был добраться до опасного внутреннего рифа.

— Меньше шести! — прокричал матрос.

Уже стало мелеть. Хантер снова развернулся, чтобы взглянуть на Лазю, восседающую на верхушке грот-мачты. Женщина подалась вперед и казалась расслабленной, почти безразличной. Но Чарльз не мог рассмотреть выражения ее лица.

Тело Лазю действительно расслабилось, обмякло настолько, что она рисковала полететь со своего наблюдательного пункта. Женщина держалась за поручень, ограж-

дающий «воронье гнездо». Плечи ее поникли, все мышцы ослабели, но лицо оставалось напряженным и измученным, губы искривила застывшая гримаса, а зубы были крепко стиснуты. Лазю всматривалась в сверкающую воду. Она щурилась так сильно, что между веками оставалась лишь крохотная щелочка, и проделывала это уже столь долго, что те дрожали от напряжения. Эта дрожь могла бы отвлекать Лазю, но она даже не замечала ее, потому что давно уже впала в некое подобие транса.

Ее мир состоял сейчас из двух черных силуэтов — острова впереди и носа корабля прямо под ней. Их разделяла водная гладь, сверкающая, мучительно яркая поверхность моря, гипнотически мерцающая и искрящаяся. Лазю почти не могла разглядеть деталей, скрывающихся под ней.

Время от времени она замечала выступы кораллов почти у самого верха. Они выглядели как черные пятна, проскальзывающие на миг среди слепящего белого сияния.

В другие моменты, когда порывы ветра стихали, перед Лазю представляла картина водоворотов и течений, кружащих равномерный узор искр.

В прочее же время вода была непрозрачным, слепящим серебром. Лазю вела корабль по этой мерцающей поверхности исключительно по памяти. Она отметила в уме очертания отмелей, верхушки коралловых рифов и песчаные косы еще полчаса назад, когда корабль был дальше от берега, а вода впереди оставалась прозрачной. Лазю составила подробную мысленную картину, увязанную с ориентирами на берегу и на самой воде.

Теперь же, глядя на воду рядом с серединой бортов, где она была прозрачной, Лазю соотносила расположение «Эль Тринидада» с тем, что запомнила. Далеко внизу, мимо левого борта, проскользнуло круглое скопление кораллов, напоминающее гигантский кочан цветной капусты. Это означало, что нужно повернуть севернее. Лазю вытянула правую руку и увидела, как темный силуэт носа принялся разворачиваться. Она дождалась, пока он

не уставится на засохшую пальму на берегу, и после этого опустила руку. Эндерс повел корабль по новому курсу.

Женщина прищурилась и стала смотреть вперед. У самой поверхности воды она увидела кораллы, окаймляющие проход. Галеон держал курс точно в него. Лазю помнила, что, прежде чем добраться до этого прохода, придется отклониться чуть вправо, чтобы обойти еще один выступ кораллового рифа. Лазю вытянула правую руку. Эндерс скорректировал курс.

Она посмотрела вниз. Второе скопление кораллов проплыло мимо, опасно близко к корпусу. Корабль проехал бортом по выступу, содрогнулся, но все обошлось благополучно.

Лазю подняла левую руку, и Эндерс опять подправил курс. Женщина снова отыскивала ориентир — засохшую пальму — и стала ждать.

Скрежет кораллов о корпус встряхнул Эндерса. Его нервы были напряжены до предела именно в ожидании этого звука. Рулевой подпрыгнул, но скрежет постепенно переместился к корме. Мореход понял, что они всего лишь поцеловались с рифом, и облегченно выдохнул.

Он чувствовал через штурвал дрожь, доходящую к нему от корпуса корабля. В последний момент человек отпустил штурвал, поскольку осознавал, что руль — самая уязвимая подводная часть корабля. Столкновение по касательной, которое всего лишь счесало бы ракушки, наросшие на корпусе, могло бы просто переломить медленно разворачивающийся руль. Поэтому Эндерс и ослабил хватку. Затем он снова взялся за штурвал и принялся исполнять указания Лазю.

— Она и змее спину переломает, — пробормотал Эндерс, когда «Эль Тринидад» хитро извернулся и пошел в сторону Обезьяньей бухты.

— Меньше четырех! — выкрикнул матрос.

Хантер тоже стоял на носу — по обе стороны от него торчали вахтенные с лотами — и смотрел на сверкающую

воду. Впереди он ничего разглядеть не мог, а вот по бокам, куда ни глянь, виднелись кораллы. Они располагались пугающе близко к поверхности, но каким-то чудом «Эль Тринидад» проходил мимо них.

— Три с половиной!

Хантер скрипнул зубами. Двенадцать футов воды. Еще немного, и они не пройдут. Едва лишь Хантер успел это подумать, как корабль снова зацепил выступ рифа. Но на этот раз корпус получил всего один резкий удар и ничего больше. Галеон снес коралловый выступ и пошел дальше.

— Три и один!

Они потеряли еще фут. Корабль плыл вперед, рассекая носом искрящееся море.

— Дерьмо! — вскрикнул второй матрос и помчался в сторону кормы.

Хантер понял, что произошло. Линь зацепился за кораллы и застрял, а вахтенный пытался его отцепить.

— Три ровно!

Капитан нахмурился. Если верить тому, что ему наговорили пленные испанцы, галеон уже должен был бы сидеть на мели. Они клялись, что осадка «Эль Тринидада» — три сажени. Очевидно, эти умники ошибались. Галеон продолжал плавно двигаться в направлении острова. Хантер мысленно проклял испанцев, ни хрена не смыслящих в мореходстве.

Все-таки он осознавал, что насчет трех саженей осадки испанцы сильно промахнуться не могли. У корабля такого размера примерно так и должны обстоять дела.

— Три ровно!

Они по-прежнему продолжали идти вперед. Потом, пугающе внезапно, капитан увидел проход в рифе, кошмарно узкую брешь между двумя полосами кораллов, поднимающихся почти к самой поверхности воды. «Эль Тринидад» шел в точности по центру этой щели, и хорошо! По обе стороны у него оставалось не более пяти ярдов свободного пространства.

Хантер оглянулся на Эндерса. Тот тоже увидел кораллы по обе стороны от корабля и перекрестился.

— Пять ровно! — хрипло выкрикнул матрос, и команда разразилась ликующими воплями.

Они прошли через внутренний риф, оказались в болотах глубоких водах и двигались теперь к северу, в бухту, защищенную извилистым холмистым мысом, который по кругу опоясывал часть ее, обращенную к морю.

Теперь Хантер мог оценить размеры Обезьяньей бухты. Ему с первого взгляда стало ясно, что это отнюдь не идеальная стоянка для его кораблей. На входе в залив глубина была достаточной, но дальше бухта быстро мельчала. Капитан понял, что ему придется поставить галсон на якорь невдалеке от открытого моря. По нескольким причинам эта перспектива его совершенно не радовала.

Чарльз оглянулся и понял, что «Кассандра» тоже благополучно прошла через риф. Шлюп следовал за галсоном настолько близко, что Хантер видел обеспокоенное лицо матроса с лотом, промерявшим глубину для «Кассандры». Не более чем в двух милях за ней виднелся испанский военный корабль.

Но солнце уже садилось. Испанец не успеет войти в Обезьянью бухту до наступления темноты. Если же Бокке решит сделать это на рассвете, то Хантер будет ему поджидать.

— Отдать якорь! — приказал Эндерс. — Пошевеливайтесь!

«Эль Тринидад» вздрогнул и остановился в наступивших сумерках. «Кассандра» скользнула мимо, в глубину бухты. Осадка у шлюпа была поменьше, он мог дальше зайти на мелководье. Через несколько мгновений Сансон тоже отдал якорь, и оба корабля застыли.

Они были в безопасности, во всяком случае на некоторое время.

Глава 28

После прохода через рифы экипажи обоих кораблей ликовали, хохотали, выкрикивали поздравления и радостно подначивали друг друга в сгущающихся сумерках. Хантер в общем торжестве не участвовал. Он стоял на кормовой надстройке своего галеона и смотрел на военный корабль.

Тот продолжал двигаться в их сторону, невзирая на то, что уже стремительно темнело, и оказался в полумиле от бухты, у самой границы рифов. Да, Боске дерзости не занимать — подойти вплотную к рифам в почти что полной темноте! Серьезный и совершенно ненужный риск.

Эндерс, тоже наблюдавший за испанцами, задал вопрос, мучивший и его:

— Почему?

Хантер покачал головой.

Испанский корабль отдал якорь, и Чарльз увидел всплеск в том месте, где он ударился о воду. Вражеское судно было настолько близко, что Хантер слышал команды, отдаваемые на испанском языке. Они далеко разносились над водной гладью. На корме кипела бурная деятельность. Испанцы отдали второй якорь.

— Чушь какая-то, — не сдержался Эндерс. — Кругом полно удобных глубоких мест, где можно встать на якорь на ночь, а он вперся на глубину в четыре сажени.

Хантер ждал. По другому борту на корме был отдан еще один якорь, и множество рук тут же вцепилось в канат. Военный корабль развернулся кормой к берегу.

— Чтоб я сдох,— пробормотал Эндерс.— Вам не кажется?..

— Кажется,— отозвался Хантер.— Они готовятся к бортовому залпу. Поднять якорь!

— Поднять якорь! — заорал Эндерс удивленной командой.— Быстро на ванты! Поживей там с линиями! — Он повернулся обратно к Хантеру.— Мы наверняка сядем на мель.

— У нас нет выбора,— отозвался Хантер.

Намерения Боске были вполне очевидны. Он встал на якорь у входа в бухту, прямо перед рифом, но в пределах дальности своих пушек. Боске намеревался торчать там и всю ночь обстреливать галеон. Если Хантер не рискнет уйти на мелководе, чтобы покинуть зону обстрела, к утру его корабль будет уничтожен.

С «Эль Тринидада» и в самом деле отлично были видны орудийные порты, открывающиеся на испанском военном корабле, и стволы орудий, торчащие оттуда. Пушки дали залп, ядра пронеслись через такелаж галеона, разрывая его, и попадали в воду, поднимая фонтаны брызг.

— Побыстрее, мистер Эндерс! — рявкнул Хантер.

Словно бы в ответ на его слова, испанский корабль дал второй залп. На этот раз уже более прицельно. Несколько ядер угодили в «Эль Тринидад», расщепляя дерево и разрывая веревки.

— Черт! — выругался Эндерс с такой болью, словно попали в него.

Но корабль Хантера уже двигался. Он, хоть и медленно, вышел из зоны обстрела, так что при следующем залпе ядра попадали в воду, поднимая цепочку всплесков. Эта ровная линия весьма впечатляла.

— Однако команда у них вышколенная, — заметил Эндерс.

— Иногда вы чересчур уж цените хороших моряков, — отозвался Чарльз.

К этому времени окончательно стемнело. Четвертый валп выглядел как узор жгуче-красных вспышек на фоне черного силуэта военного корабля. Корсары слышали, но практически не увидели всплески за кормой.

Потом холмистый изгиб мыса заслонил от них вражеское судно.

— Отдать якорь! — скомандовал Эндерс, но было поздно.

В этот самый миг раздался негромкий треск, и «Эль Тринидад» сел на песчаную мель.

Той ночью Хантер в одиночестве сидел в своей каюте и обдумывал сложившуюся ситуацию. Тот факт, что они угодили на мель, не беспокоил его ни в малейшей степени. Это случилось во время отлива, так что через несколько часов галеон без труда можно будет снять.

На данный момент два его корабля пребывали в безопасности. Бухта была не идеальна, но вполне приемлема. У экипажей имелось достаточно пресной воды и провизии, чтобы протянуть больше двух недель, не подвергаясь никаким лишениям. Если каперам удастся найти воду и съестное на берегу, а это вполне вероятно, то они смогут пробыть в Обезьяньей бухте хоть несколько месяцев, по крайней мере — до ближайшей бури.

А вот буря может оказаться губительной. Обезьянья бухта располагалась на подветренной стороне острова и была весьма неглубокой. Сильная буря разнесет его корабль в щепки за считанные часы. Сейчас как раз сезон ураганов. Хантер не надеялся, что до ближайшего останется так уж много времени, и не мог себе позволить оказаться в Обезьяньей бухте, когда этот ураган налетит.

Боске должен был бы это понимать. Если бы ему хватило терпения, то он мог бы просто заблокировать выход из бухты, курсируя на глубоководье, и подождать наступления плохой погоды, которая вынудила бы галеон покинуть бухту и подставиться под удар.

Однако Боске, похоже, терпеливостью не отличался. Напротив, он явно был человеком дерзким и предприимчивым, предпочитал при малейшей же возможности переходить в атаку. У него были веские причины это сделать, не дожидаясь, пока погода испортится.

В морском бою плохая погода выступала в роли уранителя, потому слабая сторона надеялась на нее, а сильная старалась избегать. Шторм отравил бы жизнь обеим сторонам, но эффективность их действий уменьшилась бы несоразмерно. Боске наверняка знал, что корабли Хантера не укомплектованы командой и легко вооружены.

Сидя в одиночестве в каюте, Хантер пытался поставить себя на место человека, с которым они никогда не встречались, и понять ход его мыслей. В конце концов он решил, что Боске наверняка атакует их на рассвете.

Нападение могло произойти с суши, с моря либо с двух направлений. Все зависело от того, сколько солдат было на борту у Боске и насколько он им доверял. Хантер вспомнил испанцев, которые охраняли его в трюме. Они были молоды, неопытны и недисциплинированы.

«На них нельзя полагаться. Нет,— решил Хантер. Сперва Боске будет атаковать с моря. Он попытается войти в Обезьянью бухту, чтобы снова увидеть галеон. Возможно, этот француз подозревает, что мы уже на мелководье, значит, маневрировать нам будет затруднительно.

На данный момент галеон стоит к врагу кормой, самой уязвимой своей частью. Боске сможет войти в бухту и стрелять, пока не потопит оба судна. Прodelать это он сумеет совершенно безнаказанно. Сокровища с галеона ока-

жуются на мелководе, и туземные ныряльщики запросто их поднимут».

Хантер велел позвать к нему Эндерса и распорядился, чтобы пленников-испанцев надежно заперли. Затем он приказал, чтобы все годные к бою каперы вооружились мушкетами и незамедлительно высадились на берег.

Над Обезьяньей бухтой занимался рассвет. Ветерок едва веял, небо украшали тонкие дымчатые облака, розовеющие в первых лучах зари. Экипаж испанского корабля лениво и беспорядочно принялся за утреннюю работу. Когда прозвучал приказ поднять паруса и сниматься с якоря, солнце уже стояло довольно высоко.

В этот момент каперы, прятавшиеся до той поры с обеих сторон от входа в залив, открыли огонь. Они застали испанцев врасплох. В первые же секунды все, кто поднимал главный и кормовой якоря, были убиты или ранены. Всех офицеров, находившихся на палубе, перестреляли. Матросов на вантах стрелки сняли с поразительной точностью, и те с криками попадали на палубу.

Потом стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. На берегу повисли два едких серых облака порохового дыма. Кроме них, не видно было ничего, ни малейшего движения — даже листок нигде не шелохнулся.

Хантер устроился на оконечности холмистого мыса, выходящего в море, и с удовлетворением рассматривал испанский корабль в подзорную трубу. Он слышал крики замешательства и видел, как наполовину поднятые паруса хлопали под ветром. Прошло несколько минут, прежде чем новые матросы полезли на ванты, а якорь вновь пополз вверх. Поначалу испанцы осторожничали, но потом, когда стрельба с берега так и не возобновилась, осмелели.

Капитан ждал.

Он знал, что у него есть определенное преимущество. В нынешнее время ни мушкеты, ни мушкетеры не отли-

чались особой точностью, но его каперы все до единого были превосходными стрелками. Они могли прицельно отстреливать матросов, находящихся на палубе, даже гонящих за ними на лодке, которую немилосердно швыряло на волнах. А уж стрельба с берега была для них детской игрой.

Это даже за стоящую забаву не могло сойти.

Хантер подождал, пока якорный канат не заскользит наверх, и после этого знаком приказал снова открыть огонь. На палубу военного корабля обрушился новый град пуль с тем же опустошительным результатом. Затем снова воцарилась тишина.

После такого угощения Боске явно должен был понять, что попытка пройти через риф и приблизиться к берегу обойдется ему очень дорого. Возможно, он и сумел бы преодолеть проход и войти в залив, но поплатился бы за это десятками, если не сотнями своих людей. Еще серьезнее был риск того, что при этом могли убить незаменимых специалистов, вплоть до рулевого, и корабль остался бы без управления в опасных водах.

Хантер подождал. Он услышал какие-то команды, затем стало тихо. Потом он увидел, как канат от главного якоря плюхнулся в воду. Его просто перерезали. Через несколько мгновений канаты на корме тоже были перерезаны, и корабль принялся медленно дрейфовать прочь от рифа.

Когда он очутился вне зоны дальноточности мушкетеров, на палубе и на вантах вновь появились люди. Они подняли паруса. Хантер ждал, не развернется ли корабль и не направится ли обратно к берегу. Но этого не случилось. Вместо этого противник отошел ядов на сто севернее и снова бросил якорь. Паруса были убраны. Корабль остался стоять, слегка покачиваясь на волнах, точно на против холмов, прикрывающих бухту.

— Ну что ж, — подал голос Эндерс. — Получается, что доны не могут войти, а мы — выйти.

К полудню в Обезьянней бухте сделалось нестерпимо жарко и душно. Хантер расхаживал по горячей палубе галеона, ощущал, как ноги прилипают к просмоленным доскам, и размышлял об иронии судьбы, поставившей его в такое затруднительное положение. Он провел самый дерзкий каперский рейд столетия, завершившийся полнейшим и безоговорочным успехом, и все это лишь затем, чтобы его запер в душной, опасной бухте один-единственный испанский военный корабль.

Это был трудный момент для капитана, но еще более — для его команды. Каперы смотрели на своего предводителя, ожидая указаний и новых планов, но было очевидно, что никаких идей у Хантера нет. Некоторые принялись заливать горе ромом, начали вспыхивать скандалы. Одна ссора чуть не закончилась дуэлью. Эндерсу удалось остановить ее в последнюю минуту. Чарльз дал слово, что собственноручно прикончит любого, кто убьет сотоварища. Капитан желал, чтобы его команда оставалась в целости и сохранности. Личные разногласия могли подождать до Порт-Ройяла, пока все не сойдут на берег.

— Уж не знаю, смирятся ли они с этим, — заметил Эндерс, мрачный, как и всегда.

— Смирятся, — ответил Хантер.

Чуть позже они с леди Сарой стояли на палубе в тени грот-мачты, когда откуда-то с нижних палуб снова донесся пистолетный выстрел.

— Что это? — спросила встревоженная девушка.

— Черт! — выругался капитан.

Через несколько мгновений великан Басса вытащил наверх брыкающегося моряка. Следом с несчастным видом шел Эндерс.

Хантер взглянул на моряка. Это был двадцатипятилетний мужчина по имени Локвуд, уже начинающий се-
деть. Хантер плохо его знал.

— Влепил Перкинсу в ухо из вот этого вот, — сообщил Эндерс, протягивая Чарльзу пистолет.

Моряки стали постепенно стекаться на главную палубу, угрюмые и мрачные, измученные жарой. Хантер извлек из-за пояса собственный пистолет и взвел курок.

— Что вы собираетесь делать? — спросила наблюдавшая за ним леди Сара.

— Не ваша забота, — отрезал Хантер.

— Но...

— Отвернитесь! — приказал капитан и вскинул пистолет.

Басса отпустил преступника. Локвуд остался стоять, повесив голову.

— Он меня разозлил! — заявил пьяный матрос.

Хантер выстрелил ему в голову. Мозги капера выплеснулись на планшир.

— Боже! — вырвалось у леди Сары Элмонт.

— Выкинь его за борт, — скомандовал Хантер.

Басса поднял тело и поволок его прочь. В тишине, воцарившейся среди полуденной жары, было отчетливо слышно, как поскрипывает палуба под его ногами. Через мгновение раздался всплеск. Труп исчез.

Хантер обвел команду взглядом.

— Хотите выбрать нового капитана? — громко поинтересовался он.

Моряки стали с ворчанием расходиться. Никто ничего не сказал.

Вскоре палуба снова опустела. Все ушли вниз, скрываясь от палящих солнечных лучей.

Хантер посмотрел на леди Сару. Та промолчала, но взгляд у нее был обвиняющий.

— Каперы — суровые люди, — сказал Хантер. — Мы живем по своим законам, обязательным для всех нас.

Девушка ничего на это не ответила, резко развернулась и удалилась.

Чарльз посмотрел на Эндерса. Тот пожал плечами.

Во второй половине того же дня впередсмотрящие сообщили Хантеру, что на военном корабле снова началась

оживленная деятельность. Испанцы спустили на воду все баркасы, причем с борта, обращенного к морю. Они оказались закрыты от глаз наблюдателей корпусом корабля. По-видимому, шлюпки были привязаны к судну, потому что ни одна из них не появилась в зоне видимости. Над палубой поднимался дым. Там непонятно зачем развели огонь.

Это положение дел сохранялось до самого вечера, наступление которого было сущим благословением. Хантер рассказывал по палубе «Эль Тринидада», радовался вечерней прохладе и смотрел на длинные ряды своих пушек. Он шел от одного орудия к другому, на миг останавливался, чтобы коснуться их, провести рукой по бронзе, все еще хранящей дневное тепло. Капитан осматривал снаряжение, аккуратно сложенное рядом с каждой пушкой, — банник, мешки с порохом, ядра и запалы медленного горения в ведрах с насечками.

Вся эта огневая мощь, все вооружение было готово к использованию. У Хантера имелось все нужное для стрельбы — кроме людей. Без человеческих рук этих пушек здесь будто и вовсе не было.

— Вы задумались, я гляжу.

Вздвигнув, Хантер развернулся. Перед ним стояла леди Сара в прямом белом платье. В темноте оно выглядело как нижнее белье.

— Вам не следует одеваться так, когда вокруг все эти люди.

— Слишком жарко, заснуть просто невозможно, — сказала девушка. — Кроме того, мне тревожно. После того, что я видела сегодня... — Голос ее дрогнул.

— Вас это беспокоило?

— Я не видела такой жестокости даже в монархе. Карл — и тот не настолько безжалостен и деспотичен.

— Просто у него на уме другое. Его удовольствия.

— Вы умышленно не желаете понимать, что я имею в виду

Даже в темноте было видно, что глаза девушки сверкают чем-то весьма похожим на гнев.

— Мадам,— начал было Хантер.— В этом обществе.

— Обществе?! Вы называете вот это обществом?! — Она широким взмахом руки указала на корабль и каперов, спящих на его палубе.

— Конечно. Везде, где бы ни собрались люди, властвуют некие правила. Наши порядки отличаются от тех, что приняты при дворе Карла, Людовика или даже в колонии Массачусетс, где я родился. Однако же их следует соблюдать. Отступление от них влечет за собой кару.

— Да вы философ,— с сарказмом произнесла девушка.

— Я просто знаю, о чем говорю. Что произошло бы с вами при дворе Карла, если бы вы не поклонились монарху?

Леди Сара фыркнула, понимая, к чему он клонит.

— Вот и здесь то же самое,— продолжал Хантер.— Эти люди свирепы и отчаянны. Если я правлю ими, то они должны мне повиноваться. Если они повинуются мне, то должны меня уважать. Если они уважают меня, то обязаны признавать мою власть, которая является абсолютной.

— Вы говорите словно король.

— Капитан — король для своей команды.

Леди Сара придвинулась поближе.

— А вы развлекаетесь как король?

Не успел Хантер задуматься над смыслом сказанного, как девушка обняла его и крепко поцеловала в губы. Он ответил на поцелуй.

Когда они наконец разомкнули объятия, леди Сара сказала:

— Мне так страшно. Все здесь такое чужое...

— Мадам, я помогу вам благополучно вернуться к вашему дяде и моему другу, губернатору сэру Джеймсу Элмонту.

— Вам вовсе незачем быть таким высокопарным. Вы что, пуританин?

— Только по рождению,— ответил Хантер и поцеловал ее еще раз.

— Возможно, мы с вами еще встретимся,— заявила ле-
ди Сара.

— Почему бы и нет.

Девушка бросила на него последний, почти не различимый в темноте взгляд, и отправилась вниз. Капитан смотрел ей вслед, прислонившись к пушке.

— Пикантная штучка, да?

Хантер обернулся. Это был Эндерс. Он ухмылялся.

— Пусти благородных на волю, и им тут же засвербит, верно?

— Похоже на то,— согласился капитан.

Эндерс посмотрел на ряд пушек и хлопнул ладонью по ближайшей из них. Та глухо загудела.

— Бесит, правда? — спросил он.— Столько пушек, а воспользоваться нельзя, народу нет.

— Идите-ка вы лучше спать,— оборвал его Хантер и ушел.

Но Эндерс сказал чистую правду. Чарльз продолжал расхаживать по палубе. Он позабыл о женщине и вернулся мыслями к пушкам. Какая-то часть его сознания, не знающая покоя, то и дело возвращалась к этой проблеме, искала решение. Отчего-то Хантер был твердо уверен в том, что существует возможность использовать орудия. Есть какой-то давно известный способ, который он позабыл.

Женщина, судя по всему, считала его дикарем или, хуже того, пуританином. Капитан подумал об этом и улыбнулся. На самом деле он был образованным человеком. Ему преподали все основные отрасли знаний в том виде, как они установились со времен Средневековья. Он знал классическую историю, латынь и греческий, естественные науки, богословие и музыку, но в данный момент ничем этим не интересовался.

Даже в молодости Хантера куда больше интересовали практические, применимые в действительности знания,

чем мнения какого-нибудь давно почившего мыслителя. Всякий школьник знал, что мир куда огромнее, чем мог бы подумать Аристотель. Чарльз сам родился в краю, о существовании которого древние греки и не подозревали.

Однако же сейчас какие-то детали классического образования будоражили его память. Мысли Хантера упорно возвращались к Греции. Они вертелись то ли вокруг нечего вообще, то ли вокруг древних греков, но он не понимал, ни что им там надо, ни почему.

Потом капитан подумал о картине, что висела в каюте Касальи, на военном корабле. Тогда Хантер едва заметил ее, да и теперь не мог вспомнить отчетливо. Но было в ней нечто такое, что не давало ему покоя. Отчего-то это казалось ему важным.

В чем же дело? Хантер ничего не смыслил в живописи. Он считал ее второстепенным дарованием, пригодным только для украшения помещений и интересным лишь тщеславным богатым аристократам, готовым щедро платить за свои приукрашенные портреты. Сами же художники, насколько знал Чарльз, были вполне обыкновенными людьми, кочующими, подобно цыганам, из одной страны в другую в поисках покровителя, который поддержал бы их труды. Эти легкомысленные типы не имели дома, корней, крепкой привязанности к тому народу, к которому они принадлежали по крови. Невзирая на то, что его прадед с прабабкой бежали из Англии в Массачусетс, Хантер безоговорочно считал себя англичанином и убежденным протестантом. Он пребывал в состоянии войны с католиками-испанцами и не понимал тех, кто не разделял его патриотизм.

Ставить свою живопись превыше всего — бледная какая-то верность родине. Да, художники переезжали из страны в страну. Французы оседали в Лондоне, греки — в Испании, а итальянцы — повсюду. Даже в нынешнее военное время живописцы беспрепятственно пересекали границы, в особенности итальянцы, целыми кучами.

Ну а ему-то какое до этого дело?

Хантер вновь зашагал вдоль борта, от пушки к пушке, прикоснулся к одной. Сзади у нее был отчеканен латинский девиз: «SEMPER VINCIT», то есть «Всегда побеждает».

Эти слова рассмешили Хантера.

«Далеко не всегда,— подумал он.— Если нет людей, чтобы заряжать и стрелять,— ничего они не побеждают».

Капитан прикоснулся к надписи, провел пальцами по высеченным буквам, ощущая плавный изгиб «S» и четкие линии «E».

SEMPER VINCIT

В этих двух латинских словах, по-военному жестких, ощущалась некая сила и решительность. Итальянцы все это утратили. Они сделались мягкотелыми, витиеватыми. Их язык ныне отражал эту мягкость. Слишком много времени прошло с тех пор, как Цезарь отрезал: «Veni, vidi, vici» — «Пришел, увидел, победил».

VINCIT

Само это слово, казалось, что-то подсказывало. Хантер посмотрел на четкие линии букв. Потом перед его мысленным взором предстали другие линии и углы. Ему вспомнились греки, а точнее — эвклидова геометрия, мучение его мальчишеских лет. Он никогда не мог понять, какое это имеет значение — равны ли друг другу два угла или под каким углом пересекаются две прямые. Ну какая разница, а?

VINCIT

Хантеру снова вспомнилась картина из каюты Касаблы, художественное полотно на военном корабле, совершенно неуместная и бесполезная вещь. В том-то и проблема искусства, что оно не имеет никакого практического смысла. Искусство ничего не побеждает.

VINCIT

«Всегда побеждает». Хантер улыбнулся иронии этого девиза, отчеканенного на пушке, которая не могла победить никого. Это оружие так же бесполезно для него, как и картина Касальи, аксиомы Эвклида.

Капитан потер уставшие глаза.

Все эти размышления не имели никакого смысла. Он бродил кругами без цели, из одного лишь упорного стремления разочаровавшегося человека, попавшего в ловушку и тщетно ищущего выхода.

Потом Чарльз услышал тот самый крик, которого моряки боятся сильнее всего:

— Огонь!

Глава 29

Хантер стремительно взбежал на кормовую надстройку и увидел, что галеон атакуют шесть брандеров. Это были испанские баркасы, щедро вымазанные смолой и подожженные. Теперь они, ярко пылая и освещая неподвижные воды залива, плыли к галеону.

Капитан с чувством выругался. Как он только мог не подумать об этом маневре?! Ведь дым на палубе испанского корабля ясно говорил обо всем — а он не догадался! Но тратить время и упрекать других Хантер не стал. Моряки с «Эль Тринидада» уже сыпались за борт, в свои баркасы. Первый из них уже отчалил, и матросы изо всех сил гребли к брандерам.

Чарльз порывисто развернулся.

— Где наши дозорные? — накинулся он на Эндерса. — Как это могло произойти?

Тот покачал головой.

— Понятия не имею. Наблюдателей выставили на песчаной косе и на берегу за ней.

— Черт!

Либо все часовые заснули на посту, либо испанцы в темноте доплыли до берега, захватили корсаров врасплох и перебили.

Хантер взглянул на бухту. Команда первого баркаса уже сражалась с горящим брандером. Они отталкивали

его веслами, не подпускали к кораблю и пытались вернуть. На одном из матросов загорелась одежда, и он с криком повалился в воду.

Тогда капитан сам прыгнул за борт, в очередной баркас. Команда гребла к пылающим лодкам, по пути стараясь намочить на себе одежду. Хантер оглянулся и заметил, что Сансон ведет в бой шлюпку с «Кассандры».

— Пригнитесь, парни! — крикнул Хантер, направив баркас в пекло.

Даже на расстоянии в пятьдесят ярдов жар был невыносим. Языки пламени взлетали в ночное небо. Кипящая смола плевалась во все стороны, горящие капли с шипением падали в воду.

Следующий час оказался сущим кошмаром. Каперам постепенно удалось посадить горящие брандеры на мель или просто продержат их в отдалении от галеона достаточно долго, чтобы они прогорели и затонули.

Вернувшись в конце концов на корабль, Хантер тут же упал и заснул — как был, в перепачканной сажей, изодранной одежде.

На следующее утро Эндерс разбудил его и сообщил, что Сансон спустился в трюм «Эль Тринидада».

— Он говорит, что кое-что нашел, — с сомнением заявил шкипер.

Хантер переоделся и спустился в трюм через четвертую палубу галеона. На самой нижней, провонявшей навозом — скот держали палубой выше — Хантера уже ждал Сансон, ухмыляющийся до ушей.

— Чистая случайность, — сообщил он. — Я сам сперва не поверил. Вот гляньте.

Сансон провел его в отсек для балласта. В узком, низком проходе смердело трюмной гнилью и жарким затхлым воздухом. Пол был покрыт водой. Она плескалась в такт покачиванию корабля. Хантер увидел камни, уложенные

здесь в качестве балласта. Нет, не камни, слишком уж правильная у них форма. Это были ядра.

Капитан подобрал одно и покачал на ладони, прикидывая вес. Ядро было железным, склизким от ила и трюмной воды.

— Примерно фунтов пять,— произнес Сансон.— На борту нет ни единой пушки, способной стрелять пятифунтовыми ядрами.

Продолжая ухмыляться, он повел Чарльза на корму.

В неровном свете фонаря Хантер увидел в трюме другой силуэт, полускрытый водой, и мгновенно узнал его. Это был фальконет, маленькая пушка из тех, которые давно уже перестали устанавливать на кораблях. Они вышли из употребления лет тридцать назад, сменившись либо орудиями на вертлюжной установке, либо куда более крупными пушками.

Хантер наклонился и провел рукой по стволу, скрытому водой.

— А стрелять эта штука будет?

— Она бронзовая,— отозвался Сансон.— Еврей говорит, что вполне пригодна в дело.

Хантер потрогал металл. Поскольку это была бронза, поверхность пушки окислилась не сильно.

Он посмотрел на Сансона и сказал:

— В таком случае мы накормим этого дона его же стряпней.

Хоть фальконет и считался маленькой пушкой, это все же было семь футов литой бронзы, и весил он тысячу шестьсот фунтов. Потому на то, чтобы выволочь его на палубу «Эль Тринидада», ушла большая часть утра. Затем пушку следовало спустить за борт, в ожидающий баркас.

Работа была изнурительной, особенно под палящим солнцем, а выполнить ее следовало безукоризненно точно. Эндерс охрип, выкрикивая команды и ругательства, но в конце концов фальконет все-таки опустился в баркас неж-

но, словно перышко. Шлюпка пугающе просела под его весом. Ее планшир поднимался над водой на каких-нибудь несколько дюймов. Все же она сохранила остойчивость, и ее отбуксировали к дальнему берегу.

Хантер намеревался установить фальконет на вершине холма, огибающего Обезьянью бухту. Это позволило бы обстрелять испанское судно, стоявшее недалеко от берега. Позиция была безопасной, поскольку испанцы просто не смогли бы придать своим пушкам такого угла возвышения, чтобы обстрелять огневую точку каперов, а вот люди Хантера могли палить по ним до тех пор, пока не израсходуют все ядра.

Вопрос заключался в том, когда открывать огонь. Капитан не питал иллюзий касательно огневой мощи этой пушки. Пять фунтов — не слишком устрашающее ядро. Чтобы нанести серьезные повреждения, потребуется множество попаданий. Но если начать обстрел в темноте, то испанский корабль может в замешательстве поднять якорь и попытаться выйти из-под обстрела. По ночному времени да на мелководье он запросто угодит на мель или даже затонет.

На это Хантер и надеялся.

Покачивающийся на волнах баркас с фальконетом добрался до берега, и тридцать матросов с уханьем выволокли его на сушу. Там каперы устроили импровизированный волок и фут за футом потащили пушку к кромке полеска.

Фальконет требовалось протащить сотню футов до вершины холма, сквозь густые заросли пальм и мангровых деревьев. Без лебедки или талей, которые помогли бы справиться с тяжестью, это была незавидная работа, но люди Хантера взялись за нее с рвением.

Прочие трудились не менее ревностно. Еврей руководил пятеркой матросов, которые отчищали железные ядра от ржавчины и наполняли мешочки порохом. Мавр, че-

ловек опытный в самых разных делах, мастерил лафет для фальконета.

К сумеркам пушка была установлена на огневой позиции, возвышающейся над военным кораблем. Хантер подождал, пока темнота не сгустится, а потом отдал приказ стрелять. Первый выстрел закончился перелетом. Ядро перемахнуло через испанский корабль и с плеском упало со стороны открытого моря. Второе поразило цель, равно как и третье. Потом сделалось настолько темно, что уже ничего было не разглядеть.

Вскорости фальконет, видимо, всадил еще одно ядро в испанский корабль, потому что каперы увидели в темноте разворачивающиеся белые паруса.

— Они бегут! — хрипло воскликнул Эндерс.

Артиллерийский расчет разразился радостными воплями. Пока испанский корабль перемещался зигзагами, чтобы сняться с якоря, по нему выстрелили еще несколько раз. Люди Хантера палили размеренно. Даже когда вражеское судно уже нельзя было разглядеть во тьме, капитан велел продолжать стрельбу. Так что в ночи по-прежнему раздавался грохот фальконета.

При первых лучах рассвета каперы принялись напрягать зрение, стремясь увидеть плоды своих трудов. Испанский корабль снова стоял на якоре, примерно в четверти мили дальше от берега, но солнце поднималось за ним, превращая судно в черный силуэт на фоне неба. Никаких признаков повреждений каперы не видели. Они точно знали, что чего-то да добились, но оценить нанесенный ущерб не было возможности.

Хантера же рассвет вогнал в уныние. Уже по тому, как именно противник встал на якорь, он мог сказать, что испанское судно серьезно не пострадало. Оно очень удачно прошло ночью через прибрежные воды, не напоролось на риф и не село на мель.

Одна рея свисала, такелаж был местами изорван, а нос расщеплен. Но все эти повреждения оказались незначи-

тельными. Корабль, можно сказать, пребывал в целостности и сохранности и теперь плавно покачивался на заливаемых солнцем прибрежных водах. Хантера затопило ощущение неимоверной усталости и уныние.

Он еще несколько мгновений понаблюдал за вражеским кораблем, присматриваясь к тому, как тот движется, а потом негромко заявил:

— Кровь Господня!..

Эндерс, стоявший рядом с ним, тоже это заметил.

— Зыбь удлинилась, — сказал он.

— Ветер свежеет, — добавил Хантер.

— Угу. Еще день-два...

Капитан посмотрел на длинные, неспешные волны, что покачивали испанский корабль, стоявший на якоре, и выругался.

— Откуда его ждать?

— Думаю, что в это время года — напрямиком с юга, — отозвался Эндерс.

Все знали, что в последние недели лета надо ожидать ураганов. Хантер с Эндерсом, превосходные мореходы, способны были предсказать приход этой ужасающей бури за день-два. На поверхности океана всегда можно и благовременно увидеть предупреждение. Волны, которые гнал вперед ветер, дующий со скоростью сотни миль в час, изменялись даже вдалеке от самого урагана.

Хантер взглянул на небо, пока еще безоблачное.

— Сколько у нас осталось, вы как считаете?

Эндерс покачал головой.

— Самое большее — до завтрашней ночи.

— Черт! — выругался капитан, развернулся и посмотрел назад, на галеон, находящийся в Обезьяньей бухте.

Судно, стоявшее на якоре, слегка покачивалось. Начался прилив, обещающий стать ненормально высоким.

— Черт! — снова ругнулся Чарльз и отправился обречь на свой корабль.

Он рассказывал взад-вперед по палубе галеона, словно узник по тюремной камере, и настроение у него было от-
вратительное. Хантер совершенно не склонен был к учти-
вой беседе, но, к сожалению, леди Сара Элмонт выбрала
именно этот момент, чтобы заговорить с ним. Она попро-
сила предоставить ей баркас и матросов, чтобы те пере-
правили ее на берег.

— С какой целью? — нелюбезно поинтересовался Хан-
тер.

В глубине души он удивился, что девушка даже не упо-
мянула о том, что он не навестил ее каюту прошлой ночью.

— Чтобы собрать себе в пищу фруктов и овощей. У вас
на борту не имеется ничего подходящего.

— Сожалею, но выполнить вашу просьбу невозмож-
но, — ответил Хантер и отвернулся.

— Капитан! — воскликнула леди Сара и топнула нож-
кой. — Я желаю, чтобы вы знали, как это для меня важно!
Я вегетарианка и не ем мяса.

Хантер обернулся.

— Мадам, мне нет дела до ваших нелепых прихотей.
Я не имею ни времени, ни терпения потакать им.

— Нелепых прихотей?! — покраснев, возмутилась ле-
ди Сара. — Да знаете ли вы, что величайшие мыслители
всех времен, от Птолемея до Леонардо да Винчи, были
вегетарианцами?! Вы просто невежа и хам, сэр!

Тут уж и Чарльз взбеленился не хуже ее.

— Мадам, вы в своем поразительном невежестве хоть
заметили, что море изменилось? — спросил он.

Сбитая с толку девушка умолкла. Она не понимала,
как связать легкую зыбь на поверхности моря с явным бес-
покойством, которое испытывал по этому поводу Хан-
тер.

— Эти волны выглядят совершенно незначительными
для такого большого корабля, как ваш.

— Да. На нынешний момент.

- И небо чистое.
- Пока что.
- Капитан, я не моряк! — заявила она.

— Мадам, зыбь сделалась длинной и глубокой, — сообщил ей Хантер. — Это может означать только одно. Менее чем через два дня мы очутимся в центре урагана. Вы понимаете, что это такое?

— Ураган — это очень сильный шторм, — промямлили леди Сара, словно повторяя наизусть выученный урок.

— Очень, очень сильный шторм, — подтвердил Хантер. — Если в момент прихода урагана мы все еще будем находиться в этой чертовой бухте, то нас разнесет в щепки. Это вы понимаете?

Капитан, разозленный до предела, взглянул в лицо своей собеседнице и увидел правду. Она ничего не понимала. Лицо ее было совершенно наивным. Девчонка никогда не видела урагана своими глазами и потому считала его штормом, всего лишь более сильным, чем обычный.

Хантер же знал, что самому сильному шторму так же далеко до урагана, как болонке до волка.

Прежде чем леди Сара успела как-то отреагировать на его вспышку, Чарльз отвернулся и прислонился к планке для кофель-нагелей. Он понимал, что был чересчур резок. В конце концов, что ей до его забот? Ему стоило быть поспаснительнее к ней. Она всю ночь ухаживала за обожженным матросом, а для знатной женщины это было весьма необычным деянием.

Хантер повернулся обратно и негромко сказал:

— Извините. Обратитесь к Эндерсу. Он позаботится, чтобы вас доставили на сушу, дабы вы могли следовать благородным традициям Птолемея и Леонардо да Винчи.

Чарльз умолк.

— Капитан!

Хантер стоял, глядя куда-то в пространство.

— Капитан, с вами все в порядке?

Внезапно он кинулся прочь от нее.

— Дон Диего! — закричал он. — Найдите мне дона Диего!

Прибыв в капитанскую каюту, дон Диего обнаружил, что Хантер лихорадочно рисует что-то на листах бумаги. Стол был усеян набросками.

— Я не знаю, что из этого получится, — заявил Чарльз. — Я о таком лишь читал. Это предлагал тот флорентиец, да Винчи, но его никто не стал слушать.

— Солдаты к художникам не прислушиваются, — отозвался дон Диего.

Хантер сердито взглянул на него.

— Независимо от того, правы они или нет.

Дон Диего посмотрел на наброски. На каждом был изображен корпус корабля, вид сверху, и веревки, привязанные к обоим бортам.

Хантер трудился над очередным рисунком.

— Идея проста, — пояснил он. — На обычном корабле у каждого артиллерийского расчета есть свой командир, который отвечает за стрельбу данной конкретной пушки.

— Ну да.

— После того как пушку зарядили и выкатили на позицию, командир расчета наводит ее на цель. Он велит своим людям при помощи ганшпуга и талей нацелить орудие так, как считает наилучшим, затем приказывает плавно вставлять клин, чтобы добиться нужного угла возвышения — опять же так, как ему подсказывает глазомер. Потом командир стреляет. Таков порядок действий для каждой отдельно взятой пушки.

— Ну да, — снова согласился Еврей.

Дон Диего на самом деле никогда вблизи не наблюдал за стрельбой большой пушки, но был знаком с общи-

ми принципами. Каждое орудие наводится отдельно. Хороший командир расчета, способный правильно прицелиться, — весьма уважаемый человек и большая редкость.

— Теперь смотрите, — продолжал Хантер. — Обычно стрельба ведется параллельно. — Он начертил линии,ходящие от борта корабля. — Каждая пушка стреляет, каждый командир расчета молится, чтобы его ядро поразило цель. Но в действительности получается множество промахов до тех пор, пока два судна не сойдутся настолько, что практически любой угол возвышения обеспечит попадание. Ну, скажем, когда расстояние между кораблями не станет меньше пятисот ярдов. Так?

Дон Диего спокойно кивнул.

— А вот что предложил этот флорентиец, — сказал Хантер, набрасывая очередное схематическое изображение корабля. — Он сказал: «Не позволяйте командирам расчетов наводить пушку перед каждым залпом. Вместо этого нацеливайте их заблаговременно, до битвы». Вот, смотрите, что получается.

Хантер начертил схематические линии стрельбы, начинающиеся от корабля и сходящиеся в одной точке.

— Понимаете? Весь огонь сосредоточивается в одном месте. Ядра поражают цель в одной точке и наносят значительные повреждения.

— Да, — согласился дон Диего. — Либо все ваши ядра пролетают мимо цели и падают в воду в одной и той же точке. Сознаюсь честно, я не понимаю ценности вашего плана.

— Эта самая ценность заключается в том, как именно стреляют пушки, — объяснил Хантер, постукивая по схеме. — Подумайте вот над чем. Если они нацелены заблаговременно, то я могу дать залп, имея всего одного человека при каждом орудии. Может, даже одного на два ствола. Если мишень уже в радиусе попадания, то я буду знать, что каждое ядро поразит цель.

Еврей, знающий о нехватке рабочих рук в экипаже, захлопал в ладоши.

— Конечно! — воскликнул он, а затем задумался. — Но что произойдет после первого залпа?

— Пушки от отдачи отскочат назад. Затем я соберу всех людей в единый артиллерийский расчет, который будет переходить от пушки к пушке, заряжать каждую и снова выкатывать на позицию для стрельбы по заранее заданным параметрам. Это можно проделать довольно быстро. Если обучить людей, то второй залп можно будет дать через десять минут.

— Но за это время местонахождение второго судна изменится.

— Да, — согласился Хантер. — Оно окажется еще ближе, в пределах зоны поражения. Так что огонь будет не столь кучным, но все равно достаточно плотным. Понимаете?

— А после второго залпа?

Хантер вздохнул.

— Сомневаюсь, что у нас будет третий шанс. Если мы не потопим противника или не выведем его из строя, то, несомненно, потерпим поражение.

— Ну что ж, — подумав, подытожил Еврей. — Это лучше, чем ничего.

Впрочем, судя по тону, особого оптимизма он не испытывал. В морском сражении противоборствующие корабли обычно обменивались не менее чем полусотней бортовых залпов. Два равных по силам судна с дисциплинированными экипажами могли вести бой чуть ли не целый день и дать за это время больше сотни залпов. На этом фоне два казались чем-то несерьезным.

— Ну да, — согласился Хантер. — Если только мы не попадем в кормовую надстройку, пороховой погреб или склад ядер.

Он назвал единственные по-настоящему уязвимые места военного корабля. На кормовой надстройке пре-

бывали все офицеры корабля и рулевой у штурвала. Удачный выстрел мог оставить противника без руководства. Попадание в склад ядер и пороховой погреб, расположенные в носу, просто разнесло бы корабль в щепки и мгновение ока.

Но попасть что туда, что туда было непросто. Если цплиться в корму, то вероятность того, что промажут вообще все пушки, возрастала.

— Проблема в прицеливании, — сказал Еврей. — Вы выставите ориентиры, чтобы пушкар потренировались здесь, в бухте?

Хантер кивнул.

— Но как вы будете прицеливаться, когда выйдете в море?

— Вот поэтому я и послал за вами. Мне нужен инструмент для наводки, чтобы выставить угловую высоту. Тут требуется геометрия, а я уже плохо помню то, чему меня учили.

Еврей почесал нос левой рукой, той самой, на которой не доставало пальцев.

— Надо подумать, — произнес он и вышел из каюты

Эндерс, невозмутимый мастер морского дела, переживал редкий для него момент замешательства.

— Что вы хотите? — переспросил он.

— Я хочу установить все тридцать две пушки по левому борту, — повторил Хантер.

— Но судно накренится влево, как беременная ко-
рова, — заявил Эндерс.

Похоже было, что сама эта идея оскорбляла его представления о приличиях и искусстве судовождения.

— В том, что оно сделается неуклюжим, я и не сомневаюсь, — сказал Хантер. — Сможете ли вы им управлять при таком раскладе?

— До какой-то степени — да, — ответил Эндерс. Я могу управлять даже гробом Папы Римского с салфчи

кой миледи вместо паруса. До какой-то степени.— Он вздохнул и продолжил: — Конечно, вы переставите пушки, когда мы выйдем в открытое море?

— Нет,— ответил Хантер.— Я сделаю это здесь, в бухте. Эндерс снова вздохнул.

— Так вы желаете пройти сквозь рифы на вашей беременной корове?

— Да.

— Значит, груз надо переместить на среднюю палубу,— произнес Эндерс, устремив взгляд куда-то в пространство.— Переставим эти ящики по правому борту, вдоль ограждения, и принайтовим. Это немного поможет, но мы и сейчас уже неустойчивы, а тогда будет просто ужас что такое. Мы станем мотаться на волнах словно поплавок. Стрелять при таком раскладе окажется чертовски трудно.

— Я всего лишь спросил, сможете ли вы управлять кораблем.

Воцарилось продолжительное молчание.

— Смогу,— в конце концов произнес Эндерс.— Проведу его так, что жаловаться вам не придется. Но стоило бы привести его в порядок, прежде чем налетит ураган. При дурной погоде этот корабль не продержится на плаву и десяти минут.

— Я понимаю,— откликнулся Хантер.

Собеседники обменялись взглядами. Весь их разговор проходил под раскатистое гроыхание у них над головами. Моряки перетаскивали первую пушку с правого борта на левый.

— Вы ввязываетесь в драку с неравными шансами,— сказал Эндерс.

— Других у меня не имеется,— ответил Хантер.

Стрельбы начались вскоре после полудня. На берегу, в пятистах ярдах от галеона, был натянут кусок белой парусины. Пушки стреляли по отдельности, до тех пор,

пока каждая не попадала в цель. Точка, с которой был произведен удачный выстрел, отмечалась ножом прямо на палубе. Это был долгий, медленный, утомительный процесс, продолжавшийся и ночью, только в темное время белую парусиновую мишень заменили небольшим костром. К полуночи все тридцать две пушки были пристреляны, заряжены и поставлены на место. Груз перетаскили на среднюю палубу и принятовили к ограждению правого борта, отчасти скомпенсировав этим крен на левый борт. Эндерс заявил, что состояние судна его устраивает, но вид у него был несчастный.

Хантер приказал всем работникам поспать несколько часов и объявил, что они отплывут с утренним приливом. В последний миг перед тем, как погрузиться в сон, капитан успел еще подумать о том, как расценил Боске эту пушечную стрельбу в заливе. Догадался ли он, что означает вся эта пальба? И если догадался, то что станет делать?

Впрочем, долго размышлять над этим вопросом Хантер не стал. Он решил, что и так скоро все узнает, и закрыл глаза.

Глава 30

Капитан встретил рассвет на палубе, расхаживая взад-вперед и следя за тем, как экипаж готовился к битве. Все веревки и крепления были продублированы на тот случай, чтобы кораблем можно было управлять, если что-то где-то порвется. На леерах и переборках развесили мокрые матрасы и одеяла, чтобы защитить экипаж от летящих осколков. Палубу постоянно окатывали водой, промачивая доски, чтобы уменьшить вероятность возникновения пожара.

Среди всех этих приготовлений Хантера отыскал Эндерс.

— Капитан, дозорные только что сообщили, что испанский корабль ушел.

Новость ошеломила Чарльза.

— Ушел?!

— Так точно, капитан. Ночью снялся и ушел.

— И его нигде не видать?

— Так точно.

— Он не мог просто взять и оставить нас в покое, — заявил Хантер и на мгновение задумался, перебирая в уме возможные варианты.

Может быть, испанец ушел к северному или южному берегу острова и там поджидает их в засаде. Вдруг Боске измыслил какой-то иной план? Или, быть может, ядра

фальконета нанесли его кораблю больший урон, чем предполагали каперы?

— Хорошо, продолжайте, — распорядился Чарльз.

Капитан понимал, что сам факт исчезновения военного корабля можно считать весьма приятным. Это означало, что он может спокойно выйти из Обезьяньей бухты на своем неуклюжем корабле.

Этот самый выход его и беспокоил.

Хантер видел, как на другой стороне бухты Сансон руководил приготовлениями на «Кассандре». Сегодня шлюп сидел в воде заметно глубже, чем прежде. За ночь Хантер переправил половину сокровищ с галеона на «Кассандру». Существовала немалая вероятность того, что как минимум один из их кораблей может затонуть, и Чарльз хотел, чтобы хотя бы часть сокровищ уцелела.

Сансон помахал ему рукой. Хантер ответил тем же и подумал, что на сегодня судьба у француза незавидная. Согласно их планам, меньшему кораблю предстояло во время нападения бежать в ближайшую безопасную бухту, пока Хантер будет разбираться с испанским судном. Но в этом был свой риск, поскольку могло оказаться, что ускользнуть без помех будет совсем не просто. Если испанец решит направить первую свою атаку на Сансона, то корабль Хантера не сможет сам перейти в наступление. Пушки «Эль Тринидада» были подготовлены всего к двум залпам, причем ответным, с минимального расстояния.

Если Сансон и страшился такого расклада, то он никак этого не выказывал и поприветствовал Хантера вполне бодро и радостно. Через несколько минут оба судна снялись с якоря и вышли в открытое море, оказавшееся весьма бурным.

Сразу же за коралловыми рифами и мелководьем задул ветер в сорок узлов, поднимавший двенадцатифутовые волны. «Кассандра» плясала на них, а галеон Хантера с трудом переползал с одной на другую, словно большое животное.

Эндерс ворчал, не переставая, а потом попросил капитана ненадолго встать к штурвалу. Мастер-мореход прошел на нос, чтобы оказаться не под парусами.

Эндерс встал спиной к ветру и раскинул руки. Он на мгновение застыл в этой позе, а потом немного повернулся, по-прежнему держа руки раскинутыми.

Хантер узнал уловку, при помощи которой бывалые моряки определяли, где находится глаз урагана. Если встать с раскинутыми руками спиной точно к ветру, то он всегда будет на два румба вперед от того направления, куда указывает левая рука.

Эндерс вернулся к штурвалу, бурча и ругаясь.

— Ураган идет с зюйд-зюйд-веста, — сообщил он. — Чтоб мне пусто было, если мы не испытаем его на своей шкуре еще до вечера.

Небо над ними и вправду уже сделалось серым, потемнело, а ветер, похоже, усиливался с каждой минутой. «Эль Тринидад», вышедший из-под защиты острова Кота в бурное открытое море, опасно накренился.

— Черт подери! — выругался Эндерс. — Не нравятся мне эти пушки, капитан. Может быть, мы передвинем две-три обратно на правый борт?

— Нет, — отрезал Хантер.

— Корабль пойдет быстрее, — пообещал Эндерс. — Вы будете довольны.

— И Боске тоже, — отозвался Хантер.

— Покажите мне вашего Боске, и я ни слова больше не скажу насчет того, чтобы переставить пушки.

— Вон он, — произнес Хантер, указав назад, за корму.

Эндерс оглянулся и увидел испанский корабль. Тот обогнул остров Кота с севера и пустился в погоню за галеоном.

— Точнехонько нам в задницу! Кости Господни, рассчитал он отлично! — не утерпел Эндерс.

Вражеский корабль надвигался на самую беззащитную часть галеона — его корму. Любой корабль уязвим имен-

но там. Поэтому сокровища всегда складировать в носовой части трюма, а самые просторные каюты располагают на корме. Каюта капитана корабля может быть большой, но предполагается, что во время боя он в ней не находится.

На корме у Хантера не было ни единой пушки. Все они, сколько их имелось, располагались по левому борту. Крик, вызванный ими, лишал Эндерса традиционного способа защиты от нападения сзади — возможности постоянно маневрировать, хаотически изменяя курс, чтобы вражеским артиллеристам сложнее было попасть. Эндерс вынужден был придерживаться курса, наилучшего при этом ветре, чтобы удерживать корабль на плаву, и это удручало его до крайности.

— Идите прежним курсом, чтобы берег оставался на правом борту, — распорядился Хантер.

Он прошел к бортовому ограждению, где дон Дисто смотрел в странное приспособление, сооруженное им. Это была деревянная штука примерно трех футов длиной, установленная на грот-мачте. На обоих ее концах располагались небольшие квадратные рамки с нитями, натянутыми в виде буквы «Х».

— Тут все довольно просто, — сообщил Еврей. — Надо смотреть вот сюда, — пояснил он, становясь у одного конца. — Когда оба комплекта нитей совпадут, вы будете находиться на нужной позиции. Какая часть мишени окажется на пересечении нитей, туда вы и попадете.

— А дистанция?

— Для этого вам нужна Лазю.

Хантер кивнул. Эта женщина не только обладала острым зрением, но и умела оценивать расстояние с удивительной точностью.

— Дистанция — не проблема, — продолжал Еврей. Вся трудность в том, как соотнести стрельбу с волнами. Вот, гляньте.

Капитан встал к перекрестью, зажмурил один глаз, отыскивал положение, при котором двойные нити накладывались

вались бы друг на дружку, и понял, насколько сильная у его корабля килевая и бортовая качка. Перекрестье прицела только что смотрело в пустое небо, а через секунду оно уже указывало в бурное море.

Хантер мысленно представил, как он приказывает дать валп. Чарльз понимал, что между отданной командой и моментом, когда канониры выполнят ее, пройдет некоторое время. Это следовало учесть. Да и ядра долетят до цели еще через полсекунды. В сумме между приказом стрелять и поражением цели пройдет больше секунды.

В течение этого времени волны будут швырять корабль из стороны в сторону. Хантера охватила паника. Его безрассудный план был невыполним в условиях бурного моря. Он ни за что не сумеет дать два точно нацеленных залпа!

— Когда координация времени очень важна, может пригодиться опыт дуэли,— предложил Еврей.

— Отлично,— согласился капитан.

Идея и впрямь была полезная.

— Предупредите артиллерийские расчеты, что стрелять будем на счет «три». Один, два, три, огонь. Так?

— Предупрежу,— пообещал Еврей.— Но в шуме битвы...

Чарльз кивнул. Дон Диего сегодня был очень проницателен и мыслил куда более ясно, чем он сам. Как только начнется стрельба, команды голосом очень легко будет не расслышать или понять неправильно.

— Я буду выкрикивать приказы, а вы — стоять рядом со мной и давать отмашку.

Еврей кивнул и пошел предупреждать экипаж. Хантер позвал Лазю и объяснил ей задачу, связанную с точностью прицеливания. Залп был рассчитан на дистанцию в пятьсот ярдов. Требовалось, чтобы она точно определила это расстояние. Женщина заявила, что может это сделать.

Хантер вернулся к Эндерсу, когда тот как раз завершал длительную череду ругательств.

— Скоро этот мерзавец нам покажет,— сообщил мастер-мореход.— Я уже почти что чую шипы под цветком.

В этот момент носовая пушка испанского корабля выстрелила. Небольшое ядро со свистом пронеслось над головами каперов.

— Горячее, как пылкий юнец,— произнес Эндерс и погрозил кулаком.

Второе ядро врезалось в кормовую надстройку, но серьезного вреда не причинило.

— Держи прежний курс,— велел Хантер.— Дай ему походить.

— Обязательно! Можно подумать, мне остается что-то другое! Что я еще могу сделать?

— Не терять головы,— сказал Хантер.

— Я рискую не головой, а моей дражайшей задницей,— отозвался Эндерс.

Третье ядро просвистело в воздухе над средней частью корабля и ничего не зацепило. Хантер этого ждал.

— Дым! — выкрикнул он, и матросы ринулись поджигать бочонки со смолой и серой, стоявшие на палубе.

Дым столбом поднялся над судном и поплыл назад, к корму. Хантер знал, что со стороны будет казаться, будто его корабль пострадал. Он вполне представлял, что сейчас думают испанцы насчет опасно накренившегося галеона, который теперь еще и задымился.

— Он взял курс ост,— сообщил Эндерс.— Подходи, чтобы добить нас.

— Отлично,— откликнулся Хантер.

— Отлично! — повторил Еврей, покачав головой. Призрак Иудин, наш капитан сказал «отлично»!

Хантер смотрел, как испанский корабль подходил к галеону слева. Боске начал бой по классическому образцу и продолжал в том же духе. Он обходил свою добычу по широкой дуге, выходя на параллельный курс на расстоянии эффективной пушечной стрельбы.

Как только Боске поравняется с галеоном, он пойдет на сближение. Примерно с двух тысяч ярдов противник откроет огонь и будет подходить все ближе и ближе, и

прекращая стрельбу. Это будет самый сложный момент для Хантера и его команды. Им придется как-то выдерживать все эти залпы, пока испанский корабль не подойдет на дистанцию их выстрела.

Вражеское судно уже шло параллельным курсом с «Эль Тринидадом», чуть больше чем в миле по левому борту.

— Так держать.— Хантер положил руку Эндерсу на плечо.

— Мне-то ты можешь приказывать,— проворчал тот.— А вот этот испанский ублюдок хрен тебя послушается. Капитан подошел к Лазю.

— До них две тысячи ярдов,— сообщила женщина, которая, прищурившись, разглядывала силуэт вражеского корабля.

— Насколько быстро они приближаются?

— Очень быстро. Им нейдет.

— Тем лучше для нас,— заметил Хантер.

— Теперь до них тысяча восемьсот ярдов,— сообщила Лазю.

— Готовятся к выстрелу,— сказал капитан.

Через мгновение пушки военного корабля дали первый залп. Борт испанца заволокло дымом, а по левому борту галеона послышался плеск недолетевших ядер.

Еврей считал:

— Одна мадонна, две мадонны, три мадонны, четыре мадонны...

— Тысяча семьсот,— сообщила Лазю.

Дон Диего дошел до семидесяти пяти мадонн, когда последовал второй залп. Железные ядра кучно засвистели над головами, но в галеон не попало ни одно.

Еврей тут же начал считать заново:

— Одна мадонна, две мадонны...

— Что-то они не так искусны, как могли бы,— заметил Хантер.— Им следовало бы повторять залп через шестьдесят секунд.

— Тысяча пятьсот ярдов,— пробормотала Лазю.

Прошла еще минута, и ударил третий залп. На этот раз ядра нашли цель, и эффект был ошеломляющий. Вокруг Чарльза в одночасье воцарился хаос. Люди кричали, в воздухе свистели щепки, на палубу валились обломки рангоута и такелажа.

— Какие повреждения?! — выкрикнул капитан. — Доложить!

Он вглядывался через пороховой дым во вражеский корабль, который продолжал идти на сближение, и даже не осознавал, что у его ног валялся какой-то моряк. Бедняга корчился и кричал от боли. Он закрыл руками лицо, а между пальцев бежала кровь.

Еврей взглянул на моряка и увидел огромный кусок дерева. Тот пробил матросу щеку и воткнулся в основание глотки. В следующее мгновение Лазю спокойно наклонилась и выстрелила в голову раненого. На доски палубы плеснуло чем-то розоватым и творожистым. Дон Диего с какой-то странной бесстрастностью осознал, что это мозги несчастного. Он посмотрел на Хантера. Тот не отрывал взгляда от противника.

— Доложить о повреждениях! — крикнул капитан, когда на них обрушился следующий залп.

— Фок сломан!

— Второй пушки нет!

— Шестой пушки нет!

— Крюйс-марс снесен!

Тут раздался крик:

— Берегись! — и на палубу посыпался рангоут крюйс-марса, тяжелые куски дерева и обрывки такелажа.

Хантер пригнулся, уворачиваясь от летящих обломков. Упавший парус накрыл его и едва не сшиб с ног. Что-то нож вспорол парусину перед самым носом у Чарльза. Тот дернулся и увидел белый свет. Это Лазю освободила его из ловушки.

— Ты меня чуть без носа не оставила, — заметил капитан

— Ты бы ничего не потерял, — парировала Лазю.

Испанский корабль дал очередной залп, и над головами каперов снова просвистели ядра.

— Перелет! — в безумном ликовании заорал Эндерс. — Чтоб мне провалиться — перелет!

Хантер взглянул вперед, и в этот самый момент прямо посреди пятого артиллерийского расчета ударило ядро. Бронзовая пушка взлетела в воздух. Щепки от досок палубы так и брызнули во все стороны. Одного из матросов острый как бритва осколок полоснул по горлу. Несчастный схватился за шею и рухнул на палубу, корчась от боли.

Неподалеку от них другое ядро попало прямиком в матроса и разорвало его пополам. Ноги просто вышибло из-под верхней части тела. Обрубок туловища еще несколько секунд с криками катился по палубе, пока шок не повлек за собою смерть.

— Доложить о повреждениях! — рявкнул Хантер.

Капера, стоявшего рядом с ним, сорвавшиеся тали огрели по голове и проломили ему череп. Теперь он лежал в луже красной вязкой крови. Рея с фор-марса сорвалась вниз, пришивив двоих матросов к палубе и переломав им ноги. Они истошно кричали.

Испанец дал очередной залп.

Стоять посреди этих страданий и разрушений и сохранять холодный рассудок было почти невозможно, но все-таки именно это Хантер и пытался сделать, пока залп за залпом обрушивался на его судно. С того момента, как военный корабль открыл огонь, прошло двадцать минут. Палуба была засыпана обломками рангоута, такелажа и досок. Крики раненых мешались с воем пушечных ядер. Для капитана хаос, царящий вокруг, и разрушения давно слились в постоянный фон, такой неизменный, что он перестал обращать на него внимание. Чарльз знал, что его корабль медленно, но неумолимо разрушается. При этом его внимание было по-прежнему сосредоточено на вражеском судне, которое приближалось с каждой секундой.

Потери каперов были велики. Семь человек погибли, двенадцать оказались ранены. Два заранее подготовленных места для стрельбы из пушек разрушились. Галеон потерял фок-мачту со всеми парусами. Еще он лишился верхушки бизани и всего такелажа грот-мачты по поврежденному борту. «Эль Тринидад» получил две пробоины ниже ватерлинии и быстро набирал воду. Хантер уже чувствовал, что судно сидит ниже и движется куда более неуклюже, чем раньше.

Капитан не мог сейчас даже пытаться исправить повреждения. Его маленькая команда работала не покладая рук, чтобы хотя бы удержать корабль на нужном курсе. Теперь это было лишь вопросом времени. Раньше или позже галеоном невозможно станет управлять, либо он попросту затонет.

Чарльз, щурясь, смотрел через пороховой дым на испанский корабль. Разглядеть его становилось все труднее. Несмотря на сильный ветер, дым окружал противника едким облаком.

Испанец быстро приближался.

— Семьсот ярдов, — бесцветным голосом произнесла Лазю.

Ее уже ранило. Во время пятого залпа зазубренный обломок дерева распорол предплечье женщины. Лазю быстро наложила жгут и продолжала рассчитывать расстояние, не обращая внимания на кровь, которая капала на палубу у ее ног.

Ударил очередной залп, и корабль качнулся от множества попаданий.

— Шестьсот ярдов.

— Приготовиться к стрельбе! — выкрикнул Хантер и наклонился к прицелу.

Он целился в середину корпуса, но испанский корабль быстро сдвинулся чуть вперед, и теперь перекрестье приходилось на кормовую рубку.

«Значит, так тому и быть», — подумал Хантер, применяясь к качке галеона и рассчитывая время. Вверх-вниз, вверх-вниз, в прицеле ясное небо, потом сплошная вода, снова чужой корабль и опять небо. «Эль Тринидад» как раз в этот момент задрал нос кверху.

Хантер считал про себя, раз за разом беззвучно выговаривая слова.

— Пятьсот ярдов, — доложила Лазю.

Капитан подождал еще мгновение, потом начал отсчет.

— Один! — крикнул он в тот момент, когда перекрестье смотрело в небо.

Потом галеон качнулся носом вниз, и точка прицела быстро пересекла силуэт вражеского корабля.

— Два! — выкрикнул Хантер, увидев бушующее море.

На краткий миг движение корпуса судна приостановилось.

Чарльз ждал.

«Эль Тринидад» начал поднимать нос, и капитан выкрикнул:

— Три!

— Огонь!

Все тридцать две пушки галеона ударили одновременно. Корабль встряхнуло и приподняло на волне. Хантера отшвырнуло назад и приложило о грот-мачту, да так, что у него дух перехватило. Но Чарльз едва это заметил. Он смотрел вперед, силясь понять, что же произошло с противником.

— Ты в них попал, — заявила Лазю.

Так оно и было. Сила удара буквально вколотила испанский корабль в воду, вышибив корму наружу. Кормовая надстройка превратилась в обломки, а бизань-мачта медленным, странным движением падала в море вместе со всеми своими парусами.

Но Хантер сразу осознал, что удар пришелся посреди-
не между рулем и человеком у штурвала, не зацепив ни

того ни другого. Испанцы по-прежнему сохраняли управление кораблем.

— Перезарядить пушки и выкатить на позицию! — выкрикнул он.

На испанском корабле все еще царила суматоха. Капитан знал, что выиграл время, но не был уверен, получили ли он те десять минут, которые требовались ему для подготовки второго залпа.

Испанские матросы суетились на корме, обрубая такелаж бизань-мачты в попытках освободить от нее корабль. На мгновение мачта легла на воду. Всем казалось, что сейчас она столкнется с рулем, но этого так и не произошло.

Хантер услышал громоподобное гремящее под собственной палубой. Матросы выдвигали на огневую позицию пушки одну за другой.

Испанский корабль теперь был ближе, менее чем в четырех сотнях ярдов по левому борту. Он сильно кренился и пока не мог уклониться от залпа.

Прошла минута. За ней — другая.

Капитан испанского корабля справился со своим судном. Бизань с парусами и такелажом медленно плыла где-то в кильватере.

Нос противника развернулся по ветру. Он лег на другой галс и заходил к галеону Хантера с незащищенного правого борта.

— Черт побери! — выругался Эндерс. — Я знал, что этот ублюдок умен!

Испанский корабль развернулся правым бортом и через мгновение дал залп. Для такого расстояния эффект получился внушительным. На палубу вокруг Хантера посыпались обломки рангоута и такелажа.

— Следующего залпа мы не выдержим, — негромко заметила Лазю.

Хантер уже успел подумать то же самое.

— Сколько пушек на позиции?! — крикнул он.

Дон Диего, стоявший в отдалении, заглянул на батареиную палубу.

— Шестнадцать готово!

— Значит, будем стрелять из шестнадцати,— решил Чарльз.

Следующий залп испанцев произвел сокрушительный эффект. Корабль Хантера разваливался.

— Мистер Эндерс! — гаркнул капитан.— Приготовьтесь к повороту на другой галс!

Тот уставился на него, не веря собственным ушам. Со сменой галса галеон развернулся бы бортом к носу испанского корабля и изрядно приблизился бы к врагу.

— Приготовиться к повороту на другой галс! — повторил Чарльз.

— К повороту! — проорал Эндерс.

Изумленные моряки кинулись к линиям и лихорадочно принялись распутывать их.

Вражеский корабль приближался.

— Триста пятьдесят ярдов,— сообщила Лазю.

Хантер ее почти не слышал. Расстояние его больше не интересовало. Он смотрел сквозь прицел на силуэт вражеского корабля, затянутый дымом. Гарь ела глаза, слезы туманили их. Капитан смахнул их и вновь устремил взгляд на точку прицела, замершую на борту испанца.

— К повороту! Руль по ветру! — рявкнул Эндерс.

— Приготовиться к стрельбе! — выкрикнул Хантер.

Эндерс был потрясен. Чарльз знал это, даже не видя мастера-морехода. Он не отрывал взгляда от перекрестья прицела. Хантер собирался стрелять в тот момент, когда корабль будет разворачиваться. Это было неслыханно, попросту безумно.

— Один! — крикнул Хантер.

Он видел, как его корабль разворачивается, чтоб встать орудийным бортом к испанцу.

— Два!

Теперь галеон двигался медленно. Перекрестье при цела ползло по борту вражеского судна, мимо носовых оружейных портов, вдоль досок корпуса.

— Три!

Скрещенные нити медленно ползли к цели, но пока еще находились слишком высоко. Хантер ждал, когда его корабль нырнет с волны вниз, зная, что в этот самый миг испанец слегка приподнимется, открывая большую часть борта.

Капитан терпел, не смея дышать и надеяться.

Испанский корабль чуть приподнялся, а потом...

— Огонь!

Галеон снова дернулся от силы отдачи. Залп получил ся недружным. Хантер и увидел, и почувствовал это, но не мог разглядеть результат. Он ждал, пока дым рассеет ся и из него выступит корабль. Чарльз смотрел.

— Матерь Божья! — выдохнула Лазю.

У испанского корабля не видно было никаких повреж дений. Хантер промазал.

— Чтоб я сдох! — вырвалось у Чарльза, и он подумал, что слова его вскорости сбудутся.

Они все сдохнут. Следующий же залп испанцев при кончит их.

— Это была благородная попытка, — заявил дон Ди его. — Благородная и храбрая.

Лазю покачала головой и поцеловала Хантера в щеку

— Святые, помилуйте нас, — сказала женщина, и по щеке ее сбежала слеза.

Капитана захлестнуло беспросветное отчаяние. Они упустили свой последний шанс. Он всех погубил. Теперь ему оставалось лишь одно — выбросить белый флаг и сдаться.

— Мистер Эндерс! — позвал он. — Поднимайте бе лый...

Тут он осекся. Мастер-мореход отплясывал за штурш лом, хлопая себя по бедрам и хохоча во все горло.

Потом Чарльз услышал радостные вопли с нижних палуб. Это орали артиллерийские расчеты.

Они что, все свихнулись?

Лазю, стоявшая рядом с Хантером, завизжала от восторга и захохотала столь же громко, как и Эндерс. Капитан развернулся и взглянул на вражеский корабль. Он увидел, как нос испанца приподнимается на волне, а потом заметил пробоину, зияющую в семи-восьми футах ниже ватерлинии. Через мгновение нос корабля снова погрузился в воду, скрывая поврежденное место.

Хантер едва успел осознать значение увиденного, как из баковой надстройки испанца поползли черные клубы. Столб дыма поднялся внезапно и резко. Тут же грохнул взрыв.

Испанский корабль исчез, превратившись в огромный огненный шар. Это взорвался пороховой погреб. Грохот был таким мощным, что «Эль Тринидад» встряхнуло. Затем последовал второй взрыв, за ним — третий, и вражеское судно потонуло на глазах у корсаров буквально в считанные секунды. Хантер видел лишь отдельные обрывочные фрагменты этой картины гибели — рушащиеся мачты, пушки, словно подброшенные в воздух невидимой рукой, корабль, провалившийся внутрь самого себя, а потом разметанный взрывом в разные стороны.

Что-то врезалось в грот-мачту над головой у Чарльза и шлепнулось ему на макушку, а потом соскользнуло по плечу на палубу. Хантер подумал было, что это какая-то птица, но потом взглянул вниз и обнаружил, что это оторванная кисть руки. На одном пальце красовалось кольцо.

— Боже милостивый... — прошептал капитан, затем снова поднял взгляд и увидел не менее поразительное зрелище.

Испанский корабль исчез в буквальном смысле слова. Вот только что он был тут, весь в огне и вспышках взрывов, но все-таки был. А теперь — исчез. На поверхности

моря плавали горящие обломки, паруса и куски рангоутного дерева. Вперемешку со всем этим воду покрывали трупы испанских моряков. Хантер услышал крики выживших, но сам корабль исчез.

Команда галеона хохотала и прыгала от радости, переполнившись ликованием, а капитан не мог оторвать глаз от того места на воде, где только что находилось вражеское судно. Его взгляд зацепился за труп, плавающий лицом вниз среди горящих обломков. Судя по синему мундиру, это был какой-то испанский офицер. Как-то так получилось, что взрыв изорвал в клочья его брюки, и обнаженные ягодицы оказались выставлены на всеобщее обозрение. Хантер смотрел на эту нагую плоть, изумляясь тому, что тело осталось цело, а одежду каким-то образом с него сорвало. В этой случайности и хаотичности увечий было что-то непристойное. Потом, когда труп приподняло волной, Хантер заметил, что у него нет головы.

До его сознания вдруг дошло, что его команда больше не ликует. Все замолчали и развернулись к капитану. Хантер оглядел их уставшие, грязные окровавленные лица с темными кругами вокруг запавших глаз. На них было написано странное ожидание.

Все смотрели на него и чего-то ждали. Несколько мгновений Хантер не мог понять, чего команда от него хочет, а потом почувствовал что-то на щеках.

Это оказались капли дождя.

Глава 31

Ураган налетел с бешеной силой. В считанные минуты ветер, воюющий в снастях, набрал скорость в сорок с лишним узлов. Струи дождя хлестали по лицам. Море бушевало. Волны превратились в пятнадцатифутовые валы и швыряли корабль словно щепку. Он взлетал в воздух на гребне волны, а через секунду уже несясь вниз так, что все нутро выворачивало, а водяная гора нависала сверху.

Все знали, что это лишь начало. Ветер, дождь и волнение лишь усилятся, а буря будет бушевать несколько часов, если не дней.

Корсары ринулись работать с энергией, невероятной для их усталости. Они очистили палубу, убрали изорванные паруса, спустили за борт холстину и затагнули пробоины, располагавшиеся ниже ватерлинии. Люди молча трудились на скользкой качающейся мокрой палубе. Каждый понимал, что в любое мгновение его может смыть за борт и никто даже не увидит, как это произошло.

Но самая срочная и сложная задача состояла в том, чтобы привести корабль в порядок, переместить пушки с правого борта на прежние места. Это было нелегким делом даже при спокойном море и сухой палубе. Теперь же, в бурю, корабль захлестывали волны, а крен доходил до сорока пяти градусов. Такелаж и все, что находилось наверху, промокло насквозь и сделалось скользким. Это

был просто кошмар. Сделать такое было невозможно, но необходимо, потому что речь шла об их выживании.

Хантер руководил работами. Каперы переставляли пушки по одной. Приноровиться к качке, когда приходилось сражаться с пятью тысячами фунтов бронзы, оказалось ой как нелегко.

Первое орудие они потеряли. Веревка лопнула, пушки помчалась через накренившуюся палубу подобно снаряду, разнесла в щепки ограждение противоположного борта и рухнула в море. Скорость, с которой это произошло, привела всех в ужас. Вторую пушку каперы обвязали веревками, сложенными вдвое. Она не просто сорвалась, но еще и задавила по пути одного моряка.

В течение следующих пяти часов они сражались с ветром и дождем, старались вернуть пушки на свои места и надежно закрепить их. Когда дело было кончено, весь экипаж «Эль Тринидада» был измотан превыше всяких сил. Моряки цеплялись за леера и оттяжки, чтобы их не смыло за борт, и здорово напоминали тонущих животных.

Однако же Хантер понимал, что буря еще только начиналась.

Ураган, самое ужасающее явление природы, был замечен первыми же путешественниками, явившимися в Новый Свет. Само это слово — «ураган» — принадлежало языку индейского племени араваков и обозначало бурю, подобную которой Европа не ведала. Экипаж Хантера знал о неимоверной мощи этого гигантского циклонического явления и отвечал на чудовищную сущность бури древнейшими моряцкими суевериями и ритуалами.

Эндерс, стоявший у штурвала, смотрел на водяные горы, вздымающиеся вокруг, и бормотал все молитвы, какие только помнил с детства. При этом он то и дело прикасался к акульему зубу, висевшему у него на шее, и жи

лел, что не может поставить больше парусов. В данный момент на «Эль Тринидаде» их было поднято всего три, а идти под тремя парусами — дурная примета, это всякий знает.

Мавр, находящийся на нижней палубе, взял кинжал, рассек себе палец, а потом начертил собственной кровью треугольник на досках. В его середину он положил перо, которое придерживал там, пока шептал про себя заклинание.

Лазю, оказавшаяся на носу галеона, сбросила за борт бочонок солонины и подняла к небу три пальца. Это суеверие было самым древним. Женщина знала, что в старину моряки бросали за борт какую-нибудь еду, а три пальца, поднятых к небу, вроде бы могли спасти тонущее судно. На самом деле этот жест символизировал трезубец Нептуна, а еда была жертвоприношением богу морей.

Сам Хантер не раз во всеуслышание заявлял, что презирает подобные суеверия. Однако же он ушел к себе, запер дверь, опустился на колени и принялся молиться. При этом мебель в каюте летала от стены к стене, ибо волны швыряли корабль из стороны в сторону.

Буря с дьявольской яростью завывала за стенками, корабль под ним трещал и протяжно, мучительно стонал. Поначалу Хантер не слышал ничего, кроме этих звуков, потом до него донесся женский крик, который тут же повторился.

Чарльз выскочил из каюты и увидел, как пятеро матросов волокли леди Сару Элмонт к сходному трапу. Девушка кричала и билась у них в руках, силясь вырваться.

— Стоять! — гаркнул капитан и рванул к ним.

Волны перелетали через головы людей и с грохотом разбивались о палубу.

Каперы отвели глаза.

— Что здесь происходит?! — спросил Хантер, но не получил никакого ответа.

В конечном итоге сама леди Сара пронзительно выкрикнула:

— Они хотят бросить меня в море!

Заводилой в этой группе, похоже, был Эдвардс, грубый моряк, участник десятков каперских походов.

— Она ведьма! — заявил он, с вызовом глядя на Чарльза. — Точно вам говорю, капитан! Мы нипочем не переживем эту бурю, если она останется на борту!

— Не мели чушь! — оборвал его Хантер.

— Попомните мое слово. Если не избавимся от нее нам конец! Она ведьма, точно вам говорю! Настоящая ведьма!

— Откуда тебе это известно?

— Я это сразу понял, как ее увидел! — заявил Эдвардс.

— По каким признакам? — спросил капитан.

— Этот человек — сумасшедший! — вмешалась леди Сара. — Самый настоящий безумец!

— По каким признакам ты это понял?! — повторил вопрос Хантер, перекрикивая ветер.

Эдвардс заколебался.

В конце концов он отпустил девушку, отвернулся и буркнул:

— Да чего тут говорить! Но вы меня еще вспомните. Честно вам говорю.

Эдвардс ушел, остальные тоже отступили один за другим.

Хантер с леди Сарой остались одни.

— Возвращайтесь в свою каюту, закройте дверь на замки и сидите там. Ни в коем случае не выходите и никому не открывайте, — приказал капитан.

Девушка, глаза которой были круглыми от страха, кинулась и отправилась к себе. Хантер подождал, пока она заперлась, а потом, после краткого колебания, вышел наверх, навстречу ярости бури.

На нижних палубах буря наводила страх, но на верхней она превосходила все мыслимые представления. К встре-

че с ней невозможно было подготовиться. Ветер набросился на Чарльза словно какое-то невидимое чудище. Тысячи сильных рук схватили его и принялись отдирать от всякой опоры и от всего, за что можно было бы ухватиться. Дождь хлестнул по нему с такой силой, что в первое мгновение Хантер не удержался от крика. Несколько секунд он ничего не мог разглядеть вокруг, потом увидел Эндерса, стоявшего у штурвала. Тот был надежно привязан.

Капитан добрался до него, цепляясь за направляющий канат, протянутый через палубу, и в конце концов спрятался под прикрытие кормовой надстройки.

Он взял запасную веревку, привязался, потом подался поближе к рулевому и прокричал:

— Как дела?

— Пока без перемен! — крикнул в ответ мастер-мореход. — Мы держимся. Это продлится еще сколько-то, но ураган зарядил надолго! А корабль начинает разваливаться!

— Надолго — это насколько?

Слова Эндерса затерялись под горой воды, взмывшей над ними и рухнувшей на палубу.

Хантер решил, что это вполне сойдет за ответ. Ни один корабль долго не выдержит такого избиения, а уж настолько увечный, как их галеон, — и подавно.

Леди Сара Элмонт в своей каюте изучила разрушения, причиненные бурей и моряками, которые ворвались к ней, когда она готовилась к ритуалу. Осторожно, приноравливаясь к качке, девушка снова расставила по местам пять красных свечей и зажгла их одну за другой. Каюту наполнило мерцание. Затем леди Сара нацарапала на досках пола пентаграмму и шагнула внутрь.

Ей было очень страшно. Когда та француженка, мадам де Рокамбо, знакомила ее и других придворных дам с по-

следним увлечением двора короля Людовика Четырнадцатого, леди Сару это позабавило и даже слегка насмешило. Рассказывали, будто во Франции женщины убивали своих новорожденных младенцев, чтобы сохранить вечную молодость. Если этот невинный обряд хоть чуть-чуть поможет спасти жизнь англичанки, то что же здесь плохого?

Леди Сара закрыла глаза, прислушиваясь к вою бури.

— Гридигут,— прошептала девушка, почувствовала это слово на своих губах, опустилась на колени в центре пентаграммы и принялась ласкать себя.— Гридигут, Гридигут, приди ко мне!

Корабль снова накренился, свечи заскользили сперва в одну сторону, затем в другую. Леди Саре пришлось остановиться, чтобы поймать их и вернуть на место. Это очень отвлекало ее. Как трудно быть ведьмой! Мадам де Рокамбо ничего не рассказывала о том, как творить заклинания на корабле. Возможно, они и не сработают. Вполне может статься, что это все французские глупости, и ничего более.

— Гридигут...— простонала девушка, лаская себя.

Потом ей показалось, будто буря делается слабее.

Или это была лишь игра воображения?

— Гридигут, приди ко мне, возьми меня, поселись во мне.

Она представила когтистые лапы, почувствовала, как ветер треплет ее ночную рубашку, ощутила некое присутствие...

Потом ветер стих.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПАСТЬ ДРАКОНА

Глава 32

Хантер пробудился от беспокойного сна со странным ощущением. Ему казалось, будто что-то не так. Он сел на кровати и осознал, что наверху сделалось тише. Ход корабля стал более плавным, а ветер уже не выл, а шептал.

Капитан выскочил на палубу. Шел слабый дождь. Он увидел, что волнение уменьшилось, а видимость улучшилась. Эндерс, по-прежнему стоявший у руля, был, похоже, полумертв от усталости, но улыбался.

— Мы выдержали, капитан! — заявил он. — Это не конец, осталось еще немного, но мы прорвались!

Эндерс указал вправо. Там виднелся невысокий серый силуэт острова.

— Что это? — поинтересовался Хантер.

— Не знаю, — отозвался рулевой. — Но мы сейчас к нему подойдем.

Корабль носило по морю двое суток. Каперы понятия не имели о том, где сейчас находятся. Галеон подошел к этому маленькому острову. Он оказался низменным, порос кустарником, невысокими деревьями и выглядел негостеприимным. Даже с некоторого расстояния видно было, что берег покрыт зарослями кактусов.

— Думаю, мы в районе Подветренных островов, — сказал Эндерс, задумчиво щурясь. — Возможно, неподалеку от Бока-дель-Драгон, а в этих водах отдохнуть негде. —

Он вздохнул. — Хоть бы солнце вышло, чтоб оглядеться можно было.

Бока-дель-Драгон — Пасть Дракона — представляла собою водное пространство между Подветренными островами и побережьем Южной Америки. Это были знаменитые, наводящие страх воды, хотя в данный момент они и выглядели довольно безмятежными.

Несмотря на спокойное море, «Эль Тринидад» покачивался словно пьяный. При помощи изорванных парусов каперам кое-как удалось обогнуть южную оконечность острова и отыскать на западном берегу довольно неплохую бухту. Она была защищена, а дно ее оказалось песчаным, удобным для кренгования. Хантер поставил корабль на якорь, и его измученная команда сошла на берег, чтобы отдохнуть.

Сансона с «Кассандрой» было не видать. Но людей Хантера, измотанных до последней крайности, сейчас совершенно не интересовало, пережил ли шлюп бурю. Корсары попадали прямо в мокрой одежде на песок и уснули, недвижимые, словно трупы. Тучи начали редеть, из-за них ненадолго показалось солнце. Усталость овладела и капитаном. Он уснул, как и все прочие.

Следующие три дня погода стояла хорошая. Корсары, не жалея сил, занимались очисткой корпуса судна, исправляли повреждения ниже ватерлинии и чинили надстройки. Они обыскали галеон, и оказалось, что древесины для ремонта на нем не имеется. Обычно на корабле таких размеров, как «Эль Тринидад», имеется какое-то количество запасных мачт и рангоутного дерева, но испанцы все выгрузили, чтобы в трюм поместилось побольше сокровищ. Людям Хантера пришлось обходиться тем, что было.

Эндерс воспользовался выглянувшим солнцем, взял за астролябию и определил широту, на которой они находились, — сорок градусов. Их занесло далеко на юг. Каперы теперь оказались неподалеку от таких испанских

твердынь, как Картахена и Маракайбо, расположенных на побережье Южной Америки. Если не считать этого, каперы совершенно ничего не знали о своем острове, который прозвали Безымянным.

Капитан Хантер почувствовал себя уязвимым, когда «Эль Тринидад» лег набок и сделался непригоден к плаванию. Если бы на них напали в этот момент, то им пришлось бы солоно. Однако у Чарльза не имелось причин чего-то бояться. Остров явно был необитаемым, как и два ближайших к нему небольших кусочка суши, расположенных южнее.

Все же на Безымянном ощущалось нечто враждебное и негостеприимное. Земля здесь оказалась сухой и бесплодной, поросшей кактусами. Местами эти заросли по густоте не уступали лесу. Пестрые птицы щебетали в зарослях, их голоса уносил ветер. Он не прекращался никогда — жаркий, доводящий до бешенства, дувший со скоростью в добрых десять узлов день и ночь напролет и ненадолго стихавший лишь на рассвете. Корсары постепенно привыкли работать и спать под непрерывный свист ветра.

Какое-то странное опасение заставило Хантера выставить стражу вокруг корабля и беспорядочно разбросанных бивачных костров экипажа. Он говорил себе, что нужно просто заново привить людям дисциплину, но на самом деле за этим стояло некое предчувствие.

На четвертый вечер за ужином Чарльз распределил ночные вахты. Первую должен был стоять Эндерс, сам Хантер взял себе полуночную, а его должен был сменить Беллоус.

Капитан отправил матроса предупредить Эндерса с Беллоусом.

Тот вернулся лишь через час и доложил:

— Прошу прощения, капитан, но я не смог найти Беллоуса.

— То есть как?..

— Он куда-то пропал, капитан.

Хантер оглядел прибрежный подлесок.

— Да спит где-нибудь, вот и все,— сказал он.— Отыщи его и приведи ко мне. А то ему же хуже будет.

— Слушаюсь, капитан,— отозвался корсар и удалился.

Берега бухты обыскали, но найти Беллоуса так и не удалось. Когда стала сгущаться темнота, Чарльз велел прекратить поиски и собрал своих людей у костров. Он насчитал тридцать четыре человека, включая пленников-испанцев и леди Сару, велел им не отходить от костров и назначил вахтенным другого человека вместо Беллоуса.

Ночь прошла без происшествий.

Попутру Хантер повел отряд в лес, на поиски. На Безымянном они ничего не нашли, поэтому капитан с десятком вооруженных корсаров отправился на ближайший островок, лежащий южнее. Тот, по крайней мере издали, был в точности подобен Безымянному. Чарльз даже не надеялся отыскать там древесину, пригодную для ремонта, но поискать все-таки стоило.

Они пристали к восточному берегу, и отряд двинулся в глубь острова, сквозь густые заросли кактусов, так и норовивших вцепиться в одежду и вырвать из нее клочок. К середине дня каперы добрались до возвышенности и обнаружили два отличия от Безымянного.

Во-первых, отсюда был отчетливо виден следующий остров архипелага, расположенный еще южнее. В воздухе над ним поднимались струйки дыма от полудюжины костров. Тот остров явно был обитаемым.

Но куда больший интерес для каперов представляло второе отличие. На западном берегу они увидели державушку, протянувшуюся вдоль полосы прибоя. С этого места ее постройки напоминали грубое подобие испанского поселения.

Хантер осторожно повел свой отряд к селению. Держа мушкеты на изготовку, они скользили от одной кучки кактусов к другой. Когда каперы подошли достаточно близко, один из них преждевременно выстрелил. Звук пальбы эхом разнесся окрест, его подхватил ветер. Капитан выругался, ожидая, что сейчас в деревушке вспыхнет паника, но нет, они не увидели ни малейших признаков жизни.

Чарльз немного подождал, повел своих людей в поселение и почти сразу же понял, что оно заброшено. Дома стояли пустые. Хантер вошел в ближайший, но не обнаружил там ничего, кроме печатной латинской Библии и пары изъеденных молью одеял на сломанных деревянных кроватях грубой работы. Тарантулы шмыгнули в темный угол в поисках укрытия.

Капитан вышел обратно на улицу. Каперы осторожно осматривали дом за домом и выходили оттуда с пустыми руками, покачивая головой.

— Может, их кто-то предупредил о нашем прибытии? — предположил один матрос.

Хантер покачал головой:

— Посмотрите на бухту.

Там, на мелководье, слегка покачиваясь на волнах, стояли на якоре четыре небольшие корабельные шлюпки. Если бы жители деревни бежали, то они определенно постарались бы спастись морем.

Уплывать и оставлять часть лодок преследователям было совершенно бессмысленно.

— Смотрите! — воскликнул другой капер, успевший дойти до самого берега.

Хантер последовал за ним и увидел пять длинных борозд в песке. Здесь вытаскивали на берег узкие лодки вроде каноэ. Еще там было множество отпечатков босых ног и какие-то красноватые пятна.

— Это кровь?

— Не знаю.

В северной части поселения стояла церквушка такой же грубой работы, как и все прочие здешние строения. Чарльз со своими людьми вошел в нее. Внутри все было разгромлено, стены измазаны потеками крови. Здесь произошла какая-то резня, но уже достаточно давно. Минувало самое меньшее несколько дней. В воздухе тошнотворно пахло засохшей кровью.

— Это что?

Хантер подошел к матросу, уставившемуся на какую-то чешуйчатую шкуру, валяющуюся на полу.

— Похоже, крокодил.

— Да, но откуда?

— Не отсюда точно, — ответил Хантер. — Здесь крокодилов нет.

Он подобрал шкуру. Зверь, которому она некогда принадлежала, был крупным, не менее пяти футов в длину. На Карибах редко встречались такие крупные крокодилы. Те, которые водились в болотах Ямайки, обычно достигали всего трех-четырех футов.

— Сняли ее не так давно, — заметил Чарльз и осмотрел шкуру повнимательнее.

Вокруг головы были сделаны прорезы, и сквозь них продета полоска сыромятной кожи. Как будто эту шкуру носил на плечах человек.

— Черт побери! Взгляните, капитан!

Хантер посмотрел на следующий остров, лежащий южнее. Столбы дыма от костров, подымавшиеся там прежде, теперь исчезли. Зато до каперов донесся отдаленный рокот барабанов.

— Давайте-ка лучше вернемся к нашей лодке, — распорядился Хантер, и все они быстро зашагали под полуденным солнцем.

Людям потребовалось около часа, чтобы дойти до своего баркаса, оставленного на восточном берегу. Когда они добрались до места, то обнаружили на песке очередной загадочный след каноэ.

И еще кое-что.

Неподалеку от того места, где стояла их лодка, на небольшом участке кто-то разровнял песок и выложил круг из некрупных камней. В его центре торчала кисть руки.

— Кто-то ее закопал,— заметил один моряк, наклонился и потянул кисть за палец.

Тот без усилий отделился и остался у него в руке. Корсар от потрясения выронил его и отступил.

— Раны Господни!

У Хантера гулко заколотилось сердце. Он посмотрел на своих матросов, которые сжались от страха.

— А ну-ка,— произнес он, наклонился и повыводергивал пальцы один за другим.

Все они легко отделились от кисти. Чарльз зажал их в кулаке. Каперы смотрели на него с ужасом.

— Капитан, что это?

Хантер понятия не имел о том, что все это значит, и сунул пальцы в карман.

— Возвращаемся на галеон, а там посмотрим,— велел он.

Вечером Хантер сидел у костра и в его свете разглядывал пальцы.

Ответ на все их вопросы дала Лазю.

— Гляньте на срез,— заявила она, указывая на неровные края обрубков там, где пальцы кто-то отсек от ладони.— Работа караيبов. Тут ошибки быть не может.

— Караибы...— повторил потрясенный Хантер.

Индийское племя караибов, воинственное и некогда занимавшее множество островов Карибского бассейна, теперь сделалось своего рода мифом, легендой, затерявшейся где-то в прошлом. Испанцы истребили всех здешних индейцев еще в первую сотню лет своего владычества. Лишь на немногих отдаленных островах, в глубине, подальше от побережья, можно было найти немногочисленных миролюбивых араваков, живущих в нищете и от-

вратительных условиях. Но кровожадные караибы данно уже сгнули.

Или же так только говорилось.

— Откуда ты знаешь? — переспросил ее капитан.

— По срезу, — повторила Лазю. — Он сделан не железом. Рана нанесена каменным лезвием.

Чарльз попытался осмыслить новые сведения.

— Наверное, это уловка донов. Они хотят напугать нас, — сказал он, сам не веря в свои слова.

Ведь все детали сходились. Следы каноэ на песке, крокодила шкура с сыромятным ремешком, продетым в про-
рези...

— Караибы — людоеды, — бесцветным тоном заявила Лазю. — Они оставили эти пальцы как предупреждение. У них так принято.

Тут к ним подошел Эндерс.

— Прошу прощения, сэр, но мисс Элмонт не вернулась.

— Что?

— Она не вернулась, сэр.

— Откуда не вернулась?

— Я позволил ей пойти в глубь острова, — с несчастным видом сознался Эндерс и указал на темные заросли кактусов, торчащие в отдалении от света костров. — Она же вегетарианка, поэтому хотела собрать фруктов и ягод.

— Когда вы разрешили пойти ей за фруктами?

— После полудня, капитан.

— И она все еще не вернулась?

— Я послал с ней двух матросов, — объяснил Эндерс.

Мне и в голову не пришло...

Он умолк, не договорив.

Из темноты донесся отдаленный рокот индейских барабанов.

Глава 33

Хантер сидел в первом баркасе, прислушивался к тихому плеску волн о борта и вглядывался сквозь ночную темноту в приближающийся берег. Барабанный бой сделался громче, и каперы уже различали в глубине острова неяркое мерцание костра.

Лазю, устроившаяся рядом с капитаном, вдруг заявила:

— Они не едят женщин.

— Тем лучше для тебя, — отозвался Хантер.

— И для леди Сары. Говорят, что караибы и испанцев тоже не едят, потому как те слишком жесткие, — со смешком продолжала Лазю. — Голландцы пухленькие, но безвкусные, англичане — так себе, а вот французы — настоящее лакомство. Как ты думаешь, это правда?

— Я хочу вернуть ее, — мрачно произнес Хантер. — Она нам нужна. Как мы скажем губернатору, что спасли его единственную племянницу лишь для того, чтобы дикари пустили ее на барбекю?

— Нет у тебя чувства юмора, — посетовала Лазю.

— Сегодня ночью — никакого.

Капитан оглянулся на остальные баркасы, плывущие в темноте следом за ним. Он взял с собой двадцать семь человек. Эндерса Чарльз оставил на «Эль Тринидаде». Тот пытался как можно быстрее завершить ремонт при

свете костров. Эндерс был настоящим волшебником во всем, что касалось кораблей, но даже от него нельзя было требовать слишком многого. Пусть каперам удастся спасти леди Сару и бежать вместе с ней, но они не смогут уплыть с Безымянного еще день, а то и больше. За это время индейцы нападут на них.

Хантер почувствовал, как баркас наткнулся на песчаный берег. Каперы попрыгали в воду — глубины здесь было по колено.

Капитан прошептал:

— Выходят все, кроме Еврея. Поосторожнее вокруг него!

Через несколько мгновений дон Диего нерешительно ступил на сушу, бережно прижимая к себе драгоценный груз.

— Оно не отсырело? — шепотом поинтересовался Чарльз.

— Не думаю, — отозвался Еврей. — Я был осторожен. Он подслеповато сощурился. — Хотя и плохо вижу.

— Идите за мной, — велел Хантер и повел своих людей в глубь острова.

Позади, на берегу, еще два вооруженных отряда высаживались со своих баркасов. Каперы крадучись пробирались по берегу, поросшему кактусами. Ночь была безлунной и очень темной. Вскоре они уже зашли далеко, в том направлении, где горели костры и рокотали барабаны.

Деревня караيبов оказалась куда больше, чем ожидал капитан. Дюжина землянок с крышами из травы выстроилась полукругом вокруг нескольких пылающих костров. У огней плясали воины, раскрашенные ярко-красным. Они прыгали и завывали. Длинные тени метались вокруг. У некоторых на плечи и головы были наброшены крокодильи шкуры. Другие вскидывали вверх человеческие

черепа. Все дикари оказались нагими. Они распевали какие-то монотонные жутковатые песнопения.

Предмет, которому были посвящены их танцы, виднелся у костра. На решетке из свежесрубленных ветвей лежал выпотрошенный труп моряка. Руки и ноги у него были отрублены.

Леди Сару Хантер сперва не увидел. Затем Мавр указал в нужную сторону, тогда капитан заметил девушку. Леди Сара лежала на земле и не шевелилась. Ее спутанные волосы были в крови. Возможно, она умерла.

Чарльз посмотрел на своих людей. На лицах каперов отражались потрясение и гнев. Хантер шепнул несколько слов Лазю, затем вместе с Бассой и доном Диего пополз вокруг деревни.

Они пробрались в одну из хижин, держа ножи наготове. В ней никого не было. С потолка свисали черепа. Они постукивали друг о дружку на ветру, продувавшем селение. В углу стояла корзина с костями.

— Скорее! — велел Хантер, не обращая внимания на жуткую обстановку.

Дон Диего установил гранато посреди комнаты и поджег фитиль. Троица выскользнула прочь из хижины и притаилась в дальнем углу поселения. Еврей поджег фитиль второго гранато, и каперы стали ждать.

Взрыв первого гранато дал потрясающий результат. Хижина разлетелась на тысячу обломков. Ошеломленные воители цвета вареного лобстера взвыли от изумления и ужаса. Дон Диего швырнул еще одно гранато им в костер. Через секунду снаряд взорвался. На караибов обрушился град металлических осколков и стекла, поднялся крик.

Одновременно с этим люди Хантера, прятавшиеся в подлеске, открыли огонь.

Капитан и Мавр прокрались вперед, отыскиали леди Сару Элмонт и вернулись с ней обратно в заросли. Вокруг кри-

чали, завывали и умирали воины караибов. Травяные крыши хижин ярко горели. Чарльз бросил последний взгляд на поселение, превратившееся в пылающий ад.

Отступление было поспешным, не соответствующим плану. Басса, обладавший невероятной силой, нес англичанку без проблем.

Вскоре девушка застонала.

— Жива! — вырвалось у Хантера.

Леди Сара застонала снова.

Каперы бодрой рысью кинулись обратно к берегу, к своим баркасам. Они покинули остров без инцидентов.

К рассвету все благополучно вернулись на корабль. Мастер-мореход Эндерс передал присмотр за ремонтом галеона капитану, а сам занялся травмами леди Сары.

К середине дня он доложил:

— Жить будет. Она крепко получила по голове, но больше ничего серьезного. — Эндерс взглянул на корабль. — Не хотим ли мы убраться отсюда?

Хантер делал все, чтобы галеон мог отплыть, но работы оставалось невпроворот. Грот-мачта все еще стояла кое-как, у нее не доставало верхушки; фок-мачты не было вовсе, а ниже ватерлинии еще зияла пробоина. Каперы сняли часть внутренних переборок ради досок для ремонта. Вскоре им пришлось ободрать и часть артиллерийской палубы, но дело шло медленно.

— Мы сможем уйти самое раннее завтра утром, — отозвался Хантер.

— Не нравится мне идея оставаться здесь на ночь, — заметил Эндерс, оглядывая остров. — Сейчас-то пока тихо. Но я не хотел бы здесь ночевать.

— Да и я бы не хотел, — согласился с ним капитан.

Они работали и в ночной темноте. Измотанные люди позабыли про сон в своем лихорадочном стремлении поскорее привести корабль в порядок. Были выставлены

усиленные караулы. Это тормозило работу, но Чарльзу упорно казалось, что так нужно.

Около полуночи снова слышался барабанный бой, который продолжался чуть ли не с час. Затем воцарилась зловещая тишина.

Каперы занервничали. Они не хотели работать, и капитану пришлось их понукать.

Ближе к рассвету в какой-то момент Хантер стоял рядом с одним матросом, помогая ему удерживать толстую доску.

Тот хлопнул себя по шее и выругался:

— Чертовы москиты!

Потом лицо его странно изменилось. Он рухнул на землю, зашелся в кашле и умер.

Хантер склонился над ним, осмотрел шею несчастного, но не увидел ничего, кроме точечного укола, из которого выступила единственная капля крови. Однако же матрос скончался.

Со стороны носа галеона слышался крик, и еще один капер упал на песок мертвым. Экипаж охватило замешательство. Расставленные караулы сбежались обратно к кораблю, а работавшие люди сбились в кучу у корпуса судна.

Хантер снова осмотрел покойника, лежавшего у его ног, и заметил кое-что у него в руке. Это была крохотная оперенная стрелка, острая как иголка.

Отравленные стрелы!

— Караибы идут! — закричал кто-то.

Каперы принялись прятаться за обломки дерева и за все, что могло предоставить хоть какое-то укрытие. Воцарилось напряженное ожидание. Однако же никто не появился. Из кустов и зарослей кактусов, протянувшихся вдоль берега, не доносилось ни звука.

Эндерс осторожно подобрался к Хантеру.

— Может, вернуться к работе?

— Какие у нас потери?
— Петерс умер, сэр.— Эндерс опустил взгляд.— И еще вот Максвелл.

Капитан покачал головой.

— Я не могу себе позволить потерять еще хоть кого-то. Его команда и так уже сократилась до тридцати человек.

— Подождем рассвета.

— Я передам приказ,— отозвался Эндерс и удалился.

Едва он исчез, раздался тоненький свист и звук удара. Маленькая оперенная стрелка воткнулась в дерево над самым ухом Хантера. Он снова нырнул в укрытие и затаился.

До рассвета ничего более не произошло. Зато утром дикари, раскрашенные красным, с адскими воплями выскочили из кустов и ринулись на берег. Люди Хантера встретили их мушкетным огнем. Дюжина караибов рухнула на песок, остальные кинулись обратно, под защиту подлеска.

Капитан и его люди припали к земле и ждали до полудня. Более так ничего и не произошло. Хантер велел возобновить работу, а сам повел отряд в глубь острова. Дикари исчезли без следа.

Чарльз вернулся к кораблю.

Измотанные каперы еле двигались, зато Эндерс был преисполнен радости.

— Скрестите пальцы и молитесь провидению,— сказал он.— К утру мы отсюда уйдем.

Когда стук молотков и прочий шум ремонтных работ возобновился, Хантер отправился навестить леди Сару.

Девушка лежала в постели. Когда капитан вошел, она взглянула в его сторону.

— Как вы себя чувствуете, мадам? — спросил Чарльз.

Девушка молча смотрела на него. Глаза ее были открыты, но она его не видела.

— Мадам! — позвал Хантер.

Ответа не последовало.

— Мадам!

Капитан провел рукой перед лицом девушки. Она не моргнула и вообще никак не выказала, что осознает его присутствие.

Хантер покачал головой и вышел.

Каперы спустили «Эль Тринидад» на воду с вечерним приливом, но у них не было возможности покинуть бухту до рассвета. Хантер расхаживал по палубе, поглядывая в сторону берега. Барабанный бой зазвучал снова. Капитан очень устал, но спать не мог. Ночью то и дело в воздухе свистели смертоносные стрелки. К счастью, никто не пострадал. Эндерс обползал весь корабль, словно остроглазая обезьянка, и объявил, что если и не доволен, то вполне удовлетворен результатами ремонта.

При первых проблесках зари моряки подняли кормовой якорь. Галеон, двигаясь зигзагами, вышел в открытое море. Хантер ждал, не атакует ли их флот каноэ с краснокожими воинами. Теперь он готов был познакомиться их с пушками и с нетерпением ждал такой возможности.

Но индейцы нападать не стали; поднятые паруса поймали ветер, вскоре Безымянный остался далеко позади, и весь этот эпизод стал казаться капитану скверным сном.

Хантер очень устал. Он приказал большей части команды ложиться спать, оставив лишь самый минимум да Эндерса у руля.

Мастер-мореход беспокоился.

— Боже милостивый, да вы всегда волнуетесь! — не выдержал Хантер. — Мы только что спаслись от дикарей, находимся на своем корабле, и море сейчас спокойное. Неужто вам этого мало?

— Ну да, море спокойное, — согласился Эндерс. — Только мы сейчас в Бока-дель-Драгон, и никак иначе. А это не то место, где можно идти с минимальной командой.

— Людям нужно поспать,— отрезал Хантер и спустился в раскаленную, душную каюту.

Стоило ему лечь, и он тут же провалился в мучительный, беспокойный сон. Ему снилось, что корабль перевернулся в Бока-дель-Драгон, в самых глубоких водах по всей западной части Карибского бассейна. Он погружался в голубую воду, потом она сменилась чернотой...

От женского крика капитан пробудился резко, как от толчка, и выбежал на палубу. Стояли сумерки, дул едва заметный ветерок. Паруса «Эль Тринидада» вздымались, и багровели в красноватом свете заката. Лазю сменили Эндерса у штурвала.

Она ткнула рукой куда-то в море.

— Смотрите!

Хантер взглянул туда, куда она указывала. Слева по борту под водой что-то бурлило. Нечто фосфоресцирующее, светящееся, сине-зеленое несло в их сторону.

— Дракон! — воскликнула Лазю. — Он следует за нами уже целый час!

Капитан наблюдал за происходящим. Светящееся существо приблизилось и сбросило скорость так, чтобы идти вровень с «Эль Тринидадом». Это был мешок светящейся плоти невероятных размеров, из которого торчали длинные щупальца.

— Нет! — выкрикнула Лазю; штурвал вырвался у нее из рук, и галеон сильно качнуло. — Он атакует!

Хантер перехватил штурвал и крепко вцепился в него. Но рули держало нечто могущественное, и совладать с ним было невозможно. Чарльза швырнуло о планшир с такой силой, что чуть не вышибло из него дух. Моряки, привлеченные криками Лазю, выскакивали на палубу. Повсюду раздавались испуганные вопли: «Кракен! Кракен!»

Едва Хантер успел подняться на ноги, как щупальце, покрытое слизью, переметнулось через ограждение и обвило его талию. Острые ороговевшие присоски разорва-

ли одежду. Щупальце поволокло его к борту. Чарльз ощутил холод, исходящий от этого существа. Он совладал с отвращением и полоснул кинжалом щупальце, держащее его. Но существо обладало просто сверхъестественной силой. Оно подняло человека высоко в воздух. Хантер раз за разом всаживал кинжал в плоть твари. Зеленоватая кровь текла по его ногам.

Потом хватка внезапно ослабла, и капитан рухнул на палубу. Поднимаясь на ноги, он увидел, что щупальца заполонили все вокруг. Они, извиваясь, лезли на борт и вздымались над кормовой надстройкой. Какой-то моряк тоже попал в их хватку и теперь корчился высоко в воздухе. Тварь почти что презрительно швырнула его в воду.

— В трюм его! — закричал Эндерс. — В трюм!

Хантер услышал мушкетный залп, выданный откуда-то со средней части корабля. Каперы перегнулись через борт и стреляли в тварь.

Хантер пробрался к штурвалу и взглянул на ужасную картину. Тело кракена, напоминающее луковицу, находилось прямо за кормой. Его щупальца ухватились за корабль в десятке мест. Они извивались и хлестали из стороны в сторону. В сгущающейся темноте страшное существо светилось. Зеленые щупальца твари уже лезли, извиваясь, в иллюминаторы кают, расположенных на корме.

Хантер вспомнил о леди Саре и кинулся вниз. Он нашел ее в каюте. Девушка все с тем же застывшим лицом по-прежнему смотрела в сторону двери.

— Мадам, пойдете...

Тут стекло иллюминатора брызнуло осколками, и в комнату проскользнуло огромное щупальце, толстое, словно ствол дерева. Оно обмоталось вокруг пушки и поволокло ее за собой. Орудие соскочило с лафета и покатилося через каюту. Там, где с ним соприкасались ороговевшие присоски твари, сверкали желтым глубокие царапины.

Леди Сара закричала.

Хантер схватил топор и рубанул по извивающемуся щупальцу. Тошнотворная зеленая кровь хлестнула ему в лицо. Присоски проехали по груди капитана, сдирая кожу. Щупальце попятилось, затем снова ринулось вперед, обвилося вокруг ноги Чарльза, подобно зеленому пожарному рукаву, и швырнуло его оземь. Затем оно поволокло человека по полу к иллюминатору. Хантер вонзил топор в пол и ухватился за него. Но острое вырвалось из досок, и леди Сара закричала снова. Капитан вылетел сквжи уже разбитое стекло иллюминатора и оказался на корме.

Несколько мгновений он несея по воздуху. Щупальце, обвившееся вокруг ног, мотало его из стороны в сторону словно ребенок, размахивающий куклой. Потом Хантер ударился о корму и ухватился за поручень надстройки одной рукой, хоть та и болела. Второй же, в которой был топор, он рубил по щупальцу, пока то наконец не отпустило его.

На мгновение Чарльз оказался свободен, зато совсем рядом с тварью, вертевшейся в воде под кормой. Размеры этого существа потрясли Хантера. Ему казалось, будто оно пожирало корабль, вцепившись в корму своими многочисленными щупальцами. Воздух буквально пропитался зеленоватым светом, исходящим от твари.

Прямо внизу, на расстоянии каких-нибудь пяти футов, капитан увидел глаз — поистине здоровенный, больше стола. Он не моргал и ничего не выражал. Черный зрачок, окруженный светящейся зеленоватой плотью, вроде бы бесстрастно разглядывал Хантера. Чуть дальше от кормы тело существа выглядело словно значок карточной пиковой масти с двумя закругленными концами. Но вниманием Чарльза завладели щупальца.

Еще одно из них, змеясь, двинулось к нему. Хантер увидел присоски размером с тарелку, с ороговевшими краями. Они ранили больно, и Хантер увернулся, продолжая косяк цепляться за ограждение кормовой надстройки.

Сверху моряки стреляли по твари.

Эндерс заорал:

— Отставить стрельбу! Там капитан!

Тут толстое щупальце резко оторвало Чарльза от ограждения, и он рухнул в воду, прямо поверх твари.

На мгновение его закружило в зеленоватой светящейся воде, а потом он почувствовал опору под ногами. Капитан действительно стоял на этом существе! Тварь была скользкой. Хантер словно угодил на мешок с водой. Шкура животного оказалась шершавой и холодной. Хантер почувствовал это, когда упал на него на четвереньки. Плоть существа пульсировала и двигалась у него под ногами.

Чарльз медленно двинулся вперед, шлепая по слою воды между телом твари и поверхностью моря, и добрался до глаза. Вблизи тот был просто огромен — громадная дыра среди зеленого свечения.

Хантер не стал тратить время на раздумья. Он размахнулся и всадил топор в выпуклый шар глаза. Сталь отскочила от изогнутого свода. Хантер ударил еще и еще. В конце концов металл вонзился в глаз. Из рассеченной поверхности ударил, словно гейзер, фонтан воды. Плоть вокруг глаза, похоже, сжалась.

Затем море внезапно сделалось молочно-белым, и опора выскользнула из-под ног Хантера. Тварь ушла в глубину, а он остался болтаться на поверхности, вызывая о помощи. Ему бросили веревку, и капитан уцепился за нее именно в тот момент, когда чудовище всплыло обратно. Сила удара была такова, что Чарльз взлетел над мутной белой водой, а потом рухнул обратно на тело твари, напоминающее мешок.

Эндерс и Мавр попрыгали за борт. В руках у них были копья. Они встали рядом с Хантером и изо всех сил вонзили наконечники в тело чудовища. В воздух взметнулись столбы зеленоватой крови. Вода взвихрилась, и животное исчезло. Оно ускользнуло в морские глубины.

Хантер, Эндерс и Мавр старались удержаться на поверхности пенящейся воды.

— Спасибо! — выдохнул капитан.

— Меня можешь не благодарить, — откликнулся Эндерс и кивнул на Мавра. — Этот чернокожий ублюдок меня толкнул.

Басса, лишенный возможности говорить, лишь ухмыльнулся.

«Эль Тринидад» начал разворот, чтобы лечь на другой галс и подобрать их.

— Знаешь, а ведь когда мы вернемся в Порт-Ройял, нам же ни одна живая душа не поверит! — тонко подмечтил Эндерс, пока они бултыхались в воде.

С корабля им сбросили веревки и вытащили на борт всех троих, мокрых до нитки, кашляющих и совершенно измотанных.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ПОРТ-РОЙЯЛ

Глава 34

Рано утром 20 октября 1665 года испанский галеон «Эль Тринидад» подошел к восточному проливу, ведущему к Порт-Ройялу. Капитан Хантер приказал бросить якорь у поросшего кустарником каменистого берега, именуемого Сауз-Кей.

До самого Порт-Ройяла было две мили. Хантер с командой стояли у поручней и смотрели через пролив на город. В порту было тихо. Их прибытия еще не заметили, но они знали, что через считанные мгновения там грохнут выстрелы и вспыхнет неистовое безумие празднования, которым всегда сопровождалось прибытие захваченных трофеев. Оно длилось целый день, а то и два.

Однако же шел час за часом, а никаких признаков торжества не наблюдалось. Напротив, каперам казалось, что город с каждой минутой делается все тише. Над недвижной водной гладью не разносилось ни грохота выстрелов, ни радостных криков, и даже праздничных костров было не видеть.

— Может, на город напали доны? — хмуро предположил Эндерс.

Хантер покачал головой.

— Это исключено.

Порт-Ройял был самой сильной английской колонией в Новом Свете. Испанцы могли бы напасть на Сент-Китс

или еще какое-нибудь отдаленное поселение, но не на Порт-Ройял.

— Но тут явно что-то не так.

— Скоро мы все узнаем,— отозвался капитан, поскольку ровно в этот момент от форта Чарльз, под пушками которого они как раз стояли, отчалил баркас:

Он пришвартовался к «Эль Тринидаду», и на борт галеона поднялся капитан королевской милиции. Хантер знал его. Это был Эмерсон, подающий надежды молодой офицер.

Почему-то он держался напряженно и излишне громко спросил:

— Кто командует этим судном?

— Я,— отозвался Хантер, вышел вперед и улыбнулся.— Как поживаешь, Питер?

Но Эмерсон оставался все так же напряженным и никак не выказал, что знаком с Чарльзом.

— Будьте любезны, сэр, назовитесь.

— Питер, ты же отлично знаешь, кто я такой! Что все это значит?

— Назовитесь, сэр, или вы будете наказаны.

Хантер нахмурился.

— Что это еще за фарс?

Эмерсон, упрямо выпрямившись, продолжал:

— Вы — Чарльз Хантер, гражданин колонии Массачусетс, проживавший в последнее время в Ямайке, колонии его величества?

— Да,— подтвердил капитан и заметил, что, несмотря на прохладный ночной ветер, Эмерсона бросило в пот.

— Будьте любезны, назовите свое судно.

— Это испанский галеон, носящий имя «Эль Тринидад».

— Испанское судно?

Терпение Хантера истощилось.

— Да, испанское! Вы что, ослепли?

Эмерсон набрал побольше воздуха в грудь и заявил:
— В таком случае я обязан арестовать за пиратство вас, Чарльз Хантер...

— Пиратство?!

— ...равно как и всю вашу команду. Вы отправитесь со мною на баркасе.

Капитан был потрясен.

— Кто отдал приказ об аресте?

— Мистер Роберт Хэклетт, исполняющий обязанности губернатора Ямайки.

— Но сэр Джеймс...

— Сэр Джеймс в настоящий момент умирает,— ответил Эмерсон.— А теперь, будьте любезны, следуйте за мной.

Хантер был ошеломлен. Он медленно, словно за гипнотизированный, спустился по трапу в баркас. Солдаты принялись грести к берегу. Чарльз оглянулся на отдаляющийся силуэт своего судна. Он знал, что экипаж сейчас ошарашен не меньше его.

Капитан повернулся к Эмерсону.

— Да что за чертовщина тут происходит?

Вернувшись на баркас, офицер несколько расслабился.

— Здесь многое изменилось,— сообщил он.— Две недели назад сэр Джеймс подхватил лихорадку.

— Какую?

— Я могу вам сказать только то, что известно мне самому,— отозвался Эмерсон.— Сэр Джеймс оказался прикован к постели, у себя, в губернаторском особняке. В его отсутствие мистер Хэклетт взял на себя управление колонией. Ему помогает командер Скотт.

— В самом деле?

Хантер понимал, что слишком медленно осознает происходящее. Он просто поверить не мог, что исходом всех его рискованных приключений, пережитых за последние полтора месяца, станет то, что его посадят в тюрьму и, несомненно, повесят словно какого-то пирата.

— Да,— подтвердил Эмерсон.— Мистер Хэклетт обращался с городом сурово. Многие уже в тюрьме либо повешены. Питта вздернули на прошлой неделе...

— Питта?!

— Морли — не далее как вчера. Выписан ордер на ваш арест.

На ум Хантеру пришло множество возражений и столько же вопросов, но он не стал ничего говорить. Эмерсон был всего лишь должностным лицом, офицером, которому велели исполнить приказ начальства, тщеславного фата Скотта. Он просто исполнял свои обязанности.

— В какую тюрьму меня отправят?

— В Маршалси.

От абсурдности ситуации капитан даже рассмеялся.

— Я знаком с начальником Маршалси.

— Уже нет. Там теперь новый начальник. Человек Хэклетта.

— Ясно.

Продолжать Хантер не стал. Он слушал плеск воды под веслами и смотрел на приближающуюся громаду форта Чарльз.

В форте капитан был просто поражен, увидев бдительность и готовность войск действовать. Прежде на парадных стенах форта Чарльз можно было обнаружить дюжину пьяных часовых, распевающих похабные песни. Нынешним же утром здесь не оказалось ни одного подобного субъекта. Все были в мундирах, подтянутые и аккуратные.

Хантера в сопровождении вооруженных, держащихся настороже солдат отвели в город. Они прошли по непривычно тихой Лайм-стрит, затем — по Йорк-стрит, мимо темных таверн, которые в этот час всегда были ярко освещены. Тишина, царящая в городе, и пустынные улицы поражали арестанта.

Маршалси, тюрьма для мужчин, находилась в конце Йорк-стрит. Это было большое каменное здание, на двух его этажах насчитывалось пятьдесят камер. В тюрьме по-

няло мочой и фекалиями. По полу, засыпанному тростником, шныряли крысы. Заключенные смотрели из-за решеток пустыми, ничего не выражающими глазами. Солдаты с факелами провели Хантера в одну из камер и заперли там.

Капитан огляделся. В камере не было ничего, ни кровати, ни койки, лишь солома на полу и высоко наверху — окно, забранное решеткой. Сквозь него видно было облако, медленно плывущее поперек молодого месяца.

Когда дверь с лязгом затворилась, Хантер обернулся и взглянул на Эмерсона.

— Когда меня будут судить за пиратство?

— Завтра, — ответил тот и ушел.

Суд над Чарльзом Хантером состоялся восемнадцатого октября, в субботу. Обычно в канун воскресенья этого не делалось, однако же Хантера судили именно в этот день. Здание, поврежденное землетрясением, было почти пустым, когда Чарльза — одного, без команды, — ввели туда. Там его ждал лишь трибунал из семи человек, восседавших за деревянным столом. Возглавлял его сам Роберт Хэклетт, исполняющий обязанности губернатора колонии Ямайка.

Хантера поставили перед членами суда, чтобы зачитать ему обвинение.

— Поднимите правую руку.

Капитан повиновался.

— Чарльз Хантер и все члены его команды властью нашего суверена, Карла, короля Великобритании, обвиняются в следующем.

Последовала пауза. Хантер оглядел присутствующих. Хэклетт свирепо взирал на обвиняемого сверху вниз, с едва заметной самодовольной улыбкой. Коммандер Скотт ковырял в зубах золотой зубочисткой. Торговцы Фостер и Пуэрмен отвели глаза, когда Чарльз взглянул на них. Дальше сидели лейтенант Додсон, тучный офицер мили-

ции, едва влезавший в свой мундир, и Джеймс Фипс, капитан торгового судна. Хантер знал всех этих людей и заметил, насколько им не по себе.

— Открыто нарушая законы государства и волеизъявление короля, вы объединились, дабы чинить беспокойство и неприятности подданным и собственности его христианнейшего величества Филиппа, короля Испании, на суше и на море. Во исполнение своих злокозненных намерений вы явились в испанское поселение на острове Лерес, дабы грабить, расхищать и жечь суда большие и малые, что попадутся вам на пути.

Кроме того, вы обвиняетесь в том, что оказали противозаконное сопротивление испанскому судну, встреченному к югу от Лереса, и потопили оное, погубив всех, кто на нем находился, и все имущество.

Наконец, вы обвиняетесь в том, что, замышляя и осуществляя все это, вы, все вместе и каждый по отдельности, прилагали все усилия, дабы нападать на вышеозначенные испанские суда и поселения и убивать испанских подданных. Что вы скажете на это обвинение, Чарльз Хантер?

— Невиновен, — после краткой паузы отозвался капитан.

Для Хантера этот суд изначально выглядел издевательством. Парламентский акт, принятый в тысяча шестисот двенадцатом году, гласил, что суд надлежит составлять из людей, которые не имеют ни прямого, ни косвенного интереса в рассматриваемом деле. А здесь буквально каждый из членов трибунала получал немалую выгоду в случае его осуждения, конфискации судна и сокровищ, находящихся на нем.

Но особо смущала капитана детальность обвинительного акта. Подробностей налета на Матансерос не мог знать никто, кроме него самого и его людей. Однако же и обвинительном акте была упомянута его успешная схватка

ка с испанским кораблем. Откуда суд получил эти сведения? Хантер смог предположить лишь одно. Кто-то из его команды проговорился за прошедшее время, возможно под пытками.

Суд не обратил на заявление Чарльза ни малейшего внимания.

Хэкетт подался вперед и ровным тоном проговорил:

— Мистер Хантер, данный суд является высшей правовой инстанцией в колонии Ямайка. Мы не хотим, чтобы данное разбирательство цеплялось за пустые формальности, которые могут не пойти на пользу правосудию. Хотите ли вы сказать что-либо в свою защиту?

Слова Хэкетта застали Хантера врасплох. Он задумался на мгновение, прежде чем ответить.

Хэкетт хотел нарушить нормы судопроизводства. Должно быть, он видел в этом какую-то выгоду для себя. Однако же возможность казалась такой заманчивой, что грех было ею не воспользоваться.

— Если так будет угодно уважаемым членам почтенного суда, то я постараюсь это сделать, — заявил Хантер без малейшего намека на иронию.

Члены суда закивали — задумчиво, осторожно, рассудительно.

Прежде чем начать говорить, Хантер оглядел их всех поочередно.

— Джентльмены, смею заверить, никто не изучал нерушимый договор, заключенный между его величеством королем Карлом и испанским двором, более тщательно, чем я. Я никогда не стал бы разрушать недавно скрепленные узы между нашими народами, если бы меня на то не спровоцировали. Однако же данная провокация имела место быть, и даже с излишком. На мое судно, «Кассандру», напал испанский военный корабль, и все мы были захвачены в плен, безо всяких на то оснований. Затем два члена моей команды были убиты капитаном данного суд-

на, неким Касальей. Кроме того, этот Касалья захватил на английском торговом судне помимо неизвестного имущества леди Сару Элмонт, племянницу губернатора этой колонии.

Этот испанец Касалья, офицер короля Филиппа, уничтожил английское торговое судно «Энтрепид», учинив преступное и кроважидное деяние и перебив всех, кто находился на его борту. Среди тех, кого предали смерти, был фаворит его величества Карла, некий капитан Уорнер. Я уверен, что его величество глубоко скорбит о гибели этого джентльмена.

Хантер на мгновение умолк. Члены суда прежде ничего об этом не знали и явно не обрадовались, услышав такое.

Король Карл принимал подобные вещи близко к сердцу. Его нрав, в целом добродушный, сильно портился, если кому-то из его друзей наносили оскорбление или причиняли вред, не говоря уж о том, если кого-то убивали.

— После этих многочисленных провокаций мы в качестве ответной меры атаковали испанскую крепость Матансерос, избавили ее светлость леди Сару от опасности и взяли в качестве добычи незначительную компенсацию, которую сочли разумной и обоснованной, — продолжал капитан. — Джентльмены, сие действие ни в коей мере не пиратство. Это всего лишь достойное отмщение за гнусные злодеяния, совершенные в открытом море. Такова суть и природа моих действий.

Он снова сделал паузу и оглядел лица членов суда. Они ответили бесстрастными взглядами, и Хантер понял, что все и без того знали правду.

— Леди Сара Элмонт может засвидетельствовать мои показания, равно как и любой член моего экипажа, будучи о том спросят. Выдвинутое против меня обвинение не соответствует истине, ибо подобные действия считаются пиратством исключительно при отсутствии соот-

ветствующей провокации, а таковая присутствовала, причем неимоверная.

Он договорил и снова взглянул на лица судей. Теперь они были непроницаемы и ничего не выражали. Хантера пробрал озноб.

Хэклетт перегнулся через стол.

— Можете ли вы еще что сказать по поводу обвинения, выдвинутого против вас, мистер Чарльз Хантер?

— Более ничего,— ответил тот.— Я сказал все, что хотел.

— И высказались весьма похвально, позволю себе заметить,— заявил Хэклетт, а шесть прочих судей закивали и согласно загомонили.— Но истинность вашей речи — другой вопрос, каковой мы и собираемся сейчас рассмотреть. Будьте любезны, сообщите суду, с какой изначальной целью ваше судно отправилось в путь.

— Для заготовки кампешевого дерева.

— У вас имеется разрешение?

— Да, подписанное сэром Джеймсом Элмонтом.

— И где же этот документ?

— Пропал вместе с «Кассандрой»,— ответил Хантер.— Но я уверен, сэр Джеймс подтвердит, что подписывал это свидетельство.

— Сэр Джеймс прикован к одру болезни,— заявил Хэклетт.— В данный момент он не может ничего ни подтвердить, ни опровергнуть перед судом. Тем не менее мы поверим вам на слово в том, что эти бумаги действительно были выданы.

Хантер слегка поклонился.

— Ну а теперь сообщите нам, где именно испанский военный корабль взял вас в плен? В каких водах? — продолжал Хэклетт.

Чарльз тут же понял, что за дилемма встала перед ним, и заколебался, прежде чем ответить, хотя и знал, что промедление подорвет доверие к его словам.

Он решил сказать правду — ну, почти.

— В Наветренном проливе, к северу от Пуэрто-Рико.

— К северу от Пуэрто-Рико? — переспросил Хэклетт нарочито удивленно. — Разве в тех местах растет кампешевое дерево?

— Нет, — отозвался Хантер. — Но мы два дня боролись с сильным штормом и заметно отклонились от намеченного курса.

— Воистину очень заметно, ибо Пуэрто-Рико расположен к северо-востоку от Ямайки, а кампешевое дерево встречается к юго-западу от нее.

— Я не могу отвечать за шторм, — сказал Хантер.

— В каких числах он бушевал?

— Двенадцатого и тринадцатого сентября.

— Странно, — заметил Хэклетт. — На Ямайке в эти дни стояла прекрасная погода.

— Как все мы знаем, в открытом море погода не всегда такова, как на суше, — возразил Чарльз.

— Суд благодарит вас, мистер Хантер, за поучение касательно морского дела, — сказал Хэклетт. — Хотя я думаю, что вы мало чему сможете научить присутствующих здесь джентльменов, не так ли? — Он издал короткий смешок. — Ну а теперь, мистер Хантер, — уж простите, что я не называю вас капитаном Хантером, — станете ли вы утверждать, что не имели изначального намерения ни посредством судна, ни посредством его экипажа нападать на какое-либо испанское поселение либо владение?

— Да, утверждаю.

— Вы никогда не держали совет, дабы спланировать подобное противозаконное нападение?

— Нет, — ответил Хантер как можно увереннее, зная, что никто из команды не осмелится противоречить ему в этом вопросе.

Сознаться в общем решении, принятом в Бычьей бухте, было равносильно подписанию самому себе смертного приговора за пиратство.

— Вы клянетесь спасением своей бессмертной души, что не обсуждали подобного намерения ни с кем из членов своей команды?

— Клянусь.

Хэклетт сделал паузу.

— Позвольте мне убедиться в том, что я правильно понял суть. Вы отправились в экспедицию исключительно с целью заготовки кампешевого дерева. Исключительно по неблагоприятному стечению обстоятельств вас унес далеко на север шторм, совершенно не затронувший здешние берега. Впоследствии вас безо всякой провокации с вашей стороны взял в плен испанский военный корабль. Верно?

— Совершенно верно.

— Затем вы узнали, что капитан этого же испанского военного корабля напал на английское торговое судно и взял в заложники леди Сару Элмонт, тем самым дав вам основание для ответных действий. Это так?

— Да, так.

Хэклетт снова сделал паузу.

— Откуда вы узнали, что этот испанский корабль захватил леди Сару Элмонт?

— Она находилась на его борту к тому моменту, как мы попали в плен,— ответил Хантер.— Я узнал это... из случайной оговорки одного испанского солдата.

— Весьма удобное совпадение.

— Однако же это правда. После того как нам удалось бежать — надеюсь, это не является преступлением в глазах уважаемого суда? — мы проследовали за испанским кораблем до Матансероса, где и увидели, как леди Сару высадили на берег и переправили в крепость.

— Итак, вы напали на эту крепость с единственной целью защитить добродетель англичанки? — Голос Хэклетта был полон сарказма.

Хантер по очереди оглядел лица судей.

— Джентльмены, насколько я понимаю, данный суд не ставит себе целью решить, являюсь ли я святым.— Эти его

слова вызвали смех у слушателей. — Он должен лишь опр- делить, являюсь ли я пиратом. Конечно же, я знал, что в бухте Матансероса стоит галеон. Это был весьма ценный трофей. Все же я прошу суд принять во внимание, что у нападения имелось основание в виде провокации, причем такой, что она, откровенно говоря, не допускала двусмыс- ленного толкования с точки зрения закона, с какой сторо- ны ни посмотри.

Хантер взглянул на секретаря суда, в чьи обязанности входило вести протокол заседания, и увидел, к своему изумлению, что тот безмятежно восседал на своем месте и даже не думал ничего записывать.

— Расскажите нам, как вам удалось бежать с испанско- го корабля, когда вас взяли в плен? — велел Хэклетт.

— Это произошло благодаря усилиям плывшего с на- ми француза по имени Сансон, проявившего храбрость, достойную всяческого уважения.

— Вы высоко цените этого Сансона?

— Да, очень. Я обязан ему жизнью.

— Отлично, — заявил Хэклетт и развернулся. — При- гласите для дачи показаний первого свидетеля, мистера Андре Сансона!

— Андре Сансон!

Потрясенный Хантер развернулся к двери и увидел, как в зал суда входит Сансон. Француз двигался быст- рой, плавной, текучей походкой. Он занял место, предназ- наченное для свидетеля, и поднял правую руку.

— Андре Сансон, обещаете ли вы и клянетесь ли на Святом Писании быть честным и правдивым свидетелем в деле между королем и арестованным, в том, что касает- ся фактов пиратства и грабежа, в каковых означенный арестованный обвиняется?

— Клянусь.

Сансон опустил руку и в упор, ровно и жалостливо, смотрел на Хантера несколько секунд, пока Хэклетт не окликнул его:

— Мистер Сансон!

— Да, сэр.

— Мистер Сансон, мистер Хантер изложил нам свое описание событий этого путешествия. Теперь мы желаем услышать эту историю от вас как от свидетеля, чью отвагу отметил обвиняемый. Не будете ли вы так любезны сообщить нам, какова была цель плавания «Кассандры»? Как вы ее понимали поначалу?

— Заготовка кампешевого дерева.

— А затем вы в какой-то момент обнаружили, что дела обстоят иначе?

— Да.

— Пожалуйста, изложите это суду подробнее.

— После нашего отплытия, состоявшегося двенадцатого сентября, мистер Хантер направил судно в Бычью бухту, — начал Сансон. — Там он объявил некоторым членам команды, что собирается плыть в Матансерос, дабы захватить хранящиеся там испанские сокровища.

— И как вы к этому отнеслись?

— Я был потрясен, — ответил Сансон. — Я напомнил мистеру Хантеру, что подобное нападение является пиратством и карается смертью.

— И что же он на это ответил?

— Грязно выругался и предупредил, что если я не стану безоговорочно его поддерживать, то он прикончит меня как собаку и скормит акулам.

— То есть вы участвовали в последовавших событиях не добровольно, а под принуждением?

— Именно так.

Хантер в изумлении уставился на Сансона. Француз говорил спокойно и невозмутимо. В речи его не чувствовалось ни малейшего намека на лживость. Он то и дело дерзко посматривал на Хантера, словно бросая ему вызов. Мол, а посмеешь ли ты опровергнуть историю, которую я столь уверенно излагаю?

— Что же произошло дальше?

— Мы поплыли к Матансеросу, в надежде захватить испанцев врасплох и напасть на них.

— Прошу прощения, вы имеете в виду нападение без всякой провокации?

— Да.

— Продолжайте, пожалуйста.

— По пути к Матансеросу мы столкнулись с испанским военным кораблем. Противник превосходил нас численностью и взял в плен как пиратов.

— Что же вы стали делать?

— Я не хотел умирать в Гаване как пират,— ответил Сансон.— Особенно если учесть, что зашел столь далеко исключительно по требованию мистера Хантера. Потому я спрятался и впоследствии помог моим товарищам бежать, полагая, что после этого они решат вернуться в Порт-Ройял.

— Но они решили не возвращаться, так?

— Совершенно верно. Едва мистер Хантер снова взял в свои руки командование судном, он опять заставил нас повернуть к Матансеросу, дабы исполнить свое первоначальное намерение.

Этого Хантер уже не выдержал.

— Я вас заставил?! Как я мог заставить шестьдесят человек?!

— Молчать! — рявкнул Хэклетт.— Арестанту надлежит сохранять молчание, или его удалят из зала суда! — Он повернулся обратно к Сансону.— Как на этот раз протекало ваше путешествие с обвиняемым?

— Плохо,— ответил Сансон.— Он приказал заковать меня на время плавания.

— Матансерос и тот галеон были впоследствии захвачены?

— Да, джентльмены,— подтвердил Сансон.— Я же оказался на «Кассандре» следующим образом. Мистер Хантер явился на шлюп и решил, что тот после нападения на Матансерос непригоден к плаванию. Тогда он велел

сгрузить сокровища и вообще все ценное на его судно и отдал злосчастный шлюп мне под командование. С тем же успехом капитан мог высадить меня на необитаемом острове, ибо считал, что шлюп не переживет морского перехода. Он дал мне небольшой экипаж из людей, которые придерживались тех же взглядов, что и я. Мы шли в Порт-Ройал, когда на нас налетел ураган и разбил судно вдребезги. Все погибли. Я сам кое-как сумел добраться на шлюпке до Тортуги, а с нее — сюда.

— Что вам известно о леди Саре Элмонт?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Я впервые слышу это имя, — произнес Сансон. — Такая особа существует?

— Конечно, — ответил Хэклетт, бросив взгляд на Чарльза. — Мистер Хантер утверждает, что спас ее с Матансероса и тем самым избавил от опасности.

— Когда мы покидали Матансерос, этой дамы с ним не было, — заявил Сансон. — Если мне дозволено будет предположить, я бы сказал, что мистер Хантер напал на английское торговое судно и взял эту особу в качестве добычи, дабы найти оправдание своим прегрешениям.

— Весьма подходящее событие, — заметил Хэклетт. — Но почему мы ничего не слыхали об этом торговом судне?

— Вероятно, он перебил всех, кто был на борту, и затопил судно, когда шел от Матансероса сюда, — ответил Сансон.

— И последний вопрос. Припоминаете ли вы, чтобы двенадцатого и тринадцатого сентября на море был шторм?

— Шторм? Нет, джентльмены. Никакого шторма в это время не было.

Хэклетт кивнул.

— Благодарю вас, мистер Сансон. Вы можете быть свободны.

— Как будет угодно суду, — отозвался француз и удалился.

Дверь захлопнулась с гулким стуком, и в зале суда воцарилось продолжительное молчание. Судьи повернулись к Хантеру. Чарльз был бледен. Его трясло от гнева, но все же он изо всех сил старался сохранить самообладание.

— Мистер Хантер, не могли бы вы напрячь память и объяснить расхождения между вашим изложением событий и тем, что поведал нам мистер Сансон, которого вы, по вашим словам, столь высоко цените? — спросил Хэклетт.

— Он лжец, сэр. Наглый и бессовестный лжец.

— Суд готов рассмотреть это обвинение, если вы предоставите нам доказательства, которые подтверждали бы его, мистер Хантер.

— У меня нет ничего, кроме моего слова, — заявил капитан. — Но вы можете получить вполне достаточное свидетельство от самой леди Сары Элмонт. Она опровергнет историю этого француза по всем пунктам.

— Мы, несомненно, выслушаем ее свидетельство, — отозвался Хэклетт. — Но прежде чем обращаться к ней, нам следует решить еще один неясный вопрос. Нападение на Матансерос — оправданное либо неоправданное — произошло восемнадцатого сентября. Вы вернулись в Порт-Ройял семнадцатого октября. Если бы речь заведомо шла о пиратах, то стоило бы предположить, что подобное промедление вызвано плаванием на какой-нибудь малоизвестный остров, с целью припрятать там захваченные сокровища и тем самым обмануть короля. Как вы объясните эту задержку?

— Нам навязали морское сражение, — ответил Хантер. — Затем мы три дня сражались с ураганом. Потом четыре дня кренговали судно неподалеку от Бока-дель-Драгон. После этого мы отправились в плавание, но на нас напал кракен...

— Простите, что перебиваю. Вы имеете в виду чудовище, обитающее в морских глубинах?

— Да.

— Занятно! — Хэкетт хохотнул, и прочие члены суда поддержали его. — Воображение, с которым вы объясняете месячную задержку, заслужило если не наше доверие, то наше восхищение однозначно. — Председатель трибунала развернулся в кресле. — Пригласите леди Сару Элмонт для дачи показаний.

— Леди Сара Элмонт!

Через несколько мгновений леди Сара, бледная и изможденная, вошла в зал, принесла присягу и стала ждать вопросов.

Хэкетт воззрился на нее, всем своим видом выражая заботу и внимание.

— Леди Сара, прежде всего позвольте сказать, что я рад приветствовать вас в колонии Ямайка и принести свои извинения за подлые злодеяния, которые, увы, стали вашими первыми впечатлениями о здешних краях.

— Благодарю, мистер Хэкетт, — с легким поклоном отозвалась девушка.

На Хантера она ни разу не взглянула, и это его беспокоило.

— Леди Сара, — продолжал Хэкетт. — Суду чрезвычайно важно знать, как обстояли дела. Вас захватили в плен испанцы, а капитан Хантер освободил, или же это он сам изначально взял вас в плен? Не могли бы вы пролить свет на этот вопрос?

— Могу.

— Пожалуйста, сделайте же это.

— Я находилась на борту торгового судна «Энтерпид», — заявила леди Сара. — Оно шло из Бристоля в Порт-Ройял, когда...

Голос ее прервался. Воцарилось продолжительное молчание. Леди Сара взглянула на Хантера. Он посмотрел в глаза девушке и заметил в них такой страх, какого еще не видал.

— Будьте любезны, продолжайте.

— Когда мы заметили на горизонте испанский корабль. Он обстрелял нас и захватил наше судно. К моему удивлению, оказалось, что этим испанским кораблем командовал англичанин.

— Вы имеете в виду подсудимого Чарльза Хантера, ныне находящегося здесь?

— Да.

— Продолжайте, пожалуйста.

Хантер едва слышал, что дальше говорила леди Сара. Мол, он забрал ее на галеон, а затем перебил всю команду английского судна и сжег его. Чарльз будто бы сказал ей, что намерен сделать вид, что он спас ее от испанцев, дабы оправдать свой налет на Матансерос. Голос леди Сары звенел, говорила она торопливо, словно стараясь как можно скорее добраться до окончания.

— Благодарю вас, леди Сара. Вы можете быть свободны.

Девушка покинула зал.

Судьи уставились на Хантера. Семь человек с каменными, бесстрастными лицами взирали на него как на заведомого покойника. Прошло несколько долгих мгновений.

— Мы не слышали от свидетельницы ничего о ваших захватывающих приключениях в Бока-дель-Драгон, равно как и о встрече с морским чудищем. Имеются ли у вас какие-либо доказательства? — мягко поинтересовался Хэклетт.

— Только вот это, — ответил Чарльз и быстро сдернул с себя одежду, оголяя торс.

Через его грудь тянулись шрамы, оставленные гигантскими, с блюдце размером, присосками кракена. Зрелище было жуткое. Члены суда ахнули и принялись тихонько переговариваться.

Хэклетт постучал молотком, призывая к порядку.

— Любопытная картина, мистер Хантер, но для образованных джентльменов неубедительная. Все мы, несо-

мненно, можем себе представить, какие приспособления вы использовали в вашем затруднительном положении, чтобы создать видимость следов подобного чудища. Суд не убежден в вашей правоте.

Хантер взглянул в лица судей и понял, что они очень даже убеждены.

Но Хэклетт снова стукнул молотком по столу.

— Чарльз Хантер, — заявил он, — суд считает вас виновным в пиратстве и разбое на море, согласно обвинению. Есть ли у вас какие-либо основания утверждать, что этот приговор не должно приводить в исполнение?

Хантер помолчал. В уме у капитана крутилось великое множество ругательств, но все они казались ему недостаточно крепкими.

— Нет, — негромко произнес он.

— Я не расслышал, мистер Хантер.

— Я сказал — нет.

— В таком случае вы, Чарльз Хантер, и вся ваша команда признаны виновными и приговорены к возвращению в то место, откуда вас доставили, а оттуда в пятницу — на место казни, площадь Хай-стрит в Порт-Ройяле, для умерщвления через повешение. После этого ваши трупы будут сняты с виселицы и повешены на реях вашего судна. Да помилует Господь вашу душу. Надзиратель, уведите этого человека.

Хантера вывели из здания суда. Выходя, он услышал позади смех Хэклетта, странное, пронзительное кудахтанье. Затем дверь захлопнулась, и Чарльза отправили обратно в тюрьму.

Глава 35

Хантера поместили в другую камеру. Очевидно, тюремщикам в Маршалси было безразлично, куда именно сажать арестанта. Капитан уселся на солому и принялся вдумчиво размышлять над своим положением. Он никак не мог заставить себя поверить в произошедшее и был неимоверно зол.

Пришла ночь, и в тюрьме воцарилась тишина, если не считать храпения и вздохов ее обитателей. Чарльз и сам уже засыпал, когда чей-то знакомый шипящий голос позвал его по имени. Он сел.

Зов повторился:

— Хантер!

Чарльз узнал этот голос.

— Шепот? Ты где?

— Рядом с тобой.

Все камеры выходили в коридор. Соседнюю Хантер видеть не мог, но слышно было довольно хорошо, особенно если прижать ухо к каменной стене.

— Шепот, ты давно здесь?

— Неделю, Хантер. Тебя судили?

— Да.

— И признали виновным?

— Да.

— Вот и меня тоже,— просипел Шепот.— По обвинению в воровстве. Ложному.

Воровство, как и пиратство, вело к фатальному исходу.

— Шепот, что случилось с сэром Джеймсом? — спросил Чарльз.

— Говорят, будто он заболел, — просипел Шепот. — Но это не так. Он здоров, но находится под охраной в губернаторском особняке. Жизнь его в опасности. Хэклетт со Скоттом захватили власть и сказали всем, будто губернатор умирает.

Хантер решил, что Хэклетт, видимо, пригрозил леди Саре и вынудил ее дать ложные показания.

— Ходят и другие слухи, — продолжал Шепот. — Мадам Эмили Хэклетт ждет ребенка.

— Так что?

— Да то, что, похоже, будто муж этой дамы исполняет обязанности губернатора, но не супружеские. Потому как неспособен. Оттого ее положение его бесит.

— Ясно, — отозвался Хантер.

— Ты наставил рога тирану. Тем хуже для тебя.

— А Сансон?

— Он приплыл один, в баркасе. Без команды. Рассказал, будто все погибли во время урагана, выжил он один.

Хантер прижался щекой к каменной стене, ощущая ее холод и сырость. Это давало ему некое утешение.

— Какой сегодня день?

— Думаю, среда.

До казни оставалось два дня. Чарльз вздохнул, уселся и стал смотреть сквозь зарешеченное окно на облака, плывущие через бледную, ущербную луну.

Губернаторский особняк был построен из массивного кирпича — настоящая крепость, возведенная в северной части Порт-Ройяла. В цокольном этаже особняка и пребывал под усиленной охраной сэр Джеймс Элмонт, лежащий в лихорадке. Леди Сара Элмонт положила ему на горячий лоб полотенце, смоченное холодной водой, и дыхание больного сделалось легче.

Тут в комнату вошел мистер Хэкетт вместе с женой.

— Сэр Джеймс!

Элмонт взглянул на своего помощника тусклыми от лихорадки глазами.

— Что такое?

— Мы судили капитана Хантера. В пятницу его повесят за пиратство.

При этих словах леди Сара отвела взгляд, на глаза ее навернулись слезы.

— Вы одобряете приговор, сэр Джеймс?

— Делайте так, как считаете нужным, — тяжело дыша, отозвался губернатор.

— Благодарю вас, сэр Джеймс! — произнес Хэкетт, засмеялся, развернулся и покинул комнату.

Дверь за ним громко хлопнула.

Сэр Джеймс тут же оживился и сердито посмотрел на Сару.

— Сними эту чертову тряпку с моей головы, женщина. Надо заняться делом.

— Но, дядя...

— Черт подери, ты что, ничего не соображаешь? Я все эти годы сидел в этой богом забытой колонии, финансировал каперские экспедиции — и все ради того момента, когда кто-то из моих буканьеров приведет сюда испанский галеон, набитый сокровищами! Наконец-то это случилось. Но неужто ты не понимаешь, чем все закончится?

— Нет, дядя.

— Десятая часть отойдет Карлу, — пояснил Элмонт. — А оставшиеся девяносто процентов будут поделены между Хэкеттом и Скоттом. Попомни мои слова.

— Но они известили меня...

— К черту их извещения. Я знаю правду! Я четыре года ждал этого момента и не позволю, чтобы меня одурачили. Равно как и прочих добрых жителей этого города, свободного от всяких излишеств. Я не позволю, чтобы

меня облапошили какой-то прыщавый ханжа и пижон в военном мундире. Хантера необходимо освободить.

— Но как? — спросила леди Сара. — Его казнят через два дня.

— Никто не станет вешать этого морского пса. Я тебе обещаю, — промолвил сэр Джеймс. — Весь город на его стороне.

— Отчего?

— Да оттого, что если он вернется домой, то ему придется заплатить долги, причем не скупясь, с процентами. Мне и другим. Все, что требуется, — это освободить его.

— Но как? — спросила леди Сара.

— Спроси Ричардса, — ответил Элмонт.

Тут из темноты, скрывающей дальнюю часть комнаты, донеслось:

— Я спрошу Ричардса.

Леди Сара стремительно развернулась и увидела Эмили Хэклетт.

— Я хочу расплатиться по счетам, — объяснила та и вышла.

Когда они остались одни, леди Сара спросила у дяди:

— Этого хватит?

Сэр Джеймс Элмонт коротко рассмеялся.

— Еще как хватит, дорогая, — отозвался он. — Более чем, — и рассмеялся снова. — Еще до рассвета в Порт-Ройале прольется кровь, попомни мое слово.

— Я с радостью вам помогу, миледи, — заверил Ричардс.

Верный слуга давно уже мучился от несправедливости, из-за которой его хозяин оказался под стражей.

— Кто может войти в Маршалси? — спросила миссис Хэклетт.

Она видела это здание снаружи, но, конечно же, никогда его не посещала. Это было просто невысказано. Чувствуя преступность замысла мужа, знатная дама фыркнула и отвернулась.

— Вы можете войти в тюрьму?

— Нет, мадам,— отозвался Ричардс.— Ваш супруг поставил там свою доверенную стражу. Если они увидят меня, то сразу преградят путь.

— Тогда кто может?

— Женщина,— ответил Ричардс.

Еду и вещи первой необходимости заключенным приносили друзья и родственники. Так было принято.

— Какая женщина? Она должна быть умной и уклониться от обыска.

— Мне в голову приходит только одна особа,— сказал Ричардс.— Госпожа Шарп.

Миссис Хэклетт кивнула. Она помнила госпожу Шарп, одну из тридцати семи ссыльных женщин, с которыми они месяц назад плыли на «Годспиде». С тех пор госпожа Шарп успела сделаться самой популярной куртизанкой в Порт-Ройале.

— Займитесь этим без промедления,— велела миссис Хэклетт.

— И что мне ей пообещать?

— Скажите, что капитан Хантер щедро вознаградит ее. Я уверена, что именно так он и поступит.

Ричардс кивнул, потом заколебался и спросил:

— Мадам, я надеюсь, вы осознаете, каковы будут последствия освобождения капитана Хантера?

— Я не просто осознаю их. Я этого жажду,— отозвалась женщина с такой холодностью, что у Ричардса мурашки побежали по спине.

— Хорошо, мадам,— откликнулся он и исчез в ночи.

В темноте черепахи всплывали на поверхность и щелкали клювами. Миссис Шарп, поигрывая подолом, рассмеялась и увернулась от стражника, гладившего ее грудь. Она послала ему воздушный поцелуй и зашагала дальше сквозь тень под высокой стеной Маршалси. В руках у нее

был глиняный горшок с тушеной черепашатиной. Другой стражник провел ее к камере Хантера.

Этот тип пребывал в подпитии и был угрюм. Он встал, взял ключ в замок и остановился.

— Чего вы ждете? — спросила девушка.

— Какой замок откроется, если не приналечь как следует? — спросил стражник, плотоядно поглядывая на нее.

— Тот, который хорошо смазали, — не менее плотоядно отозвалась госпожа Шарп.

— Да, леди, и тот, к которому подобрали правильный ключ.

— Уверена, что ключ у вас правильный, — заметила девушка. — Что же касается замка, то с этим придется подождать до подходящего момента. Дайте мне поговорить несколько минут с этим голодным псом, а потом мы сможем открыть замок так, что вы этого до конца жизни не забудете.

Стражник хохотнул и открыл дверь. Девушка вошла. Стражник запер за ней дверь и остался стоять рядом.

— Позвольте мне недолго остаться наедине с этим человеком, — попросила госпожа Шарп. — Проявите вежливость.

— Не дозволено.

— А кто узнает? — поинтересовалась девушка и выразительно облизала губы, глядя на стражника.

Он ухмыльнулся в ответ и ушел.

Едва стражник удалился, она поставила горшок с едой на пол и развернулась лицом к Хантеру. Капитан не узнал ее, но он был голоден, а тушеная черепашатиная вкусно пахла.

— Вы очень добры, — пробормотал Чарльз.

— Вы даже не представляете насколько, — отозвалась девушка и быстрым движением задрала подол до самого пояса.

Жест этот был потрясающе бесстыдным, но то, что он открыл, потрясало еще больше. К икрам и бедрам девуш-

ки был пристегнут целый арсенал — два ножа и пара пистолетов.

— Про меня поговаривают, будто мои тайные места опасны,— произнесла госпожа Шарп.— Теперь вы знаете, почему это так.

Хантер быстро снял с нее оружие и засунул себе за пояс.

— На сколько же я могу рассчитывать? — поинтересовалась она.

— На сотню,— отозвался Чарльз.— Даю слово.

Девушка оглянулась в ту сторону, куда ушел стражник.

— Я напомню вам ваше слово при случае,— сказала она.— Ну а пока что, может, вы меня изнасилуете?

— Думаю, так будет лучше всего,— согласился Хантер и повалил девушку на пол.

Она принялась вопить и визжать, и на шум примчался стражник.

Он мгновенно уловил суть сцены, поспешно отпер дверь, влетел в камеру и прорычал:

— Ах ты чертов пират!

Тут нож Хантера погрузился в его шею. Стражник зашатался, отступил, ухватился за лезвие, торчащее у него из-под подбородка, вырвал нож, и кровь ударила фонтаном. Потом он рухнул на пол и умер.

— Скорее, леди,— попросил Хантер, помогая Энни Шарп подняться на ноги.

В тюрьме стояла тишина. Все заключенные Маршалси слышали поднятый шум и хранили полное молчание. Капитан прошел по коридору, отпирая двери камер, потом отдал ключи тем, кто уже вышел, и отправил их завершить дело.

— Сколько стражников на воротах? — спросил он у Энни Шарп.

— Я видела четверых,— ответила она.— И еще дюжину на опорном пункте.

Это создавало сложности для Хантера. Стражники были англичанами, и у него душа не лежала убивать их.

— Придется схитрить,— сказал он.— Позовите начальника.

Девушка кивнула и вышла во внутренний двор. Чарльз остался ждать ее в тени.

Хантер не удивлялся самообладанию этой женщины, только что оказавшейся свидетельницей жестокого убийства. Он не привык к дамам, которые чуть что — и падали в обморок, как это было в моде при французском и испанском дворах. Англичанки не отличались склонностью к сентиментальности и в некоторых отношениях были жестче любого мужчины, причем это относилось как к простолюдинкам, так и к женщинам из знатных семейств.

Начальник Маршалси вышел к Энни Шарп и в последнее мгновение заметил ствол пистолета Хантера, торчащий из тени.

Капитан жестом велел ему подойти.

— А теперь слушай,— приказал он.— Ты можешь велеть своим людям сойти вниз и положить мушкеты на землю. Тогда все останутся в живых. Или же ты можешь настоять на драке. Тогда все умрут.

— Я ждал вашего побега, сэр,— отозвался начальник стражи.— Надеюсь, вы меня не забудете впоследствии.

— Посмотрим,— отозвался Хантер, не желая ничего обещать.

— Коммандер Скотт завтра лично примет меры,— официальным тоном заявил начальник стражи.

— Коммандер Скотт не доживет до завтра,— возразил Чарльз.— А теперь выбирайте.

— Я надеюсь, вы не забудете...

— Я могу не забыть, что вам не следует перерезать глотку,— отозвался капитан.

Начальник стражи приказал своим людям спуститься, и Хантер лично проследил, чтобы их заперли в камерах Маршалси.

Миссис Хэкетт выдала инструкции Ричардсу и вернулась к супругу. Он сидел в библиотеке, выпивал после ужина в обществе командера Скотта. Их обоих за последнее время очаровал винный погреб губернатора, и теперь они поглощали его содержимое, пользуясь болезнью хозяина.

В данный момент оба были безоглядно поглощены выпивкой.

— Дорогая,— заявил мистер Хэкетт, когда его супруга вошла в комнату,— вы пришли как нельзя более вовремя.

— В самом деле?

— В самом деле,— подтвердил Роберт Хэкетт.— Потому что я именно сейчас излагал командеру Скотту, каким образом вы понесли ребенка от этого пирата, Хантера. Вы, конечно же, понимаете, что вскоре он повиснет в петле и будет болтаться на ветру, пока от него не останется один скелет. Насколько я слышал, в здешнем мерзком климате это случается быстро. Я уверен, что вы понимаете толк в быстроте, а? Кстати, если уж говорить о вашем соблазнении, то командер Скотт прежде не был знаком с подробностями этого происшествия. Я его просветил.

Миссис Хэкетт густо покраснела.

— Такая скромница! — заметил муж, в голосе которого появились угрожающие нотки.— Никому бы и в голову не пришло, что перед ним обычная шлюха. Однако же только это она из себя и представляет. Как вы думаете, сколько стоит ее благосклонность?

Командер Скотт понюхал надушенный платочек.

— Могу я позволить себе откровенность?

— Конечно, что за вопрос? Говорите, говорите!

— На вкус нормального мужчины она слишком тощая.

— Однако же его величество не отказался полакомиться.

— Возможно, но это уже выходит за пределы обычного, не так ли? Наш король предпочитает страстных иноземных женщин...

— Ладно,— раздраженно перебил его Хэклетт.— Ну, так сколько она стоит?

— Я бы сказал, что ее цена не превышает... ну, если учесть, что она отведала королевского копья, то, может, и побольше... но в любом случае не выше сотни реалов.

Миссис Хэклетт, вся багровая, развернулась, собираясь уйти.

— Я не намерена больше терпеть это!

— Напротив,— возразил ее супруг, вскочил с кресла и преградил ей путь.— Вы заключите новую сделку. Коммандер Скотт, вы — джентльмен с большим житейским опытом. Вы заплатили бы сотню реалов?

Скотт сделал слишком большой глоток и закашлялся.

— Я — нет, сэр,— ответил он.

Хэклетт схватил жену за руку.

— А какая цена устроила бы вас?

— Пятьдесят реалов.

— Договорились! — воскликнул Хэклетт.

— Роберт! — возмутилась его жена.— Боже милостивый!..

Роберт Хэклетт ударил жену по лицу с такой силой, что она отлетела в другой конец комнаты и рухнула в кресло.

— Итак, коммандер,— обратился к собутыльнику Хэклетт,— вы — человек слова. Я готов поверить вам в кредит в этом вопросе.

Скотт оторвал взгляд от своего кубка.

— Что?..

— Я сказал, что готов в этом вопросе поверить вам в кредит. Деньги потом.

— Э-э?.. Вы имеете в виду... э-э...— Он указал на миссис Хэклетт.

Глаза женщины округлились от ужаса.

— Именно это я и имею в виду, причем не откладывая.

— Здесь? Сейчас?

— Совершенно верно, коммандер.— Мертвецки пьяный Хэклетт, пошатываясь, пересек комнату и хлопнул

военного по плечу.— А я буду наблюдать, развлечения ради.

— Нет! — пронзительно вскрикнула миссис Хэклетт.

Мужчины словно бы не услышали ее крика, хоть он и был громким. Они пьяно уставились друг на друга.

— Честно говоря, я не уверен, что это благоразумно,— сказал Скотт.

— Чепуха! — возразил Хэклетт.— Вы — джентльмен с репутацией, которую надо поддерживать. В конце концов, эта женщина достойна короля, ну, по крайней мере когда-то она была таковой. Давай, приятель.

— Черт подери! — воскликнул командер Скотт и поднялся, хотя на ногах держался нетвердо.— Черт подери, сэр, я это сделаю! Что достаточно хорошо для короля, то вполне подойдет и для меня. Я это сделаю.

Он принялся расстегивать брюки.

Командер Скотт был до крайности пьян, и справиться с застежкой ему оказалось нелегко. Миссис Хэклетт принялась кричать. Муж прошел через библиотеку, снова ударил ее по лицу и рассек ей губу. По подбородку женщины побежала струйка крови.

— Пиратской или королевской шлюхе важничать не положено. Наслаждайтесь, командер.

И Скотт двинулся к женщине.

— Помоги мне,— прошептал губернатор Элмонт племяннице.

— Но, дядя, как?

— Убей охранника,— заявил он и вручил ей пистолет.

Леди Сара Элмонт взяла его и ощутила непривычную форму оружия.

— Вот так взводишь курок,— объяснил Элмонт, показывая, как это делается.— Теперь осторожно! Подходишь к двери, просишь разрешения выйти и стреляешь.

— Как это?

— Прямо ему в лицо. Не промахнись, дорогая.

— Но, дядя...

Губернатор смерил ее свирепым взглядом.

— Я — больной человек, — произнес он. — Так что помоги мне.

Девушка сделала несколько шагов по направлению к двери.

— Прямо ему в горло, — с долей удовольствия подсказал ей Элмонт. — Он это заслужил, вероломный пес.

Леди Сара постучала в дверь.

— Что такое, мисс? — спросил охранник.

— Откройте, — попросила она. — Я хочу выйти.

Послышалось царапанье, потом щелчок, и замок повернулся. Дверь отворилась. Леди Сара увидела охранника, молодого человека лет девятнадцати, со свежим и невинным лицом, на котором читалось удивление.

— Что угодно вашей светлости?..

Леди Сара выстрелила ему в рот. Сила выстрела толкнула ей руку, а охранника швырнула назад, как будто его ударили в лицо. Он согнулся и осел на пол, а потом перевернулся на спину. Девушка с ужасом увидела, что у него больше нет лица — лишь кровавое месиво на его месте. Бедняга еще несколько минут бился в судорогах. По штанине потекла моча, и леди Сара почувствовала запах экскрементов. Затем тело застыло.

— Помогите мне встать, — проворчал ее дядя, губернатор Ямайки, и с трудом сел на кровати.

Хантер собрал своих людей к северу от Порт-Ройяла, неподалеку от самого большого острова. Ближайшая проблема, стоявшая перед ним, носила чисто политический характер — как отменить вынесенный ему приговор. С практической же точки зрения вышло так, что стоило ему бежать, и горожане тут же собрались под его руку.

Не менее практический характер носил и вопрос о том, как онотреагирует на несправедливое обращение, ибо на кону стояла репутация Хантера среди жителей города.

Чарльз мысленно просмотрел список, состоящий из восьми имен: Хэклетт, Скотт, судья адмиралтейства Льюишэм, торговцы Фостер и Пуэрмен, лейтенант Додсон, капитан торгового судна Джеймс Фипс и Сансон, последний по очередности, но отнюдь не по важности.

Каждый из этого списка действовал, полностью осознавая несправедливость своих поступков, ожидал выгоды от конфискации его имущества.

Законы каперов были достаточно строги. Подобное сутяжничество неизбежно вело к смерти и конфискации причитающейся доли. В то же время капитан обязан был убить нескольких высокопоставленных горожан. Это было не слишком сложно само по себе, но могло сулить ему неприятности в будущем, если сэр Джеймс не выйдет из этой передраги живым и невредимым.

Если у губернатора варила голова, то он должен был давно уже сбежать и укрыться в надежном месте. Хантер решил, что ему придется на это понадеяться, а тем временем убить тех, кто встал у него на пути.

Незадолго до рассвета он приказал всем своим людям уйти в Блу-Хиллс, горы на севере Ямайки, и остаться там на два дня.

Потом капитан в одиночку вернулся в город.

Глава 36

Фостер, преуспевающий торговец шелком, владел большим домом на Пемброк-стрит, к северу от верфей. Хантер проскользнул туда с черного хода, через отдельно стоящую кухню, и поднялся на второй этаж, в хозяйскую спальню.

Фостер спал в постели рядом с женой. Чарльз попытался разбудить его, слегка прижав к носу торговца пистолет. Тучный мужчина лет пятидесяти всхрапнул и перевернулся на бок. Хантер сунул дуло пистолета ему в ноздрю.

Фостер моргнул и открыл глаза, потом сел, не сказав ни слова.

— Тише ты! — сонно пробормотала его жена. — Не толкайся!

Но она не проснулась. Хантер и Фостер посмотрели друг на друга. Торговец перевел взгляд на пистолет в руках Чарльза, потом обратно, в конце концов поднял палец и осторожно спустился с кровати. Его жена так и осталась спать.

Фостер в ночной рубашке прошлепал через комнату к сундуку.

— Я хорошо тебе заплачу, — прошептал он. — Вот, смотри. — Хозяин дома открыл потайное отделение и вытащил оттуда весьма увесистый мешочек с золотом. — Это не все, Хантер. Я заплачу тебе, сколько пожелаешь.

Капитан ничего на это не ответил. Фостер в своей ночнушке протянул ему мешочек с золотом. Рука у него дрожала.

— Пожалуйста,— прошептал он и опустился на колени.— Пожалуйста, пожалуйста... Хантер, умоляю тебя...

Чарльз выстрелил ему в лицо. Тело отбросило, ноги взметнулись вверх, босые пятки замолотили по воздуху. Жена торговца так и не проснулась, лишь заворочалась и застонала во сне.

Хантер подобрал золото и вышел так же тихо, как и пришел.

Пуэрмен был богатым купцом, торговавшим серебряной и оловянной посудой. Его дом располагался на Хай-стрит. Хантер нашел хозяина дома спящим за столом на кухне. Рядом стояла полупустая бутылка вина.

Капитан взял кухонный нож и полоснул по запястьям Пуэрмена. Тот проснулся, в хмельном тумане увидел Хантера, а затем — кровь, льющуюся на стол. Он поднял кровоточащие руки, но не смог ими пошевелить. Сухожилия были перерезаны, и руки безжизненно опустились. Пальцы уже сделались серовато-белыми.

Пуэрмен положил руки обратно на стол. Он посмотрел на кровь, собравшуюся в лужу на деревянной столешнице и капающую через щели на пол, потом перевел взгляд на Хантера. На лице его отразилось замешательство.

— Я заплачу! — хрипло произнес купец.— Я сделаю все, что ты... что ты...

Он поднялся из-за стола, пошатываясь от головокружения, держа порезанные руки согнутыми в локтях. В тишине слышно было, как кровь странно громко капала на пол.

— Я сделаю...— начал было Пуэрмен, потом качнулся назад и упал навзничь.— Ты, ты, ты, ты...— повторял он все тише и тише.

Хантер отвернулся, не дожидаясь, пока торговец умрет. Он вышел обратно в ночь и бесшумно зашагал по темным улицам Порт-Ройяла.

На лейтенанта Додсона капитан наткнулся случайно. Офицер горланил песню и пьяно ковылял по улице в компании двух шлюх, поддерживавших его с обеих сторон. Хантер заметил его в конце Хай-стрит, развернулся, быстро прошел по Куин-стрит, свернул налево, на Хоуэлл-эли, и встретил Додсона на углу.

— Это кто еще там? — громко возмутился тот. — Ты что, не слыхал про комендантский час? Вали отсюда, или я тебя упеку в Маршалси!

— А я только что оттуда, — отозвался из тени Хантер.

— Чего? — переспросил Додсон, наклонив голову, чтобы лучше слышать. — Ты что это хамишь? Да я тебя...

— Хантер! — завизжала одна шлюха, и обе женщины пустились наутек.

Лишившись их поддержки, Додсон тут же рухнул в грязь.

— Вот же бляди-то какие ненадежные! — заворчал он, пытаясь встать. — На что теперь мой мундир похож, а? Черт вас побори!

Он весь был в грязи и навозе.

Додсону уже удалось подняться на колени, когда до его мозга, затуманенного алкоголем, внезапно дошел смысл последних слов убежавшей женщины.

— Хантер? — тихо спросил он. — Хантер, это ты?

Чарльз кивнул.

— Тогда я арестую тебя как негодяя и пирата, — заявил Додсон.

Но прежде чем он успел встать, капитан ударил его ногой в живот, и офицер снова растянулся на земле.

— Ай! — вскрикнул он. — Больно же, черт!

Это были его последние слова. Хантер ухватил офицера за шею и сунул лицом в уличную грязь. Додсон бился,

извивался все сильнее и сильнее, но Чарльз держал его до тех пор, пока корчи не стихли.

Тогда Хантер, тяжело дыша, отступил.

Он оглядел темный, безлюдный город. Показался патруль, десять солдат милиционных войск. Капитан отступил в тень и подождал, пока они пройдут.

Шлюхи вернулись обратно.

— Вы правда Хантер? — спросила одна, не выказывая ни малейшего страха.

Тот кивнул.

— Благослови вас Бог! — воскликнула шлюха. — Приходите навестить меня, получите свое удовольствие, не потратив и фартинга!

Она рассмеялась.

Хихикая, женщины исчезли во тьме.

Хантер вошел в таверну «Черный вепрь». Там находилось человек пятьдесят, но он видел лишь Джеймса Фипса, красивого, одетого с иголки, пьющего с несколькими другими моряками с торговых кораблей. Приятели Фипса тут же куда-то испарились с явным ужасом на лицах, но сам он, справившись с первоначальным потрясением, изобразил радушие.

— Хантер! — воскликнул Джеймс, широко улыбаясь. — Лопни мои глаза, ты и вправду сделал то, что все от тебя ждали! Угощаю всех! Пьем за твое освобождение!

В «Черном вепре» воцарилась мертвая тишина. Никто не произнес ни слова. Ни один человек не шелохнулся.

— Ну же! — громко произнес Фипс. — Пьем за капитана Хантера! Я угощаю!

Чарльз двинулся к столу, за которым сидел Джеймс. Лишь его тихие шаги по грязному полу таверны нарушали тишину.

Фипс с беспокойством взглянул на капитана и сказал:

— Чарльз, такое жестокое выражение лица тебе не идет. Нужно же быть милосердным!

— Да ну?

— Чарльз, дружище, — не унимался Фипс. — Ты же понимаешь, что я не желаю тебе ничего дурного. Меня вынудили явиться на этот суд. Это все дело рук Хэклета и Скотта, клянусь. У меня не было выбора. Я должен отплыть на неделю, а они сказали, что не отдадут мне бумаги с разрешением. Кроме того, я знал, что ты от них сбежишь, какой-нибудь час назад говорил об этом Тимоти Флинту. Тимоти, ну скажи же, правда ведь, я тебе говорил, что Хантер выйдет на свободу? Тимоти!

Хантер вытащил пистолет и навел его на Фипса.

— Чарльз! — воскликнул тот. — Я тебя умоляю, ну будь же благоразумен! Человеку приходится быть практичным. Неужто ты думаешь, будто я согласился бы с твоим приговором, если бы верил, что его приведут в исполнение? Ты что, вправду так думаешь? Вправду?

Хантер не ответил. Он взвел курок. Единственный металлический щелчок раздался в тишине зала.

— Чарльз, — продолжал Фипс, — у меня душа радуется оттого, что я снова вижу тебя. Пойдем выпьем вместе и давай забудем...

Капитан выстрелил ему в грудь. Окружающие поспешили увернуться, когда обломки костей и фонтан крови со свистом брызнули из груди Джеймса. Фипс выронил кубок, который держал в руке. Тот со стуком упал на стол и скатился на пол.

Фипс проследил за ним взглядом, потянулся за кубком и хрипло произнес:

— Выпьем, Чарльз...

Потом он рухнул на стол. Кровь растеклась по шершавому дереву столешницы.

Хантер развернулся и вышел.

Снова очутившись на улице, он услышал колокола церкви Святой Анны. Они звонили непрерывно, словно возвещающая о нападении на Порт-Ройял либо о еще каком-нибудь чрезвычайном происшествии.

Хантер понял, что это могло означать только одно. Его бегство из Маршалси обнаружено.

Но ему это было совершенно безразлично.

Льюишэм, судья Адмиралтейства, проживал рядом со зданием суда. Он пробудился, когда церковные колокола ударили в набат, и послал слугу выяснить, что произошло.

Тот вернулся несколько минут спустя.

— Ну и что там? — спросил Льюишэм. — Говори быстрее!

Слуга поднял голову. Это был Хантер.

— Но как?! — спросил Льюишэм.

Чарльз взвел курок.

— С легкостью.

— Скажи, чего ты хочешь.

— Скажу, — согласился Хантер.

И сказал.

Коммандер Скотт, пьяный в доску, спал, развалившись на кушетке в библиотеке губернаторского особняка. Мистер Хэкетт и его супруга давно уже удалились. Коммандер проснулся от звона колоколов и мгновенно понял, что произошло. Скотту стало страшно как никогда в жизни. Через несколько мгновений один из его охранников влетел в комнату с новостями. Хантер бежал, все пираты исчезли, а Пуэрмен, Фостер, Фипс и Додсон мертвы.

— Коня мне! — велел Скотт и поспешно привел одежду в порядок.

Он вышел из губернаторского особняка, настороженно огляделся по сторонам и вскочил на своего жеребца.

Вскоре его сбросили с лошади, и он полетел на булыжную мостовую в какой-нибудь сотне ярдов от губернаторского особняка. Проходимцы, приведенные Ричардсом, слугой губернатора, и возглавляемые этим мерзавцем Хан-

тером, надели на командера кандалы и отвели его в Маршалси, чтобы он ждал там суда.

Нет, ну какова наглость, а?! Каковы негодяи!

Хэклетт проснулся от колокольного звона и тоже догадался, что это значит. Он вскочил с кровати, не обращая внимания на жену, которая всю ночь пролежала не сомкнув глаз, глядя в потолок и слушая его пьяный храп. Ее терзали боль и жестокое унижение.

Хэклетт подошел к дверям покоев и позвал Ричардса.

— Что произошло?

— Хантер сбежал,— ровным тоном сообщил слуга.— Додсон, Пуэрмен и Фипс мертвы. Возможно, не только они.

— А этот человек все еще на свободе?

— Не знаю,— ответил Ричардс, демонстративно не добавив «ваше превосходительство».

— Господи, помилуй! — вырвалось у Хэклетта.— Запри дверь на засов. Вызови стражу. Предупреди командера Скотта.

— Командер Скотт покинул дом несколько минут назад.

— Покинул дом? Господи боже! — Хэклетт захлопнул дверь комнаты, запер ее на ключ и повернулся к кровати.— Господи боже! — повторил он.— Господи боже! Этот пират убьет нас всех!

— Не всех,— отозвалась жена и направила на него оружие.

Хэклетт держал у кровати пару заряженных пистолетов. Теперь женщина держала их в руках и целилась в мужа.

— Эмили, не будь дурой. Сейчас не время для твоих глупостей. Этот человек — злобный убийца.

— Не приближайся ко мне,— предупредила миссис Хэклетт.

Он заколебался.

- Ты шутишь.
- Нет, не шучу.

Хэклетт взглянул на жену и на пистолеты в ее руках. Он сам не особо разбирался в обращении с оружием, но даже по своему ограниченному опыту знал, что из пистолета очень трудно стрелять прицельно, поэтому сейчас испытывал не столько страх, сколько раздражение.

- Эмили, ты ведешь себя как полная дура!
- Стоять! — скомандовала женщина.
- Эмили, ты сука и шлюха. Но я готов биться об заклад, что ты не убийца.

Миссис Хэклетт выстрелила. Комната наполнилась дымом. Муж вскрикнул от страха. Прошло несколько мгновений, прежде чем оба супруга поняли, что он не ранен.

Хэклетт расхохотался с явным облегчением.

- Как видишь, это не так уж просто, — сказал он. — А теперь отдай пистолет.

Он подошел ближе. Женщина выстрелила снова и на этот раз попала ему в пах. Удар пули был не особенно сильным. Хэклетт остался стоять. Он сделал еще шаг и приблизился к жене настолько, что почти мог коснуться ее.

- Я всегда ненавидел тебя, — заявил он непринужденно, словно во время обычной беседы. — С того самого дня, как впервые тебя встретил. Помнишь? Я сказал тебе: «Добрый день, мадам», а ты мне сказала...

Он закашлялся, согнулся от боли и рухнул на пол.

На поясе у него расплывалось кровавое пятно.

- Ты мне сказала... — выдавил Хэклетт. — Ты сказала... Черт бы побрал твою репутацию, женщина!.. Больно! Ты мне сказала...

Он принялся раскачиваться из стороны в сторону, зажимая руками пах. Лицо его было искажено от боли, глаза крепко зажмурены. Раскачиваясь, он стонал, протяжно и монотонно.

Эмили села на кровать и выронила пистолет. Он упал на простыню. Ствол был настолько горячим, что на ткани

остался отпечаток. Эмили быстро подобрала его и бросила на пол, потом снова взглянула на мужа.

Он продолжал раскачиваться и стонать, потом остановился, посмотрел на жену и шепотом произнес сквозь стиснутые зубы:

— Кончай с этим.

Эмили покачала головой. Пистолеты были разряжены. Даже если бы у нее были запасные пули и порох, она все равно не знала, как их зарядить.

— Кончай с этим,— повторил Хэклетт.

Эмили охватили противоречивые чувства. Понимая, что муж умрет еще не скоро, она подошла к столику у стены, налила бокал кларета и отнесла ему. Женщина приподняла голову Хэклетта и поднесла бокал к его губам. Он сделал несколько глотков, а потом его одолела ярость, и он оттолкнул ее окровавленной рукой. Его сила поражала жену. Эмили упала навзничь. На ее ночной рубашке красовался красный отпечаток ладони.

— Чтoб ты сдохла, королевская сука,— прошептал Хэклетт и снова принялся раскачиваться.

Теперь он был полностью поглощен болью и, похоже, совершенно позабыл о присутствии жены. Эмили встала, налила вина себе, пригубила и принялась наблюдать.

Она так и стояла, когда полчасика спустя в комнату вошел Хантер. Хэклетт был жив, только сделался мертвенно-бледным и лишь изредка судорожно подергивался. Вокруг него растекалась огромная лужа крови.

Чарльз вскинул пистолет и шагнул к Хэклетту.

— Нет! — потребовала Эмили.

Хантер заколебался, потом отступил.

— Благодарю за любезность,— сказала миссис Хэклетт.

Глава 37

Двадцать первого октября тысяча шестьсот шестьдесят пятого года приговор в отношении Чарльза Хантера и его команды, обвиненных в пиратстве и разбое, был в порядке упрощенного судопроизводства отменен Люшэмом, судьей Адмиралтейства, на закрытом совместном заседании с сэром Джеймсом Элмонтом, вернувшимся к исполнению своих обязанностей губернатора колонии Ямайка.

На том же заседании командер Эдвин Скотт, старший офицер гарнизона форта Чарльза, был признан виновным в государственной измене и приговорен к повешению, каковое должно было состояться на следующий день. В обмен на обещание смягчения приговора Скотт собственноручно написал признание. Как только оно было получено, неизвестный офицер застрелил Скотта в его камере в форте Чарльз. Убийца так и не был задержан.

Что же касается капитана Хантера, ставшего ныне любимцем города, у него оставалась последняя проблема — Андре Сансон. Француза нигде не могли найти. Говорили, будто он бежал в горы. Хантер сообщил во всеуслышание, что он хорошо заплатит за любые известия о Сансоне, и во второй половине дня получил неожиданное донесение.

Капитан разместился в «Черном вебре», и довольно скоро с ним пришла повидаться одна вульгарная стару-

ха. Хантер знал ее. Эта дама носила фамилию Симмонс и управляла публичным домом.

Старуха опасливо приблизилась к нему.

— Говори, женщина, — велел Чарльз и заказал для нее стакан рома, дабы успокоить страхи.

— Так вот, сэр, — начала старуха, хлебнув спиртного. — Неделью назад в Порт-Ройял добрался один человек, Картер, еле живой.

— Джон Картер, моряк?

— Он самый.

— Говори! — приказал капитан.

— Он сказал, что его подобрал английский пакетбот, который шел с Сент-Киттса. Они заметили огонь на маленьком необитаемом острове, остановились, чтобы произвести разведку, обнаружили Картера и забрали его с собой.

— Где он теперь?

— Сбежал. Он боится встречи с Сансоном, этим злодеем французом, поэтому сейчас прячется в горах. Но Картер рассказал мне свою историю довольно подробно.

— И что же это за история? — спросил Хантер.

Старуха быстро пересказала ему суть. В общем, Картер находился на борту шлюпа «Кассандра», который под командованием Сансона вез часть сокровищ галеона. Налетел неистовый ураган и разбил шлюп о внутренний риф острова. Большая часть команды погибла. Сансон собрал выживших и спас сокровища. Под его руководством их закопали на острове. Потом моряки построили баркас из обломков разбитого шлюпа.

После этого, как сообщил Картер, Сансон убил всех — двенадцать человек! — и уплыл один. Картер был серьезно ранен, но каким-то образом умудрился выжить, вернуться домой и поведать свою историю. Еще он сказал, что не знает названия этого острова, как и точного местонахождения сокровища, но Сансон, мол, нацарапал карту на монете, которую носит на шее.

Хантер молча выслушал эту историю, поблагодарил женщину и дал ей монету за хлопоты. Теперь он еще сильнее, чем прежде, жаждал отыскать Сансона. Капитан сидел в «Черном ведре» и терпеливо выслушивал каждого, кто приходил к нему с новым слухом о местопребывании француза. Историй этих набралась минимум дюжина. Сансон ушел в Порт-Морант, бежал в Инагуа, прячется в горах.

Когда правда наконец всплыла на поверхность, она оказалась ошеломляющей.

В таверну влетел Эндерс.

— Капитан, он на галеоне!

— Что?!

— Да, сэр. На борту оставалось шесть человек охраны. Он убил двоих, а остальных отправил на шлюпке, чтоб они вам сказали.

— Что сказали?

— Либо вы выхлопочете ему прощение и прилюдно пообещаете не преследовать его, либо он потопит корабль. Сансон хочет получить ответ до вечера, капитан.

Хантер выругался, подошел к окну таверны и посмотрел на гавань. «Эль Тринидад» стоял на якоре, но довольно далеко от берега. Глубина там была слишком велика для того, чтобы спасти сокровища, если их все-таки утопят.

— Умен, мерзавец, — сказал Эндерс.

— Точно, — согласился Хантер.

— Так вы ответите?

— Не сейчас, — сказал Чарльз и отвернулся от окна. — Он на корабле один?

— Да, но что только толку-то?!

Сансон стоил в схватке дюжины, если не больше.

Галеон с сокровищами стоял в отдалении от других кораблей. Со всех сторон от него было около четверти мили открытого водного пространства. Он находился в совершенной, непреступной изоляции.

— Мне нужно подумать, — заявил Хантер и уселся.

На корабле, стоявшем посреди ровной водной глади, было столь же безопасно, как в крепости, окруженной рвом. А Сансон принял меры к тому, чтобы на галеоне стало еще спокойнее. Он вывалил за борт помои и кухонные отбросы, чтобы привлечь акул. В порту и без того отиралось множество этих тварей, так что попытка доплыть к «Эль Тринидаду» стала бы всего лишь изощренной разновидностью самоубийства.

Да и ни одна лодка не могла подойти к галеону и остаться незамеченной.

Следовательно, приближение должно было быть открытым и на вид безвредным. Но в баркасе прятаться совершенно некуда. Хантер почесал в затылке. Некоторое время он расхаживал по залу «Черного вепря», а потом, так и не в силах успокоиться, вышел на улицу.

На улице Чарльз увидел фокусника, пускающего из рта фонтаны разноцветной воды. В колонии Массачусетс фокусы были запрещены как содействие дьявольской работе. Для Хантера они обладали странным очарованием.

Он немного понаблюдав за фокусником. Тот пил воду, а потом выпускал разноцветные фонтаны.

В конце концов капитан подошел к нему.

— Я хочу узнать ваш секрет.

— Многие красавицы при дворе короля Карла говорили то же самое и предлагали куда больше, чем можете предложить вы.

— Я предлагаю вам вашу жизнь,— заявил Чарльз и сунул фокуснику в лицо заряженный пистолет.

— Вы меня не запугаете! — заявил тот.

— А я думаю, что это у меня получится.

Через несколько мгновений они сидели в палатке фокусника, и Хантер слушал подробности его подвигов.

— Все не так, как оно выглядит со стороны,— пояснил этот чудодей.

— Покажите,— потребовал Хантер.

Фокусник объяснил, что перед представлением он проглотил пилюлю из желчного пузыря телки и запеченной пшеничной муки.

- Понимаете, это позволяет очистить желудок.
- Понимаю. Продолжайте.
- Потом я кладу в воду бразильские орехи и кипячу, пока не получается темно-красный отвар.
- Дальше.
- Потом мою стаканы белым уксусом.
- Дальше.
- А некоторые не мою.
- Дальше.

Затем фокусник объяснил, что он выпивает воду из чистого стакана и отрыгивает содержимое желудка, выдавая наружу ярко-красный «кларет». Если в дело идут другие стаканы, на стенках которых остался уксус, то та же самая жидкость становится «пивом», приобретая темно-коричневый цвет.

Если выпить и отрыгнуть большее количество воды, то красный цвет делается светлее и получается «шерри».

— Больше никаких хитростей,— завершил свой рассказ фокусник.— Все просто не то, чем кажется, только и всего.— Он вздохнул.— Главное — отвлечь внимание публики и направить его туда, куда нужно.

Хантер поблагодарил фокусника и отправился разыскивать Эндерса.

— Вы знаете женщину, которая помогла устроить наш побег из Маршалси?

— Да, это Энни Шарп.

— Найдите ее,— приказал Хантер.— И подберите команду для баркаса, шесть лучших людей, каких вы только сможете отыскать.

— Зачем, капитан?

— Я собираюсь нанести визит Сансону.

Глава 38

Андре Сансон, беспощадный и сильный француз, не привык испытывать страх. Теперь, увидев баркас, отваливающий от берега, он тоже не испугался и лишь внимательно следил за ним. Издалека видно было, что там шесть гребцов и два пассажира на носу, но Сансон не мог разглядеть, кто эти люди.

Он ожидал какого-то обмана. Этот англичанин Хантер совсем не дурак. Он непременно пустит в ход хитрость, если только сможет. Сансон знал, что сам он не умен, как Чарльз. Его собственные таланты были скорее животными, куда более телесными. Все же Сансон был уверен в том, что никакие уловки Хантеру не помогут просто потому, что сделать это невозможно. Кроме него, на корабле никого не было. Он останется один, в безопасности до самого наступления ночи, и либо получит свободу, либо потопит галеон.

Француз знал, что Хантер ни за что не допустит уничтожения корабля. Он слишком много сражался и страдал ради этих сокровищ. Капитан сделает все, чтобы сохранить их, даже если ради этого ему придется отпустить Сансона.

Француз был твердо уверен в этом.

Он всматривался в приближающийся баркас. Когда тот подошел поближе, Сансон разглядел, что на носу сто-

ял сам Хантер, а рядом с ним — какая-то женщина. Что это все означает? У француза даже голова заболела, так он старался понять, что же задумал Чарльз.

В конце концов Сансон удовольствовался самым простым решением. Он напомнил себе, что никакие хитрости ничего не дадут. Хантер умен, но всякому хитроумию есть предел. Капитан должен понимать, что его можно прикончить даже на расстоянии. Это будет не труднее, чем муху прихлопнуть. Сансон мог убить его прямо сейчас, если бы захотел. Но зачем? Ему нужна была только свобода и прощение. Для этого Хантер должен оставаться в живых.

Баркас приблизился.

Чарльз помахал рукой и весело воскликнул:

— Сансон, свинья ты французская!

Тот ухмыльнулся и помахал в ответ.

— Хантер, задница ты английская! — крикнул он с веселостью, которой вовсе не испытывал.

Его напряженность, и без того немалая, лишь возросла, когда он осознал, как небрежно держится капитан.

Баркас причалил к борту «Эль Тринидада». Сансон слегка перегнулся через борт и продемонстрировал гостям арбалет. Но высовываться слишком сильно он не хотел, хоть ему и не терпелось заглянуть в баркас.

— Зачем ты здесь, Хантер?

— Я привез тебе подарок. Можно нам подняться?

— Только вам двоим, — ответил Сансон, отошел от перил и быстро перебежал к другому борту, чтобы проверить, не приближается ли с той стороны еще один баркас.

Но там не видно было ничего, кроме водной глади и следов, которые оставляли плавники акул.

Сансон повернулся обратно и услышал, как по трапу карабкаются двое. Он поднял арбалет и прицелился. Над краем борта показалась женщина. Она была молода и чер-

товски красива, улыбнулась ему почти застенчиво и отступила в сторонку, когда на палубу поднялся Хантер.

Чарльз остановился, взглянул на Сансона, который стоял шагах в двадцати от него с арбалетом в руках, и заметил:

— Не очень-то радушный прием.

— Уж извини,— отозвался Сансон, посмотрел на девушку, потом снова перевел взгляд на Хантера.— Ты добился, чтобы мои требования приняли?

— Добиваюсь, даже прямо сейчас. Сэр Джеймс составляет бумаги. Их доставят через несколько часов.

— И на кой же черт ты сюда явился?

Хантер хохотнул и сказал:

— Сансон, ты же знаешь, что я — человек практичный. Ясно, что все козыри у тебя. Я вынужден согласиться на все твои требования. На этот раз ты оказался слишком умен, даже для меня.

— Я знаю,— отозвался француз.

— Когда-нибудь я найду тебя и убью,— заявил капитан, сощурившись.— Обещаю. Но не сейчас. Сегодня ты победил.

— Это какая-то хитрость,— сказал Сансон, внезапно осознав, что что-то здесь сильно не так.

— Не хитрость,— возразил Хантер.— Пытка.

— Пытка?

— Именно,— подтвердил Чарльз.— Все всегда не то, чем кажется. Так что для того, чтобы ты мог приятно провести остаток дня, я привез тебе эту женщину. Ты же не станешь спорить, что она очаровательна для англичанки? Я оставлю ее здесь, тебе.— Капитан рассмеялся.— Если ты осмелишься.

Теперь засмеялся и Сансон.

— Хантер, да ты просто слуга дьявола! Если я возьму эту женщину, то не смогу следить за тем, что происходит вокруг. Верно?

— Может, ее английская красота тебя помучает,— отозвался Хантер, коротко поклонился и стал спускаться по трапу.

Сансон слышал, как его ноги глухо стучали по корпусу судна. Затем раздался приглушенный шум — это капитан спрыгнул в баркас. Хантер приказал гребцам отчаливать, потом Сансон услышал плеск весел.

Он подумал, что это какой-то обман, и посмотрел на женщину. Должно быть, у нее припрятано какое-то оружие.

— Ложись! — хрипло рыкнул француз.

Девушка, похоже, смутилась.

— Ложись! — топнув, повторил он.

Девушка легла на палубу. Сансон осторожно приблизился к ней и быстро обшарил ее одежду. Оружия не было, и все-таки француз не сомневался в том, что тут кроется какая-то хитрость.

Он подошел к перилам и посмотрел на баркас, быстро плывущий к берегу. Хантер сидел на носу и, не оборачиваясь, смотрел в сторону берега. На веслах — шестеро гребцов. Все совпадает.

— Можно, я встану? — хихикнув, спросила девушка. Сансон повернулся к ней.

— Да, вставай.

Она поднялась и поправила одежду.

— Я вам нравлюсь?

— Для английской свиньи выглядишь неплохо,— хрипло отозвался Сансон.

Девушка без лишних слов принялась раздеваться.

— Ты что делаешь?! — возмутился француз.

— Капитан Хантер сказал, что я должна снять одежду.

— А я тебе говорю — оставь все как есть! — прорычал Сансон.— С этого момента ты будешь делать то, что тебе говорю я!

Он осмотрелся по сторонам. Нигде ничего, не считая удаляющегося баркаса.

Но тут явно какая-то ловушка. Наверняка же!

Француз повернулся и снова посмотрел на девушку. Она облизнула губы. Очаровательное создание. Где бы с ней позабавиться, чтобы это было безопасно? Сансон сообразил, что если пойти на кормовую надстройку, то он сможет оттуда смотреть в любую сторону и при этом наслаждаться английской шлюхой.

— Я вас с Хантером обоих перехитрю,— заявил француз и загнал женщину на кормовую надстройку.

Через несколько минут его постигла новая неожиданность. Это застенчивое маленькое создание превратилось в страстную проказницу, которая ахала, вопила и царапалась, к пушему удовольствию Сансона.

— Ты такой большой! — выдохнула она. — Я и не знала, что французы такие большие!

Ее ногти больно проехали по спине Сансона. Он был доволен.

Его довольство сильно поубавилось бы, если бы он знал, что эти крики исступления и восторга, за которые ей щедро заплатили, были сигналом для Хантера. Капитан висел на веревочном трапе у самой воды и смотрел на белые силуэты акул, кружащих вокруг него.

Чарльз находился здесь с тех самых пор, как баркас отвалил от галеона. Пока он оставался на борту корабля, на носу баркаса гребцы усадили чучело, которое до этого момента прятали под куском брезента.

Все шло именно так, как и задумал капитан. Сансон не посмел слишком сильно нагибаться, чтобы рассмотреть баркас, а когда тот отчалил, француз пришлось потратить несколько секунд на обыск девушки. К тому моменту, когда он подошел к поручням, чтобы взглянуть на баркас, тот был уже достаточно далеко, чтобы чучело смотрелось убедительно. Если бы тогда француз посмотрел вниз, то увидел бы Хантера, болтающегося на трапе. Но у него не было никаких причин глядеть туда, а девушке даны были указания отвлечь Сансона как можно скорее.

Хантер ждал, висая на трапе. Прошло немало минут, прежде чем он услышал крики страсти. Они доносились с кормовой надстройки, как он и ожидал. Чарльз осторожно поднялся до оружейного порта и проскользнул на нижнюю палубу «Эль Тринидада».

Капитан не имел при себе ничего, и первой его задачей было найти оружие. Он пробрался в арсенал, выбрал себе короткий кинжал и пару пистолетов, зарядил их и тщательно забил пыжи. Затем Хантер взял арбалет, нагнулся, взвел его и лишь после этого поднялся на верхнюю палубу.

Там он остановился и на кормовой надстройке увидел Сансона с девушкой. Она поправляла одежду Сансон осматривался по сторонам. Француз поддался похоти всего на несколько минут, но они стали для него роковыми. Сансон спустился на шкафут и принялся расхаживать по палубе. Он смотрел то в одну сторону, то в другую, а потом остановился и пригляделся.

Хантер понял, что тот смотрел на мокрые пятна, которые капитан оставил на корпусе судна, пока пробирался к оружейному порту.

Сансон стремительно развернулся.

— Ах ты сука! — выкрикнул он и выстрелил из арбалета в девушку, которая все еще стояла на кормовой надстройке, но в запале гнева промахнулся.

Энни завизжала и кинулась вниз. Сансон рванулся было за ней, но потом, похоже, передумал. Он остановился, перезарядил арбалет и стал ждать, прислушиваясь.

Послышался топот девичьих ножек. Затем хлопнула дверь. Хантер решил, что Энни, должно быть, заперлась в одной из кают кормовой надстройки. Пока что там она в безопасности.

Сансон вышел на середину палубы и встал у гот-мачты.

— Хантер! — крикнул он. — Я знаю, что ты здесь!

Француз расхохотался.

Сейчас преимущество было на его стороне. Он оказался у мачты и знал, что из пистолета его не достанешь ни с какой стороны, и ждал. Сансон настороженно кружил вокруг мачты, медленно поворачивая голову. Он был идеально бдителен, готов к любым действиям.

Хантер повел себя нелогично. Он выстрелил из обоих пистолетов. Одна пуля попала в мачту — только щепки брызнули, вторая ударила Сансона в плечо. Тот заворчал, но, похоже, почти не заметил рану. Он развернулся и выстрелил из арбалета. Стрела пронеслась мимо Чарльза и глубоко вонзилась в сходни.

Хантер поспешно спустился по трапу. Он слышал, как Сансон мчался следом, успел краем глаза заметить, как француз неся в атаку с пистолетами наготове.

Капитан отступил за трап и затаил дыхание. Сансон пробежал прямо у него над головой, быстро спустился, добрался до оружейной палубы и оказался спиной к Хантеру.

Тогда Чарльз ледяным тоном скомандовал:

— Стоять!

Сансон не остановился. Он резко развернулся и разрядил оба пистолета.

Пули свистнули над головой Хантера, поскольку тот сидел, пригнувшись почти к самому полу.

Теперь же он встал, держа взведенный арбалет, и сказал:

— Некоторые вещи являются не тем, чем кажутся.

Сансон ухмыльнулся и поднял руки.

— Хантер, дружище, я беззащитен.

— Наверх! — скомандовал капитан ровным тоном.

Сансон начал подниматься по трапу, все еще держа руки вытянутыми. Хантер заметил кинжал на его поясе. Левая рука француза медленно двигалась к оружию.

— Не смей!

Рука застыла.

— Наверх.

Сансон поднялся наверх, Чарльз шел следом.

— Я тебя все-таки заполучу, дружище,— пообещал француз.

— Ты заполучишь только стрелу в задницу,— отозвался Хантер.

Они поднялись на верхнюю палубу. Сансон, пятясь, отступил к мачте.

— Нам нужно поговорить. Мы должны проявить благоразумие.

— Почему? — поинтересовался капитан.

— Потому что я спрятал половину сокровищ. Вот, взгляни,— сказал Сансон и ткнул пальцем в золотую монету, висевшую у него на шее. — Я отметил здесь местонахождение тех сокровищ, которые были на «Кассандре». Разве тебе это не интересно?

— Интересно.

— Вот и хорошо. У нас есть причина поторговаться.

— Ты пытался убить меня,— заявил Чарльз, продолжая целиться из арбалета в Сансона.

— Разве ты на моем месте не сделал бы того же?

— Нет.

— Еще как сделал бы,— уперся француз.— Это просто наглость — отрицать такое.

— Может, и сделал бы,— согласился Хантер.

— Мы друг друга никогда не любили, значит, ничего и не потеряли.

— Я не стал бы тебя предавать.

— Стал бы, если бы мог.

— Нет,— возразил капитан.— У меня есть представление о чести...

Тут у него за спиной раздался женский визг:

— Чарльз, ты его схватил!..

Хантер чуть развернулся в сторону Энни Шарп, чтобы взглянуть на нее, и в этот момент Сансон прыгнул.

Хантер выстрелил автоматически. Хлестнула тетива, и арбалетная стрела ушла в полет. Она пронеслась над палубой, ударила Сансона в грудь, сшибла его с ног и пришила к грот-мачте. Француз задергался в конвульсиях.

— Ты сделал мне больно,— сказал он, и на губах его показалась кровь.

— Все было честно,— отозвался Хантер.

Потом Сансон умер, и голова его упала на грудь. Хантер выдернул стрелу, и тело рухнуло на палубу. Потом он снял с шеи мертвеца золотую монету, на которой была нацарапана карта. Энни Шарп смотрела на все это, прикрыв рот ладошкой. Хантер оттащил труп к борту и сбросил его в море.

Тело закачалось на волнах.

Акулы настороженно закружили вокруг. Потом одна подплыла, ткнулась мордой, вырвала кусок плоти. За ней еще одна, и еще... Вода вскипела и окрасилась кровью. Это длилось всего несколько минут. Потом кровь в воде рассеялась, поверхность моря вновь сделалась спокойной, и Хантер отвернулся.

Эпилог

Согласно мемуарам, написанным им и озаглавленным «Жизнь среди каперов Карибского моря», Чарльз Хантер искал сокровища, запрятанные Сансоном, на протяжении тысяча шестьсот шестьдесят шестого года, но так ничего и не нашел. На золотой монете не оказалось карты — лишь странная последовательность треугольников и цифр. Хантеру так и не удалось разгадать этот шифр.

Сэр Джеймс Элмонт вернулся в Англию со своей племянницей, леди Сарой Элмонт. Оба они погибли в лондонском пожаре шестьдесят шестого года, названном великим.

Миссис Роберт Хэклетт осталась жить в Порт-Ройяле. В тысяча шестьсот восемьдесят шестом она скончалась от сифилиса. Ее сын Эдгар стал состоятельным торговцем в колонии Каролина. Его же сын, Джеймс Чарльз Хэклетт Хантер, в тысяча семьсот семьдесят седьмом году занял пост губернатора Каролины. Именно по его настоянию эта колония выступила на стороне повстанцев-северян против английской армии под командованием генерала Хоува.

Госпожа Энни Шарп вернулась в Англию в шестьсот семьдесят первом году и стала актрисой. К этому времени женские роли уже перестали играть мальчики, как это

было в начале века. Госпожа Шарп стала второй из самых знаменитых женщин, прибывших в Европу из Индии. Первой, самой знаменитой, конечно же, была мадам де Ментон, любовница Людовика Четырнадцатого, уроженка Гваделупы. Энни Шарп скончалась в тысяча семьсот четвертом году, прожив жизнь, которую сама характеризовала как восхитительную известность.

Эндерс, мастер морского дела, цирюльник и хирург, присоединился к экспедиции Мандевиля на Кампече в тысяча шестьсот шестьдесят восьмом году и погиб во время бури.

Мавр Басса умер годом позже, во время нападения Генри Моргана на Панаму. Его затоптал бык, когда испанцы в попытке защитить город выпустили на противника домашний скот.

Дон Диего, Еврей, прожил в Порт-Ройяле до тысяча шестьсот девяносто второго года и уже в преклонном возрасте погиб во время землетрясения, превратившего нечестивый город в сплошные руины.

Лазю схватили и повесили за пиратство в Чарльстоне, колония Южная Каролина, в тысяча семьсот четвертом. Поговаривали, будто она была любовницей Черной Бороды.

Чарльз Хантер, здоровье которого было подорвано малярией, подхваченной во время поисков сокровищ, спрятанных Сансоном, вернулся в Англию в тысяча шестьсот шестьдесят девятом году. К этому времени его рейд на Матансерос вызвал серьезные политические проблемы, и капитан так и не был удостоен ни приема у Карла Второго, ни каких-либо почестей. Хантер через год скончался от воспаления легких в загородном доме в Танбридж-Веллс, оставив после себя весьма скромное имущество и записную книжку, которая впоследствии хранилась в кембриджском Тринити-колледже. Она цела и по сей день,

равно как и могила на кладбище при церкви Святого Антония в Тринити-колледже.

Время и непогода почти изгладили надпись на камне, но все же на нем еще можно прочесть:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ
ЧАРЛЬЗ ХАНТЕР, КАПИТАН

1627–1670

*Честнейший из моряков и искателей приключений,
любимый своими соотечественниками в Новом Свете*

VINCIT

Содержание

Часть первая. ПОРТ-РОЙЯЛ	9
Часть вторая. ЧЕРНЫЙ КОРАБЛЬ	103
Часть третья. МАТАНСЕРОС	139
Часть четвертая. ОБЕЗЬЯНЬЯ БУХТА	207
Часть пятая. ПАСТЬ ДРАКОНА	269
Часть шестая. ПОРТ-РОЙЯЛ	291
Эпилог	348

Литературно-художественное издание

Майкл Крайтон

ПИРАТСКИЕ ШИРОТЫ

Ответственный редактор *Г. Корчагин*

Редактор *А. Маковцев*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Шубик*

Компьютерная верстка *С. Шведова*

Корректоры *В. Дроздова, Н. Князева*

ООО «Издательский дом «Домино».

191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60. Тел. (812) 272-99-39.

E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

*По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*

E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

International@eksmo-sale.ru

*По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.*

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы
и офиса «Канц-Эксмо»:** Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленин-
ский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87
(многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

■ **Санкт-Петербург:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04. ■ **Нижегород:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала

Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. ■ **Казани:** Филиал ООО «РДЦ-Самара»,
ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. ■ **Самара:** ООО «РДЦ-Самара»,
пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

■ **Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

■ **Екатеринбург:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45. ■ **Новосибирске:** ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский
пер., д. 3. Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru.

■ **Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044)
495-79-80/81. ■ **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032)

245-00-19. ■ **Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. ■ **Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы»,
ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Подписано в печать 27.09.2010.

Формат 60х90^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0.

Тираж 5100 экз. Заказ 3674.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.aoompk.ru, www.aoompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-45379-5

9 785699 453795 >

Карибское море, 1665. Ямайка, далекая британская колония, а по сути вольное пиратское государство, противостоит могуществу испанской империи.

Жизнь морского разбойника полна свирепой романтики, но чересчур коротка. Если ее не оборвет тропическая болезнь, это сделает пушечное ядро, или абордажная сабля, или веревка палача. Поэтому не будет недостатка в отчаянных помощниках у того капитана, который задумает штурмовать неприступную крепость и отбить полный золота галеон.

«Парк юрского периода», «Сфера», «Конго» и другие бестселлеры Майкла Крайтона изданы во множестве стран, общее число экземпляров превысило сто пятьдесят миллионов. Роман «Пиратские широты» был обнаружен в архиве прославленного писателя уже после его смерти.

ISBN 978-5-699-45379-5

9 785699 453795 >

интернет-магазин

OZON.RU

41147582